ISSN 0012-6756

Дружба народов

12/2026

В номере:

Управление судьбой

Герой повести Ибрагима ШАОВА «Почтарь» много лет работает почтальоном в маленькой деревне, куда письма присылают всё реже. «Ему пришло в голову, что в деревне все чего-то ждут — не по очереди, а сразу. Письма, сына, врача, весны. Даже те, кто говорил, что ничего уже не ждёт, всё равно ждали». И однажды почтарь решает, что некоторые письма лучше не доставлять и не отправлять, а складывать в нижний ящик стола. Там годами копятся чужие письма — отложенные на потом и в конце концов забытые. После смерти почтаря его место занимает почтальонша Вера. Ей достаётся не только деревенский маршрут, но и ящик с письмами, которые так и не дошли до адресатов. И нельзя было предугадать, что они таят.

Несмотря ни на что

Рассказы Владимира ТРЕНИНА «Хорошие дни Саши Александрова» — это печальные истории о мужском одиночестве, иллюзиях и цене человеческого тепла. И всё же автор даёт надежду: может быть, самые лучшие дни у его героев ещё впереди.

«Но мы живём…»

«Через пространство и координаты» — стихи Алексея ДЕРЕВЯНКИНА, дебютанта «ДН», отличает доверительность интонации, без пафоса, без позы, но в них узнаваема атмосфера сегодняшних тревожных будней: «Проснулся: ни кустов, ни боя./ Будильник, тумбочка, кровать./ И полинявшие обои,/ И больше не в кого стрелять».
В лирике Анны ПАВЛОВСКОЙ несуетные размышления о Боге, о личном жизненном опыте, о взлётах и разочарованиях в любви, когда вдруг захочется заказать «крылья из Китая», чтобы «реять на пластмассовых крыльях/ по бетонной небесной сфере».
В рубрике «Двойной портрет» — Рифат ГУМЕРОВ, поэт и переводчик узбекской поэзии, много и с любовью пишет о родном Узбекистане: «Земля везде тверда, на родине — как пух».
«Шпилт, клезморим!» — подборка переводов стихов современных поэтов, пишущих на идише.

«Билингвизм — явление не случайное»

В своих полемических заметках доктор филологических наук из Кабардино-Балкарии Мадина ХАКУАШЕВА задаётся вопросом о том, каково состояние национальных литератур народов, у которых исчезает язык-носитель: «Литература питается живым речевым потоком, фольклором и повседневным общением. В этом контексте уникальность северокавказской литературы обретает особый смысл: когда устная традиция слабеет, письменное слово берёт на себя функцию сохранения памяти, истории и мировоззрения народа».

Как спасти человечество?

Рубрика Александра ЧАНЦЕВА «non-fiction Pro» на этот раз посвящена осмыслению конечности человеческого существования, «последним» вопросам. Его герои — Теодор Лессинг с его философией жизни, Томас Махо с его «Метафорами смерти» и группировка представителей радикальной норвежской экофилософии. Компания весьма неожиданная, но по ходу размышления выясняется, что «пересечений через границы времени и пространства на удивление много» и что это, в конечном счёте, ещё и философия сопротивления.

Дружба народов

12'2026

Литературно-художественный и культурно-просветительный журнал Литературного института имени А.М.Горького

Основан в марте 1939 года

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 25, стр.1,
журнал «Дружба народов»
Телефон: 8(495) 694-09-57

E-mail: dn@litinstitut.ru
Сайт журнала: http://дружбанародов.com

Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР
Свидетельство о регистрации товарного знака
№ 288681
Зарегистрировано
в Государственном реестре товарных знаков
и знаков обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях.

При перепечатке наших материалов ссылка на журнал «Дружба народов» обязательна.

Сдано в набор 20.10.2026.
Подписано в печать 23.11.2026.
Выход в свет 17.12.2026.
Формат бумаги 70 x 108 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 22,4. Усл.кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд.л. 21. Заказ
Тираж 1200 экз. Цена договорная.

Редакционный совет

Председатель Редсовета Алексей ВАРЛАМОВ

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Сергей БИРЮКОВ

Сергей ДМИТРЕНКО

Илья ОДЕГОВ

Вера ПАНТЕЛЕЕВА

Ренат ХАРИС

Людмила ЦАРЁВА

Александр ЧАНЦЕВ

Редколлегия

Главный редактор Максим АМЕЛИН

Шеф-редактор Сергей НАДЕЕВ

Ответственный секретарь Елена ЖИРНОВА

Ольга БАЛЛА

Ирина ДОРОНИНА

Наталья ИГРУНОВА

Галина КЛИМОВА

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Алексей ДЕРЕВЯНКИН. Через пространство и координаты. *Стихи* ***3***
Ибрагим ШАОВ. Почтарь. *Повесть* ***7***
Владимир КАТКЕВИЧ. Тахикардия. *Рассказ* ***43***
Дарали ЛЕЛИ. Зӧк Микол. *Рассказ. С удмуртского. Перевод автора* ***60***
Анна ПАВЛОВСКАЯ. Крылья из Китая. *Стихи* ***65***
Алексей МОРГАЧЕВ. Между вдохами. *Рассказы* ***68***
Александр БОНДАРЬ. Купите себе ошейник со скидкой. *Рассказ* ***91***
Марина БИТАРОВА. Тайна, унесённая в могилу. *Рассказ. С иронского. Перевод автора* ***103***
Рифат ГУМЕРОВ. Мы пройдём по рифат кучаси. *Стихи* ***111***
Современная поэзия Узбекистана в переводах Рифата Гумерова:
Сирожиддин САЙЙИД, Сирожиддин РАУФ, Гулом МИРЗО ***113***
Владимир ТРЕНИН. Хорошие дни Саши Александрова. *Рассказы* ***116***
Александр ЖДАНОВ. Я никому не дам умереть. *Рассказ* ***134***
Маша КОСТИНА. Конец лета. *Рассказ* ***140***
Елена ГРЭГ. Беги осенними полями. *Рассказ* ***146***
Милуся БУДАЕВА. Цыганочка. *Рассказ. С дигорского. Перевод автора* ***152***
Шпилт, клезморим! *Современная поэзия на идише в переводах Йоэля Матвеева и Ольги Матвиенко:* Исроэл НЕКРАСОВ, Йоэль МАТВЕЕВ, Катерина КУЗНЕЦОВА, Феликс ХАЙМОВИЧ ***157***

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Наталья ШМИДТ. Принцип вереска. *Рассказ* ***163***

АРХИВ

Михаил ЗЕНКЕВИЧ. Башня Вавилона. Железный спрут. Казнь. *Вступительная статья, подготовка и републикация текстов Сергея ЗЕНКЕВИЧА* ***167***

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Максим ГУРЕЕВ. Хождение за три горизонта. *Маленьким карандашом* ***176***

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Мадина ХАКУАШЕВА. Родной язык и идентичность ***179***

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. Культура тепла и смертного хлада ***188***

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Мария БУШУЕВА. Танец восьми границ ***207***
Леонид ДУБАКОВ. Взгляд с берега ***210***
Кирилл ЯМЩИКОВ. Дым без огня (после бала) ***213***
Владимир АЛЕКСАНДРОВ. Способ избежать конца света ***218***
Елена САФРОНОВА. Сборник остановленных мгновений ***221***
Михаил ЛИПКИН. Шеф из Страны Саха ***225***

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Без посредников? ***228***

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Бальзаминов снова женится ***233***

ГОДОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» ЗА 2026 ГОД ***238***

НА НАШЕЙ ВКЛЕЙКЕ

Знакомьтесь: Монголия

© «Дружба народов», 2026

Алексей Деревянкин

Через пространство и координаты

* * *

Приснилось, будто с пулемётом
Лежу в сиреневых кустах.
Была во сне моя работа
Проста, чудовищно проста.
Мелькали рядом чьи-то тени,
Кровавя дым, рассвет вставал,
А я лежал в кустах сирени,
И убивал, и убивал.
Кто был противник, — я не понял.
Кто отступал, кто шёл вперёд?..
Не помню, ничего не помню.
Лишь помню: я и пулемёт.
Проснулся: ни кустов, ни боя.
Будильник, тумбочка, кровать.
И полинявшие обои,
И больше не в кого стрелять.
Пошёл умыться. И в прихожей
Почувствовал недобрый взгляд:
До боли на меня похожий,
Смотрел из зеркала солдат.

Деревянкин Алексей Викторович — родился в 1983 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова по специальности «механика» (2005): в 2026 году поступил в магистратуру НИУ ВШЭ по специальности «филология». Работает в компании Huawei Technologies. Живёт в Москве. Это первая поэтическая публикация автора.

* * *

По паспорту мне сорок. Это много:
Уже почти полжизни позади.
Сижу, жую пятипроцентный творог,
А на часах — двенадцать без пяти.

Закончу завтрак, и наступит полдень,
И солнце, покачнувшись, вниз пойдёт;
А я приму рюмашку — и свободен:
Теперь до завтра никаких забот.

Я буду празден. То ли дело солнце:
Назавтра в пять ноль три ему вставать
И до заката, как сверхмарафонцу,
Дугу по небосводу отмахать.

Но хочешь, нет, — а только помнить надо,
По скольку лет осталось нам прожить:
Ему ещё светить пять миллиардов,
А мне всего... да что тут говорить.

Красный человек

Обычный вечер, тихий час,
Неяркой точкой в небе Марс
И шорох сзади.
За мной спешит, сминая снег,
Высокий красный человек,
Мне в спину глядя.
Сошёл с заката — и за мной,
Высокий, красный и прямой,
Всё ближе, ближе.
Он весь горячий, из огня,
Он смотрит злобно на меня
И громко дышит.

Весь красный с головы до пят,
Ботинки красные скрипят,
Скрипят ужасно.
Он красит красным всё вокруг,
Почти не виден на снегу —
Снег тоже красный.
В прищуренных глазах азарт,
Сверкают злобные глаза —
Буравят властно.
Блестит на красном красным бровь,
А может быть, не бровь, а кровь —
Ещё неясно.
Он — змей, что вышел из яйца,
Он сам — яйцо, он без лица,
Он — бред, он — хохот.
Рука, что крабова клешня,
Взвивается столбом огня;
Дрожит эпоха.
Краснеет под ногами снег,
Дробится рваный красный смех,
В ушах грохочет.
Безумный красный человек,
Безумный смех, безумный век —
Чего он хочет?..

* * *

Моя жена командует на кухне.
Когда наш мир с беззвучным криком рухнет,
Заслышав всадников, мне только бы успеть,
Собрав все силы, как спортсмен с плаката,
Взбежать на свой этаж, на двадцать пятый,
Куда подняться — проще умереть.
Площадка, дверь, прихожая, налево,
На кухню, где английской королевой
Стоит жена спокойно у стены.
Она махнёт рукой изящно-бледной:
«Ты вовремя. Как раз успел к обеду», —
Закроет дверь. И всё: мы спасены.

За окнами — гром, пустота и хаос,
Кругом во всей Вселенной не осталось
И пары-тройки атомов живых,
Но здесь — всё как вчера, всё как обычно:
Посуда вымыта, обед опять отличный
И свет горит на кухне для двоих.
Так наша кухня капсулой квадратной
Через пространство и координаты
Летит последним жизни островком.
Мы, как обычно, смотрим фильмы в среду
И чай садимся пить после обеда.
Мир умер. Умер мир. Но мы живём.

* * *

Уходит срок. Я не дождусь приказа.
Скользит тревога рябью по воде.
Коль скоро неизбежно быть беде,
Успеть бы покурить хоть два-три раза.
Я знаю меру: трёх сегодня хватит.
И всё, пусть поднимается вода.
А мне всё жаль, что больше никогда
Я дома не проснусь в своей кровати.
Бегите, тучи, от звезды к звезде,
Крепчай всю ночь, восточный рваный ветер,
Гони листву в неровном лунном свете
И рассыпайся рябью по воде.

Ибрагим Шаов

Почтарь

Повесть

Глава первая

Почта стояла на краю деревни, возле дороги, которую зимой заметало так, что она переставала быть дорогой и делалась сплошной белой полосой между сугробами. Рядом с почтой, под одной крышей с холодными сенями и дровяным сарайчиком, лепился казённый домик: две комнаты, кухонька, печь. Одно окно выходило на улицу, другое, маленькое, — во двор. В этом домике и жил почтальон.

По утрам он вставал раньше света. Сначала долго возился у печи. Клал в поддувало бересту, подсовывал щепки, дышал в тлеющий красный зев, пока в трубе не начинало тянуть. Потом ставил чайник, надевал валенки, старый ватник, шапку с вытертым мехом и отпирал дверь в почтовую комнату.

Там было ещё холоднее. На столе, застеленном клеёнкой, лежали вчерашние газеты, несколько пенсий в бумажных конвертах, перевязанные бечёвкой письма и журнал с неровными графами, куда он вписывал то, что должно было уйти и прийти. В углу стоял мешок с сегодняшней почтой — не полный, как когда-то, а смятый, будто сам стыдился своей худобы. Газеты ещё выписывали по привычке, пенсии ждали, а письма, наоборот, стали редки и оттого казались важнее.

Он развязал горловину мешка, выложил конверты на стол, разгладил их ладонью.

— Похудел, — пробормотал он, заглянув в мешок. — Скоро тебя, брат, ветром носить будет.

Ибрагим Шаов родился и живёт в Майкопе. Кандидат юридических наук, доцент. Печатался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Дарьял» и др. Лауреат ряда литературных конкурсов и премий.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2026, № 4.

Движения его были бережными, будто перед ним лежала не бумага, а что-то хрупкое. Щурясь на адреса, он подносил один конверт ближе к лампе, другой откладывал, третий ставил отдельно. Потом надел круглые очки в тонкой оправе с кривой дужкой и сел разбирать.

В деревне его звали Семёном Ильичом. Кто-то добавлял уважительно «почтарь». Кто-то просто — Ильич. Дети говорили «дядя Сёма». Он отзывался на всё. За много лет имя приросло к нему — другого он уже и не представлял.

К восьми почтарь уже был готов идти. Сумку он носил одну и ту же: толстую, армейского цвета, с потемневшим ремнём и латкой на боку. Он перекинул её через плечо, запер почтовую комнату и постоял на крыльце, вглядываясь в белёсое утро.

Деревня лежала тихо. Из нескольких труб шёл дым, серый на белом. Собаки ещё не лаяли, только одна, у дальнего дома, лениво брякнула цепью и снова улеглась. Снег под валенками скрипел сухо и туго. За огородами чернел лес, ровный, непроходимый, будто проведённый углём по холодному небу.

Семён Ильич по давно заведённой привычке шёл по улице не спеша, ровно.

У дома Поливановых уже с крыльца слышался крик. Не настоящий скандал, а тот будничный, вязкий крик, который давно уже никого не удивлял, даже самого кричащего. Муж Ирины Поливановой пил тяжело, с запоями, примирениями, пустыми клятвами и тем унижением, которого сначала стыдятся, а потом перестают замечать.

Ирина вышла сама, накинув пуховый платок на голову. Она была ещё не старая, но лицо у неё стало таким, по которому возраст угадывался плохо: серая тень под глазами, сжатый рот, быстрые движения человека, привыкшего жить в чужом раздражении.

— Газета, — сказал Семён Ильич, протягивая ей свёрнутый номер.

Она взяла газету и уже хотела уйти, когда из дома опять донёсся голос мужа — пьяный, мутный, требовательный.

Почтальон помедлил.

— Может, я поговорю с ним? — спросил он негромко.

Ирина посмотрела на него устало, без удивления, и только махнула рукой.

— Иду! — крикнула она в дом и, не прощаясь, скрылась в сенях.

Семён Ильич постоял у калитки чуть дольше, чем следовало. Потом поправил сумку и пошёл дальше.

У школы его встретил Александр Петрович, директор. Высокий, уже седой, с прямой спиной и той степенной сухостью, которая остаётся у людей, привыкших всю жизнь стоять перед классом. Он шёл от котельной, сам, без завхоза, в брезентовых рукавицах и шапке с опущенными ушами.

— Доброе утро, Ильич.

— С добрым, Александр Петрович.

— Нам районку дали?

— Дали. Сейчас занесу.

— И ещё журнал должен быть педагогический. В прошлом месяце не пришёл.

— Посмотрю.

Директор задержался, будто хотел сказать что-то ещё, но вместо этого снял рукавицу и потёр пальцем усы, прихваченные инеем.

— Мороз к вечеру крепче станет, — заметил он.

— Крепче.

— Говорят, переправу опять закроют.

— Говорят.

Они постояли ещё секунду. В таких разговорах не было ничего, кроме самих разговоров, но деревня и держалась на этой негромкой перекличке: всё ли по-старому.

— Ладно, жду, — сказал директор и пошёл к школе.

У магазина на лавке сидел Пашка, хотя был ещё утренний час. Он, обхватив колени, смотрел в снег перед собой. Рядом, у самой лавки, лежала дворовая рыжая собака — грязноватая, с обмороженным ухом и редкой шерстью на боку. Она подняла голову на шаги Семёна Ильича, но не встала. Когда-то Пашку звали Павликом и считали лучшим учеником в классе. Теперь звали просто Пашкой, а за глаза — Хромым, хотя хромота у него была практически незаметная.

— Чего рано? — спросил Семён Ильич.

— А поздно уже, — ответил тот.

— Магазин закрыт.

— Так откроют.

Почтальон кивнул. Ему сегодня ничего не было. Как, впрочем, и вчера. В деревне все чего-нибудь ждали. Один Пашка, кажется, уже нет.

Семён Ильич пошёл дальше. Ещё два дома, ещё газета, ещё пенсия, ещё короткое «нет, сегодня ничего». Под конец он поднялся к Клавдии Савельевне, у которой ноги отекали так, что она уже почти не выходила. У двери было тихо. Он стукнул раз, другой, но никто не ответил. Тогда он открыл калитку, подошёл к почтовому ящику, висевшему на кривом гвозде, и сунул туда письмо из района — с печатью и длинным номером в углу.

Только возвращаясь назад, он вспомнил, что Клавдию Савельевну похоронили три дня назад. Он не остановился, не пошёл обратно к ящику. Лишь шаг его на секунду сбился, будто под снегом попался корень или выбоина, но тут же выровнялся. Сумка снова легла ему на бок своим обычным весом.

Небо стало белее снега. С реки потянуло ветром, мелко забивая следы на дороге. К полудню Семён Ильич был уже у почты. Он стряхнул снег с валенок и долго топал на крыльце, прежде чем войти.

В почтовой комнате было по-прежнему холодно. Он снял сумку, повесил на крючок, сел к столу и стал перебирать то, что не успел разнести: пенсионную ведомость в сельсовет, две квитанции, письмо на имя человека, которого в деревне уже никто не вспоминал. Этот конверт он подержал дольше других и отложил.

Снял очки, потёр пальцами переносицу и ещё некоторое время сидел неподвижно, прислушиваясь то ли к ветру за стеной, то ли к тому тихому, давнему движению внутри, которое всегда поднималось в нём от чужих писем.

Наконец он встал, открыл нижний ящик стола и положил туда один из конвертов. Ящик закрылся мягко, совсем без звука.

Он помедлил, всё ещё держась за дверную ручку, словно хотел что-то вернуть назад, но не вернул. Потом пошёл к себе — заварить чаю, смотреть в окно на пустую улицу и ждать, пока короткий зимний день начнёт так же незаметно убывать, как убывало здесь всё.

Глава вторая

Ветер крепчал. За его спиной стояла почта, полузанесённая снегом, с тёмным окном. Из трубы тянулась тонкая струйка дыма. Домик при ней казался ещё меньше, чем был, — временным, служебным, точно его поставили здесь не жить, а пережидать.

В сенях Семён Ильич постоял немного, переводя дыхание, потом вошёл к себе. В комнате было теплее, чем утром, но тепло держалось только возле печи. У окна тянуло холодом, и по нижней кромке стекла белела наледь.

Домик был обставлен бедно и как будто не до конца. Железная кровать у стены, стол под клеёнкой, два стула, шкаф с перекошенной дверцей, умывальник в углу, полка с крупой, солью и жестяной банкой чая. На стене висел календарь двухлетней давности с оленем на фоне сопок. Семён Ильич его не снимал — то ли забыл, то ли просто не видел смысла. Над кроватью, на вбитом гвозде, висела старая сумка поменьше, ещё армейская, с потрескавшейся пряжкой. Этой сумкой он давно не пользовался.

Под окном стоял стол с тремя ящиками. Верхний выдвигался легко и пустовал почти всегда, если не считать карандаша, ножика для разрезания бечёвки и служебных квитанций. Во втором лежали марки, сургуч, обрывки

шпагата, скрепки, старые бланки и несколько чистых конвертов. Нижний ящик открывался туже. Его он дёргал всегда осторожно, сначала на себя, потом чуть вверх, чтобы не заело.

Семён Ильич поставил чайник ближе к краю плиты, подкинул в печь два полена и сел к столу. Некоторое время он сидел, ничего не делая, положив ладони на клеёнку. Выдвинул второй ящик, достал чистый лист, конверт и старую ручку. Писал медленно, с нажимом. Долго не мог начать: чертил ручкой в углу листа, примерялся. Наконец вывел: «Здравствуй, мама».

Остановился, перечитал, будто не веря, что всё ещё может обратиться к ней так просто. Ниже продолжил: «Пишу тебе сообщить, что я жив и здоров, чего и вам всем желаю. У нас зима стоит ранняя, снега много, но я уже привык. Работа у меня спокойная, не тяжёлая. Люди здесь без лишнего слова. Живу по-старому, при месте».

Последняя фраза ему не понравилась. Он провёл над ней ручкой, не зачёркивая, словно хотел отменить её в уме. Потом всё же оставил как есть и прибавил: «Не беспокойся обо мне. Всё у меня идёт своим чередом».

Слово «мама» он писал каждый раз одинаково — крупнее и твёрже остального текста, видимо, рука сама возвращалась к нему из другой жизни.

Дальше он спросил о здоровье, о брате, о сестре, о доме. Не течёт ли крыша. Не скрипит ли по-прежнему калитка. Жив ли ещё старый пёс, если, конечно, он не забылся и не спутал его с каким-нибудь другим. На этой строке он остановился и долго сидел, глядя в тёмный угол, где стоял шкаф.

Брата он не видел почти сорок лет. Сестру — ещё дольше. О матери не знал ничего. Иногда, когда по вечерам ветер гудел в трубе, ему казалось, что все они давно умерли, один за другим, а он всё пишет и пишет в пустоту, не желая узнать наверняка, кому адресованы эти ровные, бесполезные строки. В другие вечера верилось, что они живы и так же, как он, привыкли ждать без расчёта и надежды.

Он дописал: «Если будешь писать, пиши до востребования».

Подумал и аккуратно зачеркнул «до востребования». Написал ниже: «Пиши просто сюда».

Эта замена ничего не меняла.

Когда письмо было закончено, он сложил лист вчетверо и вложил в конверт. Адрес не писал сразу. Посидел, затем взял ручку.

Чернила на первой букве чуть расплылись. Он ещё раз посмотрел на конверт и медленно перевернул его адресом вниз.

Чайник зашумел. Семён Ильич налил в кружку кипятка, бросил щепоть заварки и сел, не притрагиваясь к чаю. Держал ладони вокруг кружки, слушая, как ветер сыплет по стене сухим снегом.

На стене тикали часы. Старые, с поблёкшим циферблатом, они то отставали, то вдруг начинали спешить, и он давно уже не доверял им, но каждый вечер всё равно заводил.

Он взял письмо, встал, подошёл к окну и поднёс конверт к свету, точно проверяя, хорошо ли легли чернила. Потом вернулся к столу, потянул нижний ящик и положил письмо к остальным.

Писем там было немного. Он писал нечасто. Иногда месяцами не писал вовсе. Но каждое письмо ложилось туда с одинаковым мягким звуком — почти виноватым.

Он задвинул ящик до конца.

Чай к этому времени успел настояться. Семён Ильич выпил его медленно, в три глотка, не чувствуя вкуса. После вышел в почтовую комнату. Там уже практически стемнело, хотя день ещё не кончился. На столе лежали две квитанции и пустой журнал выдачи. Он переложил бумаги с места на место, потушил лампу и на секунду задержал руку на выключателе, словно не решался оставить комнату без света.

Из окна бледно отсвечивал снег. В этом отражении он вдруг увидел своё лицо — узкое, уже старое, с редкой сединой на висках и тенью от очков на переносице. Лицо человека, давно переставшего кому-либо объяснять, почему он так и не вернулся домой.

Вечером никто не пришёл. Иногда заходили за марками, за телеграммой или за газетой, если он не успевал отдать её днём. Сегодня не пришёл никто. К ночи ветер совсем прижал деревню к земле. Слышно было, как за углом сарая поскрипывает незакреплённый лист железа.

Семён Ильич закрыл почтовую комнату изнутри, прошёл к себе. Поужинал хлебом с холодной картошкой, сел на кровать не раздеваясь и долго смотрел на шкаф.

В верхнем отделении, за стопкой полотенец и пустой жестяной коробкой, лежала фотография. Он редко её доставал, но знал точно, на каком она месте и каким углом упирается в фанерную стенку. Иногда ему казалось, что пока фотография там, дом, из которого он когда-то уехал, не исчез окончательно, а только молчит — как письмо, не дошедшее вовремя.

Но в этот вечер он не встал и не открыл шкаф. Только погасил свет и лёг, натянув на плечи старое одеяло. В темноте ещё долго было слышно, как в печи оседают угли и за стеной, в пустой почтовой комнате, что-то едва различимо потрескивает — то ли дерево на морозе, то ли пересыхающая бумага.

Владимир Каткевич

Тахикардия

Рассказ

1

Адрес агентства по трудоустройству на иностранные суда накалякали на зубчике объявления неполно: «ул. Ударников». И всё. Дежурно и безлико. Без привязки к району. Можно всю жизнь обитать в городе, а в это запечатлённое захолустье ни разу не наведаться. И не жалеть.

В межвременье район не развился, не приобрёл статуса престижного, а признаки промышленного — утратил. Прижившиеся одно время в холодных цехах кустари не в счёт. И застройщики почему-то не зарятся на производственные площади. Пока. Как будто промзона заговорена. Причём это даже не ближний пригород, а городская черта. Потаённо живут, как на мифическом острове, отороченном дугой железной дороги, тектоническими балками-долинами и терриконами угля на продажу. Чем не остров? Притаились вместе с «курями» на своей Земле Санникова. Куры даже не кудахчут.

Виктор Карс оторвал зубчик неровно. Номер дома остался на объявлении. Номером телефона Карс себя не обременял. Время приёма почему-то было смещено к вечеру. Видимо, посредники любят сладко поспать. Для подфлажников это неудобно.

Сердце клокотнуло к горлу: тесно ему, большому, в грудной клетке, мается. Затаится, а потом норовит скакнуть, вроде готово выпрыгнуть наружу. Карс какое-то время принимал таблетки от тахикардии. Когда они кончились, деньги тоже кончились. Главное, добраться до тропиков, там отпустит. Так считают матёрые водоплавающие. Наверное, для заблуждений есть основания.

Каткевич Владимир Константинович родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил Одесский технологический институт. Печатался в журналах «Волга», «Нева» и др. Автор романов «Германская шабашка», «В твиндеках золото» и др. Живёт в Канаде. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

И всё это враки непосвящённых, что море зовёт. Море не зовёт, а отзывает. А романтический флёр — для детей капитана Гранта. Или неразвитых. От +12 до -32. Очередной контракт в море с его убийственной цикличностью, если не сгущать краски, — это, конечно, не гильотина над загривком, но всё-таки условный приговор. Рассчитываться приходится месяцами и годами жизни. Которая расходуется в море безжалостно и регулярно. И прорываются туда потому, что иногда банально хочется кушать.

Если сердце притаилось без продыху, лучше, сбросить обороты, подождать, пока аритмия устанет.

Карс услышал дыхание за спиной и остановился.

Прохожий тоже замер. Потом продолжил шаркать и пусто одышечно сопеть. Карс не двигался, позволил тому обогнать. Это был старик с тележкой-кравчучкой. Карс стал машинально считать шажки старика. Насчитал ровно десяток. Старик снова остановился перевести дыхание, бедняга. Он замирал каждые десять шагов. Потом обречённо семенил мелким бесом дальше. Как плыл. Неужели и ему суждено докатиться до такой плачевной проходимости очередями?

Угодил в лужу. Лужи в межсезонье не успевают сохнуть, копят робкий намёк небесной матовости, сумерки не гасят нутряное свечение. Где-то совсем под ногами, как в метро, прогромыхал грузовой состав, лязгая сцепками. Состав умчался, а вода в луже всё дрожит от сотрясений, и призрачный свет водянисто рассеивается в ряби.

К зиме на улицах освещение умерили, веерно угомонили, кое-где оно вообще иссякло. Если сиротский свет фонарей местами и пробивается, то всё одно без пользы. Брезжит сквозь голые ветки акаций на перекрёстках, пустых для движения. Так бывает на тонущих судах. Рабочие генераторы ниже ватерлинии уже затоплены, и тогда включают аварийное слабосильное питание на боут-дек. Боут-дек подтапливается в предпоследнюю очередь.

На берегу тогда тоже многие думали, что пускают пузыри. И дно уже. Думали, хотя бы лечь на дно. Глаза прижмурить, не мучиться, не видеть. Карманные деньги у Карса уже не водились, он жил, как говорят, на подсосе, только неумолимая нужда вынудила искать шарагу. Широко неизвестную в морской среде. Проклюнулась она на небитом месте, как поганка после дождя. Поэтому Карс пробирался к ней без особой надежды и охоты.

Случайные прохожие, завидев издали его циклопический силуэт, на всякий случай шарахались и растворялись в размытом пейзаже зазеркалья. Окликнешь — прибавят шаг. И не кого распросить. В прозрачной темноте чисто и одиноко пела женщина:

...Далеко, далеко, где кочуют туманы,
Где от лёгкого ветра колышется рожь,
Ты в родимом краю у степного кургана,
Обо мне вспоминая, как прежде живёё-о-ошь...

Никто не порывался подхватывать песню или одёрнуть зарвавшуюся певунью. Что-то очень заветное сквозило, утраченное ещё в раннем детстве. Детство навещает чаще с местом. Место вроде угадывалось по какому-то сну, но Карс сон тоже стал забывать. Не помнил целиком, и не пытался.

Песня плутала в безлюдье и заполняла гнетущую тишину. Окрестные производства омертвели, не пыхтят, их растаскивают. Изредка впотьмах лязгнет металл, — воруют. Друг у друга. Или ракушняк-казанчик тяжело сверзнется, вомнётся в землю. Охрана по ночам втихаря разбирает кладку цехов, в разгаре ползучая руинизация по-чёрному. С дальнейшим окучиванием. Когда добротное строение превращается в рыхлую кучу.

Среди тесноты нахалстроя мигает гирлянда светодиодов. Дверь робко шаркнула. Заурядный пыльный домишко под замшелой черепицей. Убого, но уютно. Серебристые гирлянды к стрехе повесили. Искусственные гирлянды облепил настоящий иней. Нелепица. Готовятся к Новому году. Пахнет ракушечной пылью, рассеянным туманом и душисто поздним мясистым виноградом. Жестяно шуршат пересохшие на виноградных арках листья. Горько смотреть на гроздь поздней изабеллы, припорошенную инеем.

Отменили маршрут единственного трамвая, а указатели остановок не сняли. «Приостановили движение». Последний вагон вроде стал на ремонт. Не выдержал. Говорят, трамвайщики силком обездвижили ещё годный. Они год не видели зарплаты, и сами кормильца приговорили к разборке на органы. Как луддиты. Пока этот трамвай — «верблюд» с реостатом на крыше в огранке стынущих воспоминаний, а вскоре вообще забудут его трыньканье для бродячих собак и безжалостное дребезжанье стёкол. Из-за шума движения голоса кондукторши вообще не было слышно. Какая где остановка. Сейчас полная остановка. Не по требованию. Тихо и жалко.

Перестук поезда слышнее, но недоступнее, вроде он сам заблудился. Рельсовые пути прижались к улицам, животно просят защиты. Говорят, где-то уже рельсы спёрли. Редко действующие. Если застукают — вилы.

Почему посредническая шарага оказалась за чертой досягаемости? Колледжей с морским фоном и так с избытком. Спрос на рынке морского труда опережает смысл, образование блоками городят. А бурсы клепают по инерции новых безработных моряков, бичкомберов. Кадровая пирамида!

Негоже, конечно, крюинговых менеджеров огульно честить, и не все они паразитируют. Без работы в море — совсем кранты. По морскому телефону тиражируются слухи об обманах и вымогательстве. А добросовестные прикормленные конторы сами подфлажники не афишируют. Чтоб дорогу не перебежали. Или, наоборот, нарочно наводят тень на плетень.

«Там стрёмно, — стращают, мутят. — Могут кинуть».

Наверное, аренда в престижном центре оказалась не по карману посредникам, к которым Карс пробирается. А если контора в меру порядочная, если лишних денег не водится? Да есть ли вообще ещё надёжные? Когда денег сразу у всех в обрез. Наспех скомплектованную команду благословляют куда-нибудь в Кальяо и при этом клянчат деньги у экипажа. Якобы в ближний долг на перелёт. Это норма попросить в долг у клиента несколько тысяч. И моряки дают, причём беспроцентно. Если доверяют менеджеру или признают в нём своего бывшего капитана.

Что-то здесь продавцов морского воздуха явно якорит. Может, кому наследство от бабушки обломилось — недвижимость из самана с клопами?

Карсу почему-то казалось, что должны начаться ночные полёты. Наперегонки, как водится. Подкорка посылала слабые сигналы. Однако он на них не реагировал. Аэродром рядом, но самолёты не выли на форсаже, не терзали тишину.

Женщине петь ничто не мешало. Пела она свободно, слегка растягивая слова. Казалось, мелодия заплутала, её, пришлую, узнают, вспоминают безнадёжно, но не подают виду. Прошла лирика. А мелодия всё качается. Ей не откликнутся, и она потеряется. Или память подводит, как у стариков бывает, когда вспоминают одни мучения. Осознанная обречённость сквозит. Женщина, видимо, отвыкла смущаться и может просто запеть с желанием, ни с того ни с сего. Где угодно. Когда никому не угодно. Всласть. Как птица. И она поёт заветное, нечаевское:

...Небосвод над тобой опрокинулся синий,
Плещут быстрые реки,
Вздыхают моря...

Море отсюда далеко, в другом конце города, потому не вздыхает с досадой, не обозначается. Декабрь устойчиво мягкий, привычный, с прелью, предчувствием хрусткого ледка по утрам и шальных оттепелей сразу следом. Пахнуло борщом, наверное, вкусно поужинали. Карс отведал бы горячего забористого борща. С чесноком и майонезом. Накопал мелочи за подкладкой куртки только на пару стаканов ингулецкого. Ингулецкое почему-то не купажируют с другими случайными остатками.

А что касается сантиментов, то сердце не ёкнуло. Уже всё перевспоминалось, пока прожитое вообще умещалось в пределах досягаемости. Так что не будем притворяться и умиляться. Всему своё время. Ещё лет пятнадцать назад Карс совсем по-другому осознавал прожитое второпях. И воспоминания тогда будоражили, а сейчас замызгались, перемололись. До пыли и сухого кашля.

Теперь нет такой глубокой пыли, не копится. По горячей пыли пятилетний Карсик шлёпал всё лето босиком. Находя стёкла и колючки. Пыль была выше щиколоток. Как ни странно, эта благодатная пыль заживляла ссадины. В пыли откапывали абрикосовые косточки. Кололи ракушняком. Ракушняк сам крошился. Жара была привычной, не изнуряла. Овечек окатывали из ведра, чтоб не околели. Земля трескалась, каракурты вылезали из норок, не выдерживали.

Мало кому осталось вспоминать, что именно тот знаковый год был ещё и заносным. Дома засыпало сугробами до форточек. От снега в домах теплее. Очевидцы-старожилы перемёрли, некому теперь причитать и сокрушаться. Нынешних акселератов этим не удивишь. Существует какая-то критическая дистанция во времени, когда отклик поколений ещё возможен. Песня в загашниках этой ложной памяти.

А женщина всё поёт. Мелодия не очень-то его перепахивает, хотя и неожиданно. Однако он ждёт продолжения.

Карс, наконец, вышел к свету, лампочка сиротливо светила, догорала, как свеча, будто забыла потухнуть по команде.

Сейчас он один, стоит обозримо из плотно лакированной тьмы. Или не один? Кто-то его явно «цинкует» из депрессухи, он чувствует кожей.

— Что шукаем? — спрашивают из пустоты?

— Крюинговое агентство.

— Ты моряк? У моряков много денег. Займи два рубля.

— Если бы у меня звенело, я бы не искал офис.

— Тогда иди до трансформаторной будки, она гудит, услышишь. А дальше по-над путями.

Теперь будка вообще не гудит, не зудит, не распределяет амперы. Потому что весь общий свет тоже отменили. Может, жители не платят, воруют бесплатно. Он прошёл мимо трансформаторной подстанции, похожей на керосинку. В темноте запретная слепая коробка выглядит ещё более загадочной и нелепой. Где-то вкрадчивые шаги. Или показалось? Или кто-то шлёпает следом и осчастливит по темечку трубой. На полтора дюйма. Карс вернулся. Из трансформаторной ажурной ржавости выполз бездомный. Рядом с промышленным током тепло. На смертельном расстоянии локтя. В будке кто-то плачет.

Карс различил стрелку мелом на вулканических плитках тротуара и доверился пунктирной подсказке. Странно, какое-то благоприятное поле в этом островном зазеркалье. Оно его ведёт. Когда он мог погружаться в эту глухомань? Будто она его признала, своим восприняла, а он растерялся, не готов к откровению.

Он чётко вышел к конторе. Стрелка указывала во двор. Такие морские заманухи чаще во дворах, где аренда дешевле. Крюинг прижился в подвале единственного трёхэтажного дома. Сквозь цивилизованное подземелье Карс плутал тоже по стрелкам. Так на пароходе лепят согласно конвенциям фосфоресцирующие указатели направлений. Чтоб к шлюпке дочапать в лиху годину. Стрелки вывели к подвалу пристройки, где горел искусственный свет и урчал переносной генератор. Слегка зашибало канализацией.

Тем не менее в нулевом этаже, как ни странно, было кустарно уютно. Даже в меру стильно. Из амфоры торчал сухой букетик тамариска. На двери табличка «Менеджер... компании... Панайотис Звороно».

До революции в Одессе была коммерческая пароходная компания «Звороно». Может, оттуда растут ноги?

Звороно, немолодой кирио (господин), ровнял маленькими ножничками седые усы и гримасничал перед зеркалом. Щёголь. Бегло без интереса полистал сертификаты и что-то пробурчал. Карс не разобрал. Думал, к нему обратился, но менеджер произнёс в трубку, видимо, на проводе были Афины. Или пролив Дрейка.

В подворье загрохотали мусорные баки. Мусоровоз возмущённо урчал. В окне подвала крепкие женские ноги в мужских рабочих ботинках.

Женщина-грузчик кантует баки с гулкой пустотой. Грек глядит в окно. Мусоровозка валко на ухабах, скрипя, как от артрита, выбралась со двора, и Карс снова услышал:

...О тебе, светлоокой,
Моей зорьке красивой,
На далёкой границе
Вновь задумался я...

— О чём она поёт? — спросил грек по-английски.

— О парне, который служит на границе.

— Хорошая мелодия... Я где-то слышал...

Греки люди музыкальные, но сентиментальные только на определённые темы, выборочно. Будто песня сама плутала, томилась без разгону и отчётливо навестила. Из другой эпохи, другой смежной цивилизации.

Менеджер полистал резюме Карса из прежней конторы «Марин нэвигэйшн шиппинг», продиктовал в телефон ключевые данные. Там, в Пирее, или Пераме, так же с первого раза не расслышали.

— Да-а-а, — подытожил. Таким тоном на выдохе врачи обычно оглашают диагноз «фифти-фифти». — Думаю, деньги от «Марин нэвигэйшн» вы сможете получить только года через два. В лучшем случае. Когда арестованное судно пустят с молотка. Цена металлолома, кстати, падает. Если развязка растянется на три года, то зарплата экипажа пойдёт на погашение расходов по стоянке. Компания обанкротилась.

Искусственно? Помогли? Уже не эти ли благодетели?

— А на что я жить буду два года?

— Поэтому и предлагаю вариант. Оформляйтесь к нам.

— Потом вы разоритесь, и я снова пойду по миру...

— На рынке морского извоза от форс-мажора никто не застрахован.

— Вы моряк? У вас такое было?

— Причём несколько раз, — признался менеджер. Карс ему почему-то поверил. — Вам сколько лет? — Звороно заглянул в анкету. — О, да вы мой ровесник! Возраст у вас пока не критический, но поджимает.

— Да бросьте меня обкатывать, ничего не поджимает!

— У нас как раз есть вакансия на банановозе. Пароход чистый, без шлейфа долгов. Соотечественники там не прижились, пьянства нет, до депрессии не опускаются. Экипаж в основном филиппинцы... Они коммуникабельны, орешки щёлкают, с компьютерами накоротке. Любят палубный бадминтон и позднего Синатру. Подумайте. Только недолго.

— Не люблю бадминтон. Я восьмой месяц без работы.

— Мы поможем вам оформить кредит в банке Пирея. Вы были в Пирее?

— И в Пераме тоже. Лучше бы я там не был.

— Не ожесточайтесь. Люди разные. Наша компания с традициями.

— Капитан на судне грек?

— Да, грек. Ну и что? Я тоже грек.

— Получается, греки кидали своего?

— До революции в Одессе было пароходство «Звороно». У нас целая династия. Хотите выпить?

Менеджер поставил на стол початую бутылку «Метаксы».

Они закурили. Из темноты доносилось:

...О тебе, моя зорька,
На далёкой заставе...
В нашей жизни тревожной
Я забыть не могу...

— А что здесь раньше было? — спросил Карс.

— Школа. — Звороно неожиданно перешёл на русский, изъяснялся свободно, чисто, без акцента. — Почему было? Она и сейчас есть. Правда, детей мало. Могут школу отменить, тогда малышне придётся ходить через железную дорогу в Курсаки. А здесь, в пристройке, где мы сидим, уже смежный частный сектор.

— Зачем вы говорили по-английски?

— У вас вполне приличный разговорный. Я убедился. Это ваш шанс, подумайте.

«И порука заодно, — прикинул Карс. — Если греки кинут, то будет кому голову открутить. Обнадёживает. Филиал здесь застолбили всего пару недель. Краской пахнет. Нельзя обольщаться, но и глупо упускать шанс. Пока контора только учредилась, они не кидают. Надо же, школу могут отменить. Сначала отменили детские сады, потом школы уплотнят. А потом дома престарелых?»

Карс вышел в дощатый дворовый туалет. И вспомнил. По запаху. Пахло извёсткой и куриным помётом. «Цып-цып-цып!» Он находился в туалете школы, где пошёл в первый класс. А почему школу не узнал?

Карс подошёл к ней с тыльной стороны, со стороны Дальних Мельниц. Впотьмах.

* * *

Мельничную Землю Санникова сейчас не замечают. Немудрено. Исчезла прозрачность пространства, напрочь истребили голубятни. А ведь они смягчали скудный быт и досуг, объединяли отстранением посвящённых любителей. Даже претензиями, если, скажем, твоих дутышей выманили.

Вплотную к школьному туалету городят халабуды безвкусно, кто во что горазд. Но гламурно. Новостроям тесно. Они будто толкаются — куча мала. Раньше люди гнездились ровнее, особо не выпячивалась. Юная училка Анна Захаровна, будучи барышней провинциальной, учила первоклашек, как перебрасывать забредших на школьный двор «курей» назад в среду обитания.

— Вы кричите им: «Цып-цып-цып!» — учила. И малышню тоже окликала нежно, по-деревенски: — Цып-цып-цып.

Наловчились шугать курок и при этом не поцарапаться. Заборы городили из штампованных отходов, ржавых дырчатых листов с заусеницами. На смену едва зажившим ссадинам появлялись свежие. Местные работали на окрестных заводах, откуда тащили отходы. Или выписывали.

В этом школьном туалете он увидел фото немецких лётчиков в кабинах мессеров. Снимали, наверное, со своих самолётов. Гарнизон, который перебазировался к новому месту службы на Дальние Мельницы, был

Дарали Лели

Зӧк[1] Микол

Рассказ

С удмуртского. Перевод автора

— Зуев, — коротко назвался он, как отрубил.

Лицо мятое, блёклое, как застиранные подштанники. Татьяна Силантьевна впилась в незнакомца взглядом — глаза собеседника были потухшие, без искры.

— Нет у нас вакансий, чего вам предложить... — оценивающе оглядев, она попыталась отмахнуться от засланного в деревню мужика.

— Куда скажете, туда и пойду. Но на ферму не могу, с ногой беда, будь она неладна.

— Если не на ферму, то куда? Работниками наша деревня у-ком-плек-тована.

Она приготовилась к тираде, но уже чувствовала, как тяжкий камень медленно опускается на дно её души. Куда присобачить, куда приткнуть нежданного соискателя... Свалился как снег на голову.

— Кем работали на зоне?

— Как и все, туда-сюда. Рукавицы шил. По мелочи.

— Значит, с машинкой обращаться умеете. Уже хорошо.

Дарали Лели (Петрова Елена Владимировна) — прозаик, драматург, переводчик, художник, дизайнер этнической моды. Родилась в 1987 году в Ижевске в семье писателей: мать — поэт, литератор Татьяна Чернова, бабушка — детская поэтесса Лидия Чернова. Автор сборника рассказов «Гур сьорысь суредъёс» («Рисунки из-за печки», 2009), печаталась в литературных альманахах и антологиях, в том числе на финском и эстонском языках. Автор романа «Зорнамер но Занна» («Зорнамер и Занна»), опубликованного в журнале «Кенеш». С 2025 года — главный редактор молодёжного литературно-художественного журнала «Инвожо». Живёт в Ижевске.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2026, № 4.

[1] Зӧк *(сев. удм. диал.)* — большой, великий, уважаемый.

— Было дело... — зэк смачно сплюнул на блестящий коричневый пол из крашеных досок.

— Вы чего плюётесь! — вспыхнула Татьяна Силантьевна.

— Привычка... дурная, — смущённо оправдался тот и неловко затёр харчок носком сандалии.

* * *

— Валентина Селивёрстовна, я тебя очень прошу, попробуй взять работника! Сама мне жаловалась, что у вас костюмера нет.

— Татьяна Силантьевна, а вы нам кого попало не подсовывайте! Зэка — в работники культуры? Где это видано? Не посмотрю, что вы глава сельсовета, зря командуете. Про этого вашего кандидата даже слышать не хочу.

— Шанс должень быть у каждого. Не подойдёт, — уволишь. Селивёрстовна, меня сверху прессуют, куда сейчас таких? Госпрограмма требует: нужна социализация.

— Выкручиваешь меня, мочи нет. Дам испытательный срок в две недели... без зарплаты. У меня же кадры молодые! Сбегут — цыплят не соберу!

— В хозяйстве мужики нужны, Селивёрстовна. Сама говоришь, тяжести некому таскать. После того, как звукач Коля ушёл на СВО, замену не нашли. Иваныч тоже кое-как вышел на пенсию.

— Да и не говори. Вся аппаратура на мне. Слава богу, Надюша — мастер на все руки оказалась. И Лена от нас как-то до сих пор не сбежала в город. На том и держимся.

* * *

— Алё, апай[1], что сейчас расскажу — ужас. Этого Зуева, зэка, посадили со мной в одном кабинете. Ужас!

— Почему, Ленусь? Плохой человек?

— Он каждые полчаса выходит покурить. Откроет запасной выход в конце коридора — у него там курилка, — навоняет, аж до кухни тянет.

— Ленусь, а чего ты ему не скажешь?

— Я его боюсь: у него при себе ножик. Носит его каждый день — маленький такой, самодельный. Смотрю: достал из сумки, и, представляешь что? Тайком из тумбочки вынул бутылку пива, открыл её — с характерным таким звуком: пс-с-с! Я-то всё слышу! А ему пофиг: сидит себе, строчит, у него шторы на пошив. Шьёт и тайком прибухивает.

— И что теперь?

[1] Апай — тётя, старшая сестра.

— А я скажу руководству! Вот сначала тебе позвонила.

— Ты ему самому скажи, Ленусь. Пойдёшь жаловаться Селивёрстовне, он решит, что ты стукачка.

— Ой-ёй, ужас...

* * *

— Николай Леонтьевич, у нас на работе не пьют. Соблюдайте правила, — стесняясь, обратилась к Зуеву Леночка, молодой методист клуба.

— Соскучился по вкусу хмельного... Сухарики будешь? — Зуев захрустел пакетом снека из тумбочки.

Лена оторопела.

— Я такое не ем. У меня диета. И вам бы тоже следить за здоровьем...

— Курю, как паровоз. Знаю... — Мужик сразу как-то расклеился. — Ладно, мешать не буду.

Зуев убрал угощение и молча ушёл в шитьё.

* * *

Зуев идёт с работы. Его обгоняет деревенская ребятня.

— Смотрите, Зэк Микол!

— Зэк Микол, Зэк Микол, Зэк Микол!

— Детишки, будете сухарики? — мужик не поддаётся.

— У-у-у! Он свои сухари в тюрьме испёк! Знаете, из чего? Из ушей зэков!

— Зэк Микол, вонючий сухарь! Зэк Микол!

— Э-э-эх, шпана! А ну-ка, идите сюда! Уши повыдираю — сухарей напеку!

Дети бешено визжат, разбегаются кто куда. Микол, тяжело ступая на больную ногу, медленно сворачивает в переулок.

* * *

— Леонтьич, ну ты как? Не осточертела ещё швейная машинка, справляешься?

— Валентина Селивёрстовна, заприметил в кладовке ткацкий станок, можно его направлю? Леночке мешать не хочется, она девчонка молодая. Чего перед глазами-то мелькать. Таким, как я, доходягам, нужен свой укромный угол.

— Хочешь — действуй. Давненько в нашу кладовку не ступала нога человека. Какого только хлама там не найдёшь!

— Черенки граблей и лопат уже починил, на честном слове держались.

— Ну, Леонтьич! Ну, молодец!

* * *

Зуев сидит в убранной кладовой и корпит над ткацким станком. Здоровой ногой жмёт «педаль газа» — лихачит, как автогонщик. Рядом в мешках — ветошь, нарезанная тонкими полосками, её принесли местные бабушки. Из самодельной пряжи Зуев мастерит половик-дорожку.

В окне то и дело мелькают любопытные лица юных зрителей. Словно голодные воробушки, клюют в стекло носом, корчат рожицы, хихикают.

— Зэк Микол, Зэк Микол, вонючий сухарь! Дядя-сухарь, поделись сухарями!

Зуев работает, делает вид, что не слышит. Мелкие никак не угомонятся. Наконец, он хитро улыбается, тихонько встаёт, подходит к окну, открывает скрипучую створку. Дети ловко отскакивают, рассеиваются по флангам. Микол оставляет на подоконнике хрустящий пакетик с гостинцем и возвращается к станку.

На следующий день бабушки озорников снова приносят самодельную пряжу из лоскутов. Работа продолжается.

* * *

— Алло, Валентина Селивёрстовна, это корреспондент Селянкина из газеты «Сельская жизнь».

— Алё, Селянка Оля, ты, что ли? Здравствуй!

— Хотела заехать к вам, взять интервью. Говорят, у вас появился свой мастер по ткачеству — Зёк Микол? Это правда?

— Есть такой! Николай Леонтьич Зуев. Да, зэк, бывает и такое...

— Раз ему такое имя дали, наверно, очень хорошо трудится?

— Он у нас действительно хороший работник! Чего только не сшил и не соткал! А его половики — настоящий хит. Мы ведь их даже за деньги продавать стали. Звонят из райцентра, спрашивают. Интересуются, не сделаем ли на заказ. Атаковали! Кто бы мог подумать — ведь я его на работу брать не хотела!..

— По комплекции тоже видный мужик — Большой Микол?

— Да какой там... Обычный, худющий. Ну как все зэки, наверное: сначала больно много курил, сейчас уже пореже. Лишний раз не встаёт, говорит, работу прерывать не хочется.

— А можно с ним лично поговорить?

— Поговори, сейчас у него спрошу.

— Фотографию тоже надо, приедем сделаем.

— Не знаю, захочет ли фотографироваться в газету. Он после тюрьмы-то нелюдимый.

— После тюрьмы?!

* * *

Удивительное дело: по рассказам местных, нога у Зöка Микола пошла на поправку. То ли ткачество подсобило, то ли свежий деревенский воздух... А может, заметка в газете сделала своё дело? Фотографироваться для репортажа Микол и в правду отказался, зато корреспонденты районки засняли тканые работы: коврики, скатерти, наволочки, салфетки. Так Николай Леонтьевич стал популярным человеком.

Ещё спустя какое-то время среди любопытствующих, да и в руководстве района стали шептаться — назрел вопрос: а по какой такой причине крепкий здоровый мужик не идёт на СВО?

Татьяну Силантьевну загнали в угол.

Селивёрстовна долго боролась за своего работника. Зачем трудовой тыл лишать отличных специалистов? Нельзя же всю работу вешать на баб! Куда это годится?!

Однако в одно утро Зуев сам обратился к директору клуба:

— Ухожу я, Селивёрстовна. По контракту. Зла не держи...

— Что такое говоришь-то, Леонтьич, — глаза директорши наполнились крупными слезами. — А как же твой станок? Пылью покроется!.. Ох, Господи...

— Не покроется, Селивёрстовна, не переживай. Леночка приноровится. Да и ребятня... Зря, что ли, всё лето ко мне бегали. Вдесятером — на подхвате. Всех по-маленьку обучил тому, что сам умею.

* * *

Провожали Николая Леонтьевича всей деревней.

На прощание ребятишки вручили Большому Миколу мешок самодельных сухарей.

— Спасибо, шпана, — смущённо улыбнулся Зуев.

— До свидания, Зöк Микол! — Ребята облепили мужика, повисли на нём со всех сторон.

Машина с рёвом уехала, а пацаны долго бежали за ней и кричали: «До свидания, Зöк Микол! До свидания, дудя-сухарь!»

Анна Павловская

Крылья из Китая

* * *

Развивается ветвь, распрямляется,
раскрывает резной лепесток,
но зачем человеку является
представитель сознания Бог.

Появился росток на поверхности,
распустился, расцвёл и завял,
но зачем осознанием смертности
нас рассерженный Бог наказал.

Как побочный эффект эволюции
человек получил интеллект.
Лучше лютику или настурции,
у которых сознания нет.

Лучше лютику и подорожнику —
дать побег, заронить семена,
чем сидящему ночью художнику
над допитой бутылкой вина.

Павловская Анна Славомировна — поэт, переводчик. Родилась в 1977 году в г. Минске (Белоруссия). Окончила (2009) Институт журналистики и литературного творчества в Москве. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новый мир» и др. Автор четырёх поэтических сборников, среди них «Станция Марс» (М.,2018) и «Трамвай сансары» (М., 2026). Лауреат литературных премий. Живёт в г.Домодедове.

* * *

В подъезде лампочка мигала
И долго лифт не приезжал,
И я с тобою разрывала,
А ты со мною разрывал.

В подъезде лампочка мигала,
И нас с тобою разрывало.
Не помню, чья была вина
И кем объявлена война.

Я не прощаясь уезжаю,
Я уезжаю, не прощая,
И всё до лампочки уже
Моей разорванной душе.

* * *

Мне снится, что я древнеримская ваза,
по множеству форм пробегающий разум,
стремящийся, что ли, осилить мгновенно
загадку рождения целой вселенной.

Как больно, когда облекаешься в тело
классической вазы с зауженным горлом.
Мучительно мыслить статичным пределом,
не смея дышать бесконечным простором.

Как больно стоять в отсыревшем подвале,
недвижно храня в себе ржавые злаки,
когда император шагает по зале
и варвары ставят победные флаги.

На месте руин вырастают деревья,
на месте деревьев родится деревня,
и ветер несёт лепестки откровений
над тёмной рекой и над пашней весенней.

Крылья из Китая

я купила небесную сферу
отлила её в форме из бетона
я покрасила её синей краской
императорской синей краской

я приклеила медные звёзды
я приклеила серебряный месяц
я латунное приклеила солнце
и лучи из золотистых цепочек

я купила небесную сферу
заказала себе крылья из китая
буду реять на пластмассовых крыльях
по бетонной небесной сфере

* * *

в глубоком августе практически осеннем
где бродит тишина по высохшим растеньям
где в жёлтую траву роняет мотылёк
пыльцы рассеянной погасший уголёк

в предчувствии зимы где холод вьёт спирали
прощальный мотылёк слетает в чёрный сплин
я тоже пл*а*чу здесь мне тоже обещали
немеркнущий июнь и звёздный георгин

я прихожу сюда по мотыльковым пятнам
отгадывать закат чертить как бы во сне
погасшие слова чтобы они обратно
зажглись и вспыхнули в осенней тишине

кусочек вечности на маленькой полоске
здесь я брожу пишу свои наброски
слежу за мотыльком транжирю сны
защищена от смерти и зимы

люблю вас / или нет
а.с.павловски

Алексей Моргачев

Между вдохами

Рассказы

С паузами

1

Я настраиваю пианино тридцать лет — на дому, у частных клиентов. У меня абсолютный слух. Я слышу, когда нота «ля» уходит на полтона вниз. И когда холодильник гудит на пределе слышимости. А ещё — как мама затихает. И каждый раз думаю: всё. И каждый раз она храпит снова. И я выдыхаю.

Ираида Аркадьевна храпит с паузами. Вдох — длинный, с присвистом. Потом обрыв. Секунда. Две. Три. Четыре. На пятой я уже сижу в постели. На шестой она захлёбывается и храпит снова. Я ложусь. Считаю заново.

Я не считаю овец. Я считаю паузы. Четыре секунды — и заново.

Двенадцать лет назад я тоже считала. Другая квартира. Другой храп. Те же четыре секунды. Тогда я думала — это он. Тогда я думала — если уйду, перестану считать. Я ушла. Считать не перестала.

Овцы — для тех, кто не знает, что такое бессонница. Настоящая бессонница — это когда ловишь биения между её вдохом и своим. И не можешь свести.

В час я ушла на кухню. Включила свет. Налила воды. За стеной шло ровно. Я выпила. Вернулась.

Где-то наверху, у соседей, заскрипел пол. Потом стихло. Я подумала: вот так же было у нас. В той квартире. Когда он вставал ночью. Он вставал тихо. Но пол скрипел. Я всегда знала: он встал. И не спит. Как я.

Я стояла у окна. Двор был пустой. Фонари горели через один. Я смотрела на окна напротив. В одном горел свет. Кто-то не спал. Я подумала: может, у них

Моргачев Алексей Николаевич родился в 1977 году в г. Запорожье (УССР). Окончил Оренбургский государственный университет (2002). Ранее не публиковался. Живёт в Оренбурге.

тоже кто-то храпит. Может, они тоже считают. Может, вся страна сейчас не спит, потому что кто-то рядом дышит с паузами.

В два я ушла в коридор. Там темно и холодно. Там шкаф с её пальто. Старое. Она носит его давно. Я села на табуретку. Храп шёл через стену, через дверь, через шкаф. Он был везде. Он звучал во мне, как звучит в инструменте трещина. Не фальшь. Хуже. Трещина.

Я просидела на табуретке до половины четвёртого. Пальто пахло нафталином и чем-то ещё. Старым. Маминым. Я держала его, как держат чужую руку.

Он тоже дышал с паузами. Я тогда не слышала. Я слышала только храп.

Я вернулась через год. С чемоданом. Мама открыла. Не спросила ничего. Только: «Голодная?» Я кивнула. Она пошла на кухню. Грела суп. Я сидела за столом и смотрела на её спину. И слышала — мама дышит тяжело. Тогда я ещё не знала слова «апноэ». Только слышала — что-то не так.

Так и осталась.

И тут я услышала, что она не храпит.

Я замерла. Прислушалась. Тишина. Долгая. Слишком долгая.

Я встала. Пошла к её двери. Дверь была приоткрыта. Я заглянула.

Мама сидела на кровати. Не лежала. Сидела. Спиной ко мне. И тихо пела.

Я не знала этой песни. Или знала, но забыла. Что-то старое. Из тех, что поют не для кого-то, а просто так. Голос был слабый. Дребезжащий. Но он был. Он был её.

Я стояла в дверях. И думала: она поёт. Как тогда, когда соседи открывали окна. Я давно не слышала, как она поёт. Я слышала только храп.

Она замолчала. Легла. Через минуту захрапела.

Я вернулась на табуретку. И сидела до утра. Потом вернулась в постель. Легла. И сделала то, что делаю теперь каждую ночь.

Хлопнула в ладоши.

Коротко. Громко. Один раз.

Храп оборвался. Тишина. Настоящая. И в этой тишине я на секунду не понимаю: она замолчала потому, что я хлопнула? Или потому, что не дышит? Я жду. Она храпит. Я выдыхаю.

Первый раз я хлопнула год назад. Не знала, что делаю. Просто не могла больше. Мама захлебнулась. Долго не дышала. Я вскочила. Испугалась — не понимала, что делать. Хлопнула. Она затихла. Потом захрапела снова. Я села на пол. И заплакала. От облегчения. И от ужаса. Потому что поняла: это работает. И буду делать так всегда.

Я лежала и считала. Не паузы. Годы. Я считала, сколько лет я здесь. И не могла посчитать. Я слушала, как она дышит. Я ждала, когда она замолчит. И боялась, что замолчит навсегда. И боялась, что не замолчит никогда. И думала: я дрессирую свою мать. Хлопок — замолчала. Хлопок — замолчала. Собака понимает, за что. Мама — нет. Она спит. Она не виновата. И именно поэтому я не могу на неё злиться. И злость остаётся во мне. И не даёт спать. И получается, что я не сплю не из-за неё. Я не сплю из-за себя.

Я заплакала. В подушку.

Четырнадцатая ночь подряд.

2

Утром она спросила:

— Ты чего сама не своя?

Я стояла у плиты. Жарила яйца. Она вошла — халат, сонное лицо, седые волосы, заколка сбоку. Как каждое утро.

— Не спала, — сказала я.

— Что так?

Я не хотела говорить. Всю жизнь не говорила. Говорила «шумно», «душно», «нервы». А тут сказала:

— Из-за тебя. Ты храпишь. А я слушаю.

Она посмотрела на меня. И удивилась. Не обиделась, не заплакала. Именно удивилась. Как будто я сказала, что она умеет летать.

— Я разве так сильно храплю?

— Сильно. С паузами.

— С какими паузами?

— Ты затихаешь. Секунды на четыре. Я в эти секунды не дышу.

Она помолчала. Потом сказала:

— Надо же.

И взяла вилку. Стала есть яйца. Спокойно, как человек, которому сообщили прогноз погоды.

Я села напротив. Налила чай.

И тут она сказала:

— А я ведь пела, — сказала она. — Не мне. В окно. Словно сама с собой. — В хоре. Помнишь?

Я помнила. Заводской хор. Сопрано. Я видела фотографию — она в синем платье, с брошкой, рот открыт. Где-то в шкафу, в коробке из-под обуви...

Она не ждала ответа. Она вообще, кажется, забыла, что я здесь.

— И что? — спросила я.

— А то, что я слышу себя. Во сне. Иногда. Будто я ещё пою. А потом просыпаюсь — и оказывается, что это я храплю.

Она положила вилку.

— Я всё слышу. Просто молчу. Потому что, если признать, — надо что-то делать. А что делать? Я старая. Операцию не сделают. Говорят, есть какая-то маска. На лицо. Дышать. Но это дорого. А ты на меня всю жизнь положила.

Я не ответила. Я встала, обошла стол и села рядом. И положила руку на её руку. Она не убрала.

Подруга звонила на днях. Звала в кино. Я сказала — не могу: мама одна. Подруга сказала: «Ты так всю жизнь просидишь». Я сказала: «А что такое вся жизнь?». Подруга засмеялась. Я нет. Положила трубку. Больше она не звонила.

— Ты ешь, — сказала мама. — Я пойду полежу.

И ушла. Не в комнату. Просто ушла. Медленно.

Я осталась. Чай остывал. Яйца остывали. Я сидела и смотрела на её вилку — на тарелке, поперёк, как она положила.

И я вдруг поняла, что все эти одиннадцать лет я думала, что я — та, кто не спит. А она — та, кто спит. А оказалось, что она тоже не спит. Только по-другому. Не от звука. Оттого что знает. Что слышит себя. Что не может ничего изменить.

Днём я осталась одна. Мама ушла в поликлинику — за лекарствами. Я сидела в комнате. Смотрела на пианино. Своё. Оно стояло у стены. Я его не трогала годами. Только настраивала. Каждый месяц. Как чужое.

Я села. Открыла крышку. Положила руки на клавиши. И заиграла. Не гамму. Не этюд. Просто. Что-то. Что вспомнилось.

Я играла. И понимала: я не помню, когда играла последний раз. Может, в детстве. Может, никогда. Я настраиваю чужой звук. Своего — не помню.

Я играла громче. И думала: а если бы не мама — что было бы? И испугалась этой мысли. И играла дальше.

И тут я почувствовала, что сзади кто-то есть. Я обернулась.

Мама стояла в дверях. С сумкой. Она вернулась. Давно. Молча.

— Я думала, ты забыла, — сказала она.

И ушла к себе.

Я осталась. Руки на клавишах. Холодные.

Я встала. Пошла в коридор. Открыла шкаф. Достала её пальто — серое драповое. Сунула руку в карман. В кармане был флакон. Пузырёк из-под валерьянки. Пустой.

Я пошла в её комнату. Она лежала. Не спала.

Я села рядом. На край.

— Мам.

— Что.

— Я тебя записала. К врачу. В четверг, к девяти.

Она молчала. Потом повернулась. Глаза мокрые.

— Не пойду.

— Пойдёшь.

— Таня.

— Пойдёшь.

Она отвернулась к стене.

— Как же я устала! Сколько можно! — сказала она. Тихо.

Я сидела. Молчала.

— Я боюсь, — сказала я.

Она не повернулась.

— Чего?

— Что ты умрёшь.

Тишина. Долгая. Она не храпела. Она не спала. Она лежала. И молчала.

Потом она сказала — тихо, в стену:

— А я боюсь, что ты так и не поживёшь.

Я не ответила. Я не знала, что сказать.

— Дура ты, Таня, — сказала она. — Я же всё слышу. Я слышу, как ты по ночам ходишь. Я слышу, как ты воду пьёшь. Я слышу, как ты на табуретке сидишь. Я всё слышу. Я только виду не подаю.

Она замолчала. Потом:

— Иди спать.

Я встала. Пошла к двери. И у двери обернулась.

Она лежала. Лицом к стене. Маленькая. Седая. Моя.

Я слушала, как она дышит. С паузами. С паузами — значит, живая.

Я вернулась. Села на край кровати. Взяла её за руку. Она не убрала.

3

На следующий день, после работы, я искала коробку из-под обуви. Ту, где фотография матери. В синем платье. С брошкой.

Нашла в шкафу, на верхней полке, за старыми шапками. Открыла. Перебрала. Мама. Молодая. Смеётся. Поёт.

И на дне — другая. Не мама. Он.

На даче. С лопатой. Улыбается. Я не помню, когда это. Не помню, почему с лопатой. Но помню этот день. Помню, как пахло землёй. Помню, как он сказал: «Смотри, какая у меня грядка».

Я смотрела на фотографию. Долго.

Потом встала. Пошла к телефону. И набрала номер. Я помнила его наизусть. Руки помнили.

Он ответил на третьем гудке.

— Алло.

Я молчала.

— Таня?

Он узнал. По молчанию. Я не сказала ни слова — а он узнал.

— Что-то случилось?

— Нет. Приходи.

Он помолчал.

— Когда?

— Завтра. В три.

— Хорошо.

Я положила трубку.

Мама спала. С паузами. Я не пошла к ней. Я сидела на кухне. Одна. До утра.

До утра я не считала паузы. Я считала годы. Двенадцать. Год. Одиннадцать. И — завтра. В три.

Я боялась. Не его. Себя. Что я скажу. Что я почувствую. Что я захочу вернуться. Что двенадцать лет — не работают. Что я — та же. Что ничего не изменилось.

Он пришёл в три. Я открыла.

Он не прошёл. Смотрел.

Смотрел на шкаф. На её пальто. На табуретку. На пианино.

Потом он полез в карман. Достал что-то. Маленькое. Металлическое.

Камертон.

Мой камертон. Который я забыла у него. Двенадцать лет назад.

Он не сказал ни слова. Протянул мне.

Я взяла. Как рукав пальто. Как всё в этом коридоре.

— Я его не выбрасывал, — сказал он.

Я молчала.

— Ты всё ещё настраиваешь? — спросил он.

— Да.

— А играешь?

Я молчала.

— Я думал, ты уехала, — сказал он.

— Я вернулась. К маме.

Он молчал. Стоял в коридоре. Не проходил. Как будто не имел права.

И я слышала, как он дышит. Тоже с паузами. Как мама. Как все, кого я слушала. Я просто не слышала. Я слышала только храп.

— Зачем позвала? — спросил он.

Я держала камертон. И молчала.

Он смотрел на меня. Ждал.

Я не сказала.

Он постоял. Потом кивнул. Повернулся. Пошёл к двери.

И тогда я сделала то, чего не делала никогда. Я взяла его за руку. На секунду. Выше запястья. И отпустила.

Он остановился. Не обернулся. Постоял. И вышел.

Я закрыла дверь. Прислонилась к ней.

В руке был камертон.

Я пошла в комнату. Мама спала. Она теперь спала днём. А ночью — не спала.

Я села на табуретку. И сидела. Долго. Темнело.

Потом я встала. Пошла к пианино. Открыла крышку. Села.

Я сидела с камертоном в руке. Не играла. Просто держала.

И вспомнила: мама раньше пела на кухне. Маленькая. За стиркой. Просто так. Без хора. Для себя.

Я сидела рядом. Слушала. Это был мой первый камертон. Не металлический. Её голос.

Я стала настройщиком, потому что слышала её.

А потом она перестала петь. И остался только храп.

Я сжала зубцы камертона. Отпустила. И услышала.

Ноту «ля». Первой октавы. Чистую.

Так пела мама. Без фальши. Я не знала, что это называется «ля». Я просто знала: вот так — чисто. Так — она.

Свою.

Я слушала её. Долго. Потом положила камертон на пианино. Рядом. И заиграла. Чтобы не разбудить.

Ту ноту. Ту «ля». Которую пела мама. Я не знала, как она называется. Я не знала, помню ли я её. Но пальцы сами находили клавиши. Одну за другой. Будто играли её всю жизнь.

Я играла одна в темноте, и руки сами находили то, что я забыла, и звук шёл куда-то вверх, к потолку, к соседям, к двору. И я не знала, слышит ли это кто-нибудь, кроме меня.

И вдруг я услышала голос.

Из маминой комнаты. Тихо. Дребезжаще.

Она подпевала.

Я не остановилась. Я играла дальше. Она пела.

Одна песня. Два голоса.

Я играла. Вот. Всё что было. Всё что будет. Пауза в четыре секунды. И в этой паузе — мы обе.

Я доиграла. Остановилась. Тишина.

Она захрапела. С паузами.

С паузами — значит, живая.

Я не закрыла дверь. Я вошла.

Слуховой аппарат

1

Мастерская была на первом этаже, и окна выходили во двор, где росла старая липа. Летом она заглядывала в окно, и я работала при её зелёном свете, а зимой включала настольную лампу — яркую, с гибкой ножкой, чтобы свет падал прямо на механизм.

Часы мне приносили редко — больше будильники, старые, с треснувшим стеклом, которые я чинила за копейки. Мне казалось, что я чищу время: снимаю с него пыль, ржавчину, следы чужих рук. Время было латунное, тёплое, и оно пахло маслом.

Пётр вошёл в мастерскую в конце июня, когда цвела липа. Он был в белой рубашке с закатанными рукавами и держал в руках часы — огромные, настенные, с боем.

— Достались от деда. Идут, но врут. На десять минут в сутки.

— Все врут, — сказала я.

Он засмеялся. У него был смех, как у человека, который не привык смеяться, но умеет, и от этого смех получался короткий, будто он его обрывал на середине. Я разобрала часы. Он стоял рядом и смотрел не на часы, а на мои руки. Я не поднимала головы. Если подниму, — всё кончится.

Я починила их за неделю. Он приходил каждый день — стоял, молчал, иногда спрашивал что-то про механику, но больше молчал. На седьмой день он сказал:

Александр Бондарь

Купите себе ошейник со скидкой

Рассказ

1

Я встречался с ней три года. Часто ссорились. Были молодые, горячие. Поругавшись, сутки молчали. Она говорила: «Какая глупая тишина стоит в нашей квартире!» Иногда кричала: «Ты человек эпохи Возражения!» Предлагала: «Давай во сне держаться лапками друг за друга, как выдры, чтобы не упасть с кровати!»

Но — расстались.

Она вышла замуж за длинного и неприятного, как слово «фиброгастроскопия», замдиректора строительного техникума. Хотя, возможно, я предвзят.

Через четыре года, весной, мы случайно встретились вечером на зелёной аллее возле хореографического училища. Алиса преподаёт там классический танец шесть дней в неделю. Стройная и воздушная, она шла мне навстречу.

— Как я, не постарела? — спросила она, глядя мне в глаза, надеясь, что я совру.

— Ты стала ещё замужнее, — подбодрил я её.

— Ты не женился?

— Нет. Жениться, как и садиться на электрический стул, нужно один раз в жизни. Тем более что и последствия примерно одинаковы. Не нашёл такую, с которой можно закавычить холостую жизнь.

— Посидим в кафе, Порох? — предложила она.

Вообще-то, меня зовут Прохор. Но она всю жизнь коверкала моё имя, как Горбачёв слово «Азербайджан».

Бондарь Александр Алексеевич родился в Читинской области в 1962 году. После армии окончил исторический факультет УрГУ. Печатался в журнале «Урал». Живёт в Екатеринбурге. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Это будет измена с твоей стороны. — Я взял её за локоть и чуть отодвинул, чтобы мы не мешали прохожим.

— С чего это?

— Ментальная.

— Это не считается.

— С этого всё начинается. С кофе. С тёплого круассана. Заканчивается холодной постелью. В отеле. — Я назидательно поднял указательный палец.

— Если бы... — вздохнула она, достала помаду и подкрасила губы. — Тебя не затащишь в отель.

— Я сторонник мужской солидарности. Своих не бросаем.

— Почему ты такой противный?

— Я справедливый. Это одно и то же. Кстати, ты мне недавно снилась.

— Правда?

— Правда. Ты была беременна. От меня. Тройней.

— О-о! Ты небезнадёжен.

— Прикоснувшись к тебе во сне, я получил ожог.

— Ведь мы — ведьмы. Но в данном случае ты к батарее, наверное, прикоснулся.

Мы сидели в кафе «Луизиана» в центре города. Жёлтые струны горячего сыра связывали кусок пиццы у рта с материнским кругом, лежащим на столе. Лиса была задумчива.

— Что-то случилось? — Я, наконец, доел вкусный треугольник и вытер рот салфеткой.

— Вчера отмечали с девчонками день рождения Вики, одной из нас. Ей недавно сперму лосося в нос укололи. Это омолаживающее. Держится молодцом.

— Кто, лосось?

— Нет, Вика. Нас семь человек, мы давно дружим. Трое развелись, трое — не знают, что делать, — вздохнула Лиса.

— А как твоя семейная жизнь?

— У меня всё нормально, — быстро сказала она. — Я смотрю, ты голодный какой-то.

— Да. Голодный. Утром поел недоваренный длиннозёрный рис. Ощущение, будто позавтракал маленькими гвоздями. А в обед подали рыбу из какого-то неизвестного моря. Я не нашёл это море на карте... Я, естественно, отказался. А вот пицца — хороша.

— Пять из шести — ходят к психологам, — доложила Алиса.

— Да? И? — Я потянулся за чашкой кофе.

— Деньги тают, а ситуация — какая-то запутанная.

— В чём запутанность ситуации?

Она посмотрела в окно.

На перекрёстке стоял светофор. Он, как больной гепатитом, нервно моргал жёлтым глазом. Застенчиво и тихо прогремела гроза. Косой дождь с ветром, меняя направление, на радость феминисткам хлестал по щекам одинаково мужчин и женщин. По огромному стеклу, словно промышленные альпинисты, стали спускаться крупные капли. Люди прятались под навес у кафе, прижимаясь друг к другу.

Алиса накинула кофту на плечи.

— Запутанность ситуации в том, что психологи говорят противоположные вещи. Некоторые заявляют: один раз скажите мужу, что вас не устраивает, второй, и, если он вас не слышит и не хочет меняться, — разводитесь. Цените себя. Любите себя. Жизнь одна. Вы птица гордая. Вы птица певчая. Не страдайте в браке, найдёте ещё того, кто будет не только слушать, но и слышать вас. В мире четыре миллиарда мужчин. Девчонкам швыряют в лицо слова — «буллинг», «газлайтинг», «абьюз», «бодишейминг», «токсичность отношений», «недолюбленность в детстве»... Три подруги развелись. Теперь по вечерам пьют сухое вино и внимательно отслеживают жизнь своих бывших в соцсетях. Счастья не прибавилось, замуж не берут. Бывшие мужья ничего обсуждать не желают, вычеркнули из жизни, не берут трубки. Девчонки сутками лежат на диване, отвернувшись к стене, и думают — правильно ли всё сделали? Злые, как россомахи.

— Что говорит другая группа талантливых дипломированных психологов?

— Другая группа говорит противоположное. Семья — прежде всего. Старайтесь сохранить. Не мелочитесь. Не дёргайтесь. Цепляйтесь и держитесь до последнего. А у кого всё идеально? А у кого всё хорошо? Не обращайте внимание на всякие девиации: измены, выпивку, нежелание напрягаться. Побольше юмора, чёрт побери, когда муж приходит с засосом на шее. Ищите в нём хорошее, у каждого человека есть плюсы. Дети должны вырасти в полной семье, иначе всё пойдёт по кругу до бесконечности.

— Я могу дать тебе и твоим подругам два совета.

— Один хороший, другой плохой?

— Нет. Один короче, другой длиннее.

— Валяй. Но я сначала покину тебя на три минуты. — Она схватила сумочку и убежала в дамскую комнату.

2

Я возвращался домой с работы поздно вечером. Промозглая ноябрьская погода добралась через куртку до рубашки, сделав её влажной. Густая морось стояла стеной, я был весь в мелких каплях с головы до ног. Зонт в этой ситуации стал бесполезным тяжёлым аксессуаром. Порывы ветра налетали сзади, грубо толкали в спину и пытались вырвать сумку.

Я поднялся на свой третий этаж.

Но зайти в квартиру не смог.

Ключ входил в замочную скважину, но дальше дело не шло — он не проворачивался. Я боялся погнуть и аккуратно качал его туда-сюда.

Безрезультатно.

Я смахнул капли с лица, выдохнул и вытащил ключ. Внимательно осмотрел бороздки на нём. Ключ был ровный и в идеальном состоянии. Я присел и долго разглядывал замочную скважину. Всё было нормально, как обычно, без повреждений, без царапин, без каких-либо следов постороннего вмешательства. У меня пересохло во рту. Я снова и снова вставлял ключ в замок, приседал, потом вставал, пока у меня не захрустели колени.

Дверь, наконец, открылась. Прислонившись к косяку, я задумался. Вызвать мастера? Но дверь же открылась. Заплатишь за вызов, мастер придёт, пять раз легко провернёт ключом, скажет, как ребёнку: «Всё нормально! Держите ключ ровнее!» — хлопнет по плечу и, пересчитав мои купюры, побежит по своим делам. Не вызывать мастера? Где гарантия, что завтра или через неделю не повторится подобное и я опять не буду торчать под своей дверью, глядя, как стекающие с меня капли образуют миниозеро?

Я неторопливо разделся и прошёл на кухню. Болели колени.

Что-то в квартире было не так.

Я покрутил головой и пошевелил ноздрями. Воздух был чужим, с незнакомыми запахами. В голове запульсировало, словно кто-то равномерно принялся долбить согнутым указательным пальцем по виску.

В кухне я сел на стул и посмотрел на раковину. Там лежала немытая посуда: кастрюлька, в которой я варю себе овсянку по утрам, пара блюдец, ложки, чайная кружка. Обычно я всегда мою посуду за собой сразу. Это давно вошло в привычку, чтобы не отмывать засохшее. Исключения бывают редко.

Марина Битарова

Тайна, унесённая в могилу

Рассказ

С иронского. Перевод автора

...Уже полночь, а Фариза всё не уснёт. Она пытается закрыть глаза, но веки не слушаются, грустно смотрит она в ночную даль. На улице шумит дождь.

— Хасан, о мой единственный брат! — вскрикнула Фариза. — Как годы неумолимо и безжалостно бегут вперёд! Как старой женщине нестерпимо носить в своём истерзанном сердце это горе — слишком тяжёлая ноша.

Снова перед глазами Фаризы возникает образ Хасана: он держит руку на груди, а между его пальцев течёт кровь. Она пытается стереть из воображения эту страшную картину. Но ей видятся на земле капли крови её брата.

— Ох, мой единственный, как же я не смогла тебя сберечь, как же не смогла ничего сделать! Как жестока ты, судьба! — взывает к небу Фариза. — Скорее бы взошло солнце, чтобы хоть немного забылась я от мук совести.

А перед глазами снова и снова всплывает одна и та же страшная картина. Снова накатывают на неё воспоминания...

— Фариза, когда уже придёт Хасан?

— Скоро, малыш, скоро. Он пошёл косить траву и, наверное, уже возвращается, — Фариза обнимает маленького Урузмага.

Битарова Марина Михайловна — осетинский (иронский) прозаик, журналист. Родилась в 1971 г. в селе Црау Алагирского района Северо-Осетинской АССР. Окончила филологическое отделение Северо-Осетинского государственного университета им.К.Л.Хетагурова. Кандидат филологических наук. Работала школьным учителем осетинского языка и литературы, старшим преподавателем на кафедрах осетинской литературы и журналистики в СОГУ. Заслуженный журналист Республики Северная Осетия — Алания. Живёт во Владикавказе.

— Оставь свои дела и постирай ему вещи! — Фариза вскакивает от оклика своей мачехи Сони.

Фариза прижимает ребёнка сильнее, будто боясь, что его отберут у неё.

— Не кричи на Фаризу, это моя сестра, — лепечет по-детски Урузмаг в её защиту.

— Да чтобы ваш род оборвался! Это же надо! Моего ребёнка настраивают против меня. Чтоб вы сдохли! — злится Соня и уходит на улицу.

— А ну-ка, где наш богатырь Урузмаг? Знал бы он, что я ему принёс! — радостно входит во двор Хасан.

Урузмаг, услышав голос брата, убирает игрушки и бежит навстречу. Тот подхватывает малыша и подбрасывает вверх сильными руками. На их смех выходит Фариза со словами:

— Целый день он меня мучает: «Где же Хасан?» Я беспокоилась, когда ты вчера не вернулся. Но недавно Дзабо пришёл и сказал: вчера ты не явился, чтобы сегодня закончить косьбу. Ты опять из нижней части села пришёл? Что-то весёлый.

— Если бы ты знала, Фариза, как мне приятно бывает её видеть... Лекарство от всех болезней. Когда я её вижу, — словно живую воду пью. Мои мысли, усталость улетучиваются вмиг. Перед её улыбкой устоять невозможно. — Хасан приобнимает сестру, и они садятся на скамейку.

— Ну, женись на ней поскорее. Мадина — очень хорошая девушка. Эх, увидеть бы ваше счастье.

— Ну, Фариза, ты же знаешь моё положение. Вон за мельницей хотелось бы дом построить. Недавно родственники по матери дали мне надежду: мол, купим тебе землю и все вместе построим дом. Так жить я больше не могу. Моя нога больше не хочет ступать в этот дом. Каждый день — ругань Сони, её косые взгляды.

Фариза, слушая речь брата, грустно опускает голову. Нынче пять лет, как их отец привёл в дом другую женщину. Невесте желают: «Принеси удачу и изобилие». Но по отношению к Соне эти пожелания не сбылись. К сиротам она материнских чувств не проявляет.

Хасан и Фариза никогда не слышали от неё доброго слова. Но не жалуются никому, не хотят выносить сор из избы.

Сколько раз приходили братья со стороны матери: мол, давайте Фаризу заберём. Но та не хотела даже заикаться об этом, чтобы люди не сказали: «От Габо бегут его сироты». Братья матери уходили ни с чем. Конечно же, они знали, что происходит, и даже слышали от людей: у их племянников плохая

Рифат Гумеров

Мы пройдём по рифат кучаси

Сепия. Из семейного альбома. Шамиль

За жёлтыми дувалами синели купола.
И аисты стояли, как памятники, в гнёздах...
И плавился в чиллю июльский сладкий воздух,
Жара медовая над городом плыла, плыла, плыла...

Босые ноги пацана в горячей пухлой пыли —
Летели наперегонки — захватывало дух!
На пожелтевшем фото секунды все застыли.
Земля везде тверда, на родине — как пух...

Фергана

Шамшаду Абдуллаеву

Я помню, как хорошо было мне —
В этом забытом Богом маленьком городке,
В этом зелёном и солнечном маленьком городке,
В этом любимом Богом маленьком городке.

С базаром, пропахшим дынями и шашлыком,
С арыками, журчащими вдоль дорог,
Мамины розы, цветущие за окном...
И для меня вся Вселенная — маленький городок...

Рифат Гумеров — поэт, прозаик, переводчик, культуролог, издатель. Окончил Ферганский Государственный педагогический институт им. Улугбека, Литературный институт им.А.М. Горького. Публикуется с 1974 года. Автор нескольких книг стихов и прозы, среди них «Рождённый степью» (М., 2014) и «Рифат-наме» (Ташкент, 2025). Основатель и издатель международных проектов: Библиотека «Евразия» и «Антология современной русской литературы Центральной Азии (1975—2025)» в 50 томах. Лауреат Международной премии «Евразия» (Москва, 2025). Лауреат литературной премии «Гипертекст» (Москва, 2026). Главный редактор литературных альманахов «ARK» и «Слово». Живёт в Ташкенте.

Это в наших садах расцветали вишня, айва и груши.
Это оттуда мы разлетались — в груди холодок тревожный...
Это место любви и силы — там, где сердца и души
Пытались свершить невозможное...

Запомню себя на фото — запомню мальца-удальца,
Детство моё золотое, прошедшее сквозь меня...
Праздник, который начался, чтобы не знать конца.
Серебро лунного света и золото прошедшего дня...

Мой город ломают, приводят в какую-то норму,
Контекст того места, где начинался я.
«Теперь он отлит в самую совершенную форму —
в форму воспоминания...»

По улице имени Меня

Пение птиц рассветных и детский смех во дворе
Я посвятил Анжеле, её сумасшедшей отваге,
Анжеле — дочери Зекие и матери Ракие,
Без неё эта книга была бы пачкой чистой бумаги...

Я родом с одной шестой части суши,
Хоть казаном назови — только не сажай в печь!
«Оно и не беда, что прилгнувши!
А не прилгнувши, не говорится никакая речь!»

Мой шестой пивзавод, там где Вася и сельдь-иваси,
Где причудится мне, где пригрезится мне вот такое —
Что в родной Фергане одна улочка есть *Маърифат кучаси*[1]...
И она мне, родимая целочка, не даёт ни сна, ни покоя.

Соберу я друзей — и Шамшада, и Мяо Мевяо,
Подтяну я Раевского, Рима, и, конечно, Дим Саныча, —
Пусть пройдут по моей Фергане вдоль ночного канала.
Из кафешек ночных разлетаются песни Галича...

[1] *Маърифат кучаси* — улица Просвещения (*узб.*).

Колонковыми кистями пусть замажут три первые буквы,
Только белую краску и портвейн — успевай подноси.
И не надо «Авроры» и другой эйзенштейновской клюквы —
Мы пройдём по родимой, мы пройдём по *«...рифат кучаси»*[1]

И на ход ноги примем все залпом грамм по триста
И пойдём всем десантом, по асфальту стуча и звеня.
И всё будет красиво, бескровно и чисто!
Локоть к локтю — пройдём по родимой, по улице имени Меня...

Демонстрацией праздничной мы шеренгами по четыре —
От начала и до конца. Из конца в конец. А в конце, по сто грамм.
Локоть к локтю. Плечом к плечу. Раз-два, раз-два, шире шаг, шире...
И на моей улице будет Праздник, и на моей улице будет Байрам...

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УЗБЕКИСТАНА

Переводы Рифата Гумерова

Сирожиддин Саййид

Упование

Страна моя, не нужен блеск казны твоей,
Ресницами мне целовать глаза твои нужней.
Пришёл я лёгким ветерком, я только ветерок,
Хочу поведать о тоске в душе моей.

Тебя меняли на чины, мне очень жаль,
И вместо родины своей — чужую даль...
Вернётся полумесяц твой на купола,
Расскажет нам про твою боль, твою печаль.

[1] *Рифат кучаси* — улица Рифата (*узб.*).

Сирожиддин Саййид родился в 1958 году в Сурхандарьинской области. Народный поэт Узбекистана. Лауреат Государственной премии по литературе (2017). Председатель Союза писателей Узбекистана.

Зов минаретов дорог мне — лишь позови,
И этот зов в душе моей, в моей крови.
Мне целый мир не нужен — дай одну травинку
Из дорогих земель — с мазара Яссави...

Твою тоску, твою печаль мне пел дутар,
Твоей любви в душе моей горел пожар.
Слагать стихи, читать стихи учился я —
У листьев плачущих чинар, твоих чинар...

Коль выпал мне такой завет, чтоб я светил, —
Я научусь безмолвию твоих могил.
И если я забью, как чистый родничок, —
То лишь в горах — где Суфи Аллаяр ходил...

Сирожиддин Рауф

* * *

Станет небо мне близким, и далёкой земля — я любил,
Сразу сто родников разорвались в груди — я любил.
Даже не зная, что значит любовь и влюблённость,
Превращусь даже в камень — я, грешник, любил!

* * *

Должно быть началом всех слов «Бисмиллях»,
Пусть золотом светит нам всем «Бисмиллях»,
Не сказано слово — оно драгоценно,
А хочешь сказать, то скажи «Бисмиллях».

* * *

Всё дыхание жизни горячит мою кровь,
Почему же в клетке разлуки я вновь...
В этой жизни огромной без конца и без края —
Я лишь буква единения в слове «любовь»!

Сирожиддин Рауф — родился в 1967 году в г. Карши. Главный редактор литературных журналов «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока». Автор нескольких книг стихов, среди них «Плачущая луна» (1994), «Голубой купол» (2001). Живёт в г.Ташкенте.

Гулом Мирзо

Девушки бегут в камыши

С весны начиналась природа,
Апрельские маки прелестны...
Прошлое удивительно — торжество народа
Начинается с выбора невесты.

Это счастье или наказание?
Девушек ловить не спеши...
Есть условие: парень должен пройти испытание,
Девушки бегут в камыши.

Враг завоевал страну. Александр
Теперь зять побеждённым.
Об этом читал я поэм гекзаметр
И сочувствовал его приближённым...

Воины тоже не хотят быть рабами.
Воины тоже хотят стать царями.
Девушек в гаремы ловить не спеши...
Девушки бегут в камыши.

Войска Чингиз-хана текут рекой
К последнему морю... спеши...
Из дома, из степи, гурьбой и толпой —
Девушки бегут в камыши.

Мы живём в самом конце истории —
Но радоваться этому ты не спеши.
Почему эти чистые гурии —
Девушки — бегут в камыши?

Гулом Мирзо (Гулом Мирзаев) — родился в 1964 году в селе Хушвакд Каршинского района Кашкадарьинской области. Окончил факультет узбекской филологии Ташкентского государственного университета (1989), Академию государственного управления при Президенте Республики Узбекистан (1997). Автор нескольких сборников стихов, среди них «Капли сердца» (2010) и «Сад моего отца» (2023). Живёт в Ташкенте.

Владимир Тренин

Хорошие дни Саши Александрова

Рассказы

Дождливый январь

К Андрею подсела странная женщина в красном пальто и зелёном платке, она всхлипывала, бормотала, спрашивала и сама отвечала: «Он ведь встретит тебя?» — «Да». — «А если нет? Ты не будешь плакать?» — «Буду... Но ведь он придёт, обязательно придёт...»

Автобус завернул в лес, на незапланированную остановку, въехал в незнакомый рабочий посёлок. За окном мелькнула лесопилка, потом ржавая водонапорная башня, показались серые бараки и, наконец, бетонный короб остановки у сельмага.

Женщина упала ему на грудь и зарыдала:

— Мы точно приедем? Нельзя опоздать, немыслимо!.. Меня ждёт человек на конечной.

— Точно, — сказал Андрей. — Мы все будем вовремя на конечной.

Она прижималась к нему, шмыгала носом, а Андрей гладил её вежливо по плечу, успокаивал, как троюродную сестру на похоронах дяди. За окном валил густой снег, не смотря на середину апреля. Наверное, последний снег в этом году.

«К чему это видение? — подумал Андрей. — Прогноз обещал солнце. Похоже, в апреле не будет больше снега, разве что в мае... Наверное, пора менять резину?» Он хмыкнул во сне: «Какая резина, что за бред? Во-первых, у тебя нет машины, а во-вторых — сейчас январь...»

Тренин Владимир Витальевич — прозаик, инженер-геолог. Родился в 1977 году. Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН. Автор книг «Пять ржавых кос», «Исцеление инженера Погодина» и «Ягодные Земли», вышедших в 2020 году; «Король шмелей» (М., 2023). Живёт в Петрозаводске.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2026, № 3.

Андрей проснулся от кашля матери за стенкой. На улице — дождь, будто и не зима вовсе. Как же хорошо, уютно лежать под одеялом, слушать перестук капель по оконному отливу и знать, что никуда не надо идти. Он прочувствовал момент, поднялся, закурил, достал пиво из тумбочки, аккуратно поддел ключ, стараясь приглушить предательский «пшик». Мама ворчала, когда он пил, поэтому Андрей запасал пенное заранее, проносил к себе в комнату тайком, вечером на кухне опрокидывал кружечку, а остальное добивал ночью, сплющивал пустую тару специальным прессом, заказанным в интернете, и так же скрытно выносил компактный груз алюминия в портфеле. За отпуск он мог опорожнить несколько ящиков. На работе знали о его слабостях, коллеги шутили, якобы главный специалист изнашивает организм специально, чтобы его печень не досталась сильным мира сего. Развивали на перекурах версию о мировой закулисе, базе данных с генетическими двойниками, что каждый человек может являться потенциальным донором для какого-нибудь грязно богатого негодяя. Из Андрея получился плохой биоконтейнер для сохранения органов: он не соблюдал диет, любил шоколад, много курил, пил и сильно сдал за последние годы. На последнем медосмотре четыре профпатолог поставил диабет, ещё букет болячек в самых неожиданных местах, распечатал список рекомендаций по диете и образу жизни на отдельном листе, который Андрей выкинул в ближайшую мусорку. Хорошо, что контора решила сэкономить и ежегодные профилактические медицинские исследования отменили. За отсутствием врачебного осмотра — исчезли и проблемы.

Лето случилось жарким, главспец Андрей Алексеевич Весёлый несколько раз терял сознание на работе перед двумя широкими мониторами с открытым профилем проектируемого пути. Раздражённый начальник вынужден был вызывать неотложку. Андрею делали укол, уговаривали поехать в больницу, пугали гликемической комой и скорой смертью, но тот всё равно писал отказ от госпитализации. Причина простая: в больничных тумбочках он не нашёл бы трёхдневного запаса пивчанского, да и курить в палате запрещено. Зачем лишать себя простых радостей жизни — сигареты и баночки пива, а больше ему ничего и не надо. Уверял, что не умрёт, на тот свет ему совершенно не с руки, нельзя ни в коем случае, он не может расстроить матушку, да и самый главный проект его жизни ещё не закончен.

Андрей подошёл к компьютеру, двинул мышь. На огромном мониторе показался индикатор прогресса скачивания новой игрушки. Сел в широкое кожаное кресло, напоминавшее по форме трон Карла Великого, и долго смотрел на ленту загрузки. Он больше времени проводил за скачиванием игрушек и новых блокбастеров, чем за просмотром фильма или самой игрой, хотя компьютер, собранный по спецзаказу, предназначался именно для современной игры

на высоких настройках. Он хвастался в конторе, что железо у него — из лучших в городе. Непонятно только для чего?

«Именно для этого». Все развлечения и зрелища мира тускнели перед медитативным бесконечным кино со шкалой загрузки. Лента вдруг ускорилась, скакнула на целый сантиметр вперёд, главспец вздрогнул от неожиданности.

«Вот это интрига, захватывающий сюжет», — усмехнулся он про себя.

Сейчас Андрей был в отпуске, он всегда брал отпуск зимой, после новогодних праздников. Руководство это устраивало, январь — спокойный месяц, запарка начиналась ближе к весне.

Брякнул телефон. Он открыл приложение камеры электронного глазка на входной двери, срабатывающую на движение. У соседской квартиры пьяный мужчина долго боролся с замком, наконец открыл и ввалился внутрь. «Кеша нажрался — значит, наступили выходные». Иннокентий Рыбин, вихрастый сорокалетний брюнет, трудился сантехником и в пятницу вечером с товарищами по цеху они собирались в пивнухе «Красный лев», работающей до последнего посетителя. Андрей раньше частенько его встречал там после работы.

«Здарова, сосед! Разрешите-ка вашу кашу нашим хреном помешать! Айда к нам, Андрей Батькович, пригубите ерша-ершовича от королей говна и пара!» — орал Кеша с другого конца зала. Надо отдать должное, сосед в любом состоянии обращался на «вы». Андрей кивал ему, торопливо глотал кисловатый напиток производства местного пивзавода и покидал заведение. Компаний он не любил. В конторе ещё ладно, все свои, да и то начинают подбешивать, а здесь — нет уж, увольте-с. С возрастом Андрей стал и вовсе сторониться людей, в «Красный лев» давно не заходил, пил дома.

В квартире Иннокентия что-то рухнуло, похоже, хозяин промахнулся мимо посадочной полосы, как палубный истребитель в шторм.

Сосед жил долгое время с рослой крикливой блондинкой Ангелиной: ах, этот пронзительный стон по ночам! Страсть, как часто бывает, переросла в одержимость, Кеша оказался ревнивцем. Начались необоснованные предъявы, переросшие в ссоры; крики любви сменились шумом от скандалов и драк, всё по классике, только в синяках ходил Иннокентий — Геля занималась тхэквондо. После очередной особенно яростной схватки в конце осени они расстались, и Кеша пропал на некоторое время.

В начале декабря, поздним вечером, в квартиру Весёлых позвонили. Андрей распаковывал только что полученный новый девайс — видеоглазок на дверь, оснащённый датчиком движения. Испуганная мама заглянула в комнату сына:

— Милиция, Андрюшенька. Тебя спрашивают. Ты ничего не натворил?

Странно, но законопослушный Андрей затрепетал и промелькнула липкая мыслишка про возможное преступное деяние: может быть, по пьянке накосячил

и не помнит? Пиво недавно в парке пил, нужду справлял на угол дома, вдруг кто видел и доложил, такое себе преступление, да нет, ерунда какая-то.

— Мам, ну ты чего?

Он накинул халат, вышел в прихожую.

— Капитан Сергеева, — представилась крупная миловидная зеленоглазая женщина в чёрной расстёгнутой болоньевой куртке и пушистом сером свитере.

Андрей внимательно изучил удостоверение, потом посмотрел на гостью, форма ей очень шла. Капитан Сергеева улыбалась. Он вздрогнул от пронзительного изучающего взгляда и не сразу заметил молоденького сержанта за её спиной.

— Андрей Алексеевич, очень приятно, чем могу быть полезен?

— Есть пара вопросов по поводу вашего соседа Иннокентия Рыбина. Вы его знаете? Как он вам?

— Иннокентия? Конечно, знаю, хороший парень. Спокойный, вежливый.

— Точно спокойный? Старушка из квартиры напротив сказала, что шумный.

— Да ладно. У неё самой телевизор молотит круглые сутки, вот кто людям спать не даёт. А что случилось?

— Рыбин поступил в больницу с ножевыми ранениями. Мы обязаны реагировать.

— Всё нормально с ним, живой?

— Не переживайте, жить будет. Значит, вы ничего не слышали ночью с двадцать первого на двадцать второе ноября?

— Ничего, — соврал Андрей.

— Спасибо... — Она замешкалась. — Андрей Алексеевич, вы меня не узнали?

— Нет, а должен?

— Я вас помню, мы вместе подавали последний звонок на выпускном для восьмого класса. Моя фамилия в школе — Зайцева. Аня Зайцева, помните?

Андрея словно ударили по затылку... и заиграла музыка, суета и гомон в актовом зале. Как это было давно...

«Весёлый! — он услышал строгий оклик завуча, седой высокой дамы с финской фамилией Хейкинен. Она держала за руку худенькую девочку с большими белыми бантами и зелёными глазами. — Андрей, знакомься, Аня Зайцева из первого “Б”. Аня, — это Андрей Весёлый из восьмого “В”. Андрей, тебе предстоит ответственное и почётное задание. Будешь подавать последний звонок».

Выбор завуча пал на Андрея, потому что он был единственным в белой рубашке, галстуке и новом чёрном костюме. Андрей не хотел наряжаться, но мама настояла. Раньше выпускной в восьмом классе особо не отмечался, собрали

Александр Жданов

Я никому не дам умереть

Рассказ

1

«Баба Яга» зависла прочно — как стервятник над слабеющим и умирающим львом. Казалось, она не улетит уже никогда. Жужжание двигателей становилось невыносимо громким, отдавалось в висках и во всём теле. А эти двое успели-таки ввалиться в оставленный ВСУшниками блиндаж. Ввалиться последними, потому что двое других уже лежали там ранеными. И теперь эти двое вжимались спинами в расщелину, пытаясь укрыться под случайно образовавшимся навесом из брёвен.

«Баба Яга» жужжит. Хорошо бы, конечно, сбить эту тарахтелку, да не получается ни высунуться, ни автомат удобнее перехватить — «Яга» засечёт любое движение. А ещё лучше не из автомата пальнуть, а из гладкоствольного ружья. Вон оно у рядового Елисеева. Якут Еремей Елисеев — охотник, поэтому ружьё предпочитает АКашу и ловко сбивает беспилотники. Но сейчас он ранен, двигается медленнее других и в любой момент может притянуть «Ягу» к себе.

— Лежи, Елисеев, не двигайся, — тихо приказывает взводный, молодой лейтенант белорус Бондарович.

Итак, в сухом остатке, как любит говорить командир роты, такой расклад: в блиндаже двое «трёхсотых», включая Елисеева, лейтенант и сержант Томилин, доброволец.

Жданов Александр Борисович — поэт, прозаик, художник, искусствовед. Родился в 1956 году в Баку. Окончил филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни» и других. Автор трёх сборников стихов, восьми книг прозы, в т.ч. исторического романа «И взошла звезда полынь» («ЭКСМО», электронное издание), альбома живописи и графики и трёх учебных пособий по истории изобразительного искусства. Живёт в Калининградской области.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 4.

— Понимаешь, сержант, какая задача? — говорит лейтенант. — Ни погибнуть, ни раненым быть никому из нас нельзя. Бо в одиночку будет не выбраться и других не вытащить.

Томилин, продолжая следить за «Ягой» и не оборачиваясь, говорит:

— Не боись, товарищ лейтенант. Пробьёмся. Меня ведь бабушка Катя на войну провожала.

Сержант старше лейтенанта и с боевым, — и взводный пропускает явное нарушение субординации мимо ушей, а только спрашивает:

— Кто это — бабушка Катя?

2

Когда пришла домой первая похоронка, на отца, пятилетняя Катя сначала ничего не поняла. Она видела плачущих мать и бабушку, видела замолчавших и лишь горько покачивающих головами соседей, но слов «папа погиб, папы больше нет» понять не могла. И нескоро поняла бы, если бы не соседский Мишка. Мишка второклассник, Мишка большой и много знает. Он и отвёл её во дворе к стене с пожарной лестницей, забрался на три перекладины, вывернувшись, уселся на одной и заявил сверху:

— Ты что, совсем маленькая? Или дурочка? Погиб — это значит, его не будет. Совсем.

— Как это: не будет совсем? — не понимала Катя.

— Ну, смотри, — Мишка спустился со своего насеста. — Папка брал тебя в цирк, в зоопарк? Ходил с тобой в парк? Ты каталась на каруселях, газировку пила? Мороженое папка покупал?

— Да, — с радостной улыбкой закивала Катя.

— А теперь — всё. Ни парка, ни цирка, ни мороженого. Куда бы ни пошла — папки рядом не будет. Поняла?

Мишка по-взрослому сплюнул сквозь зубы. Он лишь два дня назад научился этому трюку и не упускал возможности показать малявкам, кто во дворе по-настоящему взрослый. Сплюнул — пошёл. А Катя разревелась. Громко плача и размазывая слёзы, она прибежала домой, бросилась лицом в подол бабушке — и рыдала, рыдала, рыдала. Так она узнала, что где-то далеко от дома есть война.

Война представлялась ей злой, страшной, очень большой, похожей на непроходимый лес, тёткой, на которой все пропадают. Она же слышала, как взрослые говорили: «На войне пропал». Так и росла она, взрослела с мыслью: хуже войны нет никого.

К весне сорок пятого Катя уже многое знала. Она ходила в школу, выступала на школьных концертах и на городских во Дворце пионеров. В стихах

и песнях всегда побеждали — и врага, и войну. И Катя верила и чувствовала: она тоже побеждает.

Однажды выступать пришлось в госпитале. Катя старалась прочитать стихотворение так, чтобы все раненые обрадовались и быстрее выздоровели. Её голосок зазвенел, а один, который без ноги, почему-то, забыв костыли у стула, допрыгал до Кати, прижал её голову к себе, гладил и приговаривал: «Оленька, Оленька». На нём не было госпитальной пижамы или халата — только телогрейка. Он вообще не был похож на раненого бойца. И Катя испугалась, вырвалась и убежала. Она выбежала во двор, села с размаху на скамейку и ничего не могла понять. Рядом опустилась санитарка. Она показалась Кате очень старой, её глубокие морщины и крючковатый нос должны были бы напугать девочку, но санитарка смотрела такими добрыми и по-молодому синими глазами, что Катя успокоилась. И голос у старушки был добрый и тихий.

— Чего ж ты напугалась, дитятко? — ласково спросила она. — Не бойся, это истопник наш. Он не страшный. Только жаль его. Он всех девочек Оленьками зовёт. Его дом, жену, дочку и внучку — всех — фрицы сожгли. Так-то, дитятко. Вытри слёзки. И не потеряйся. Вас сейчас назад поведут.

Катя понимала, что надо встать, пойти к ребятам, которые уже строились в пионерскую колонну. Но не могла отойти от доброй старушки, которая нежно поглаживала её по руке и шептала:

— Так-то, дитятко.

Слово понравилось и запомнилось, но сама она его не произносила, а словно хранила в шкатулке.

Всю зиму Катя ждала весну и верила, что весна будет другой, непохожей на предыдущую. Потому что по-другому стали взрослые слушать радио, с другими лицами отходили от висевших не стенах чёрных говорящих тарелок, внутрь которых очень хотелось заглянуть, тем более что соседский Мишка пообещал:

— Мне только бы отвёртку раздобыть. Я раскручу, и мы посмотрим.

Отвёртку он раздобыл, и уже нацелился на винтик, но мама его, тётя Нина, увидела, подзатыльников надавала. Не увидела Катя, кто сидит в тарелке, но слышала, что голос его стал уверенней и радостней. Поэтому и слушали радио иначе, не как в начале войны. Теперь на лицах взрослых не было безысходности. А тут ещё и весна вот-вот начаться должна. Катя ждала — и дождалась.

И весна пришла. И тоже была другой. Во-первых, Катя услыхала птичий щебет. По сказкам и учебникам она знала, что весной птицы возвращаются и задорно щебечут. Птицы и до этого возвращались весной, но такого радостного щебетания, прямо-таки пения, как сейчас, Катя прежде не слышала. Во-вторых, весна замечательна и тем, что весной у Мишки день рождения, и Катя давно приготовила ему подарок. Сама сделала. Ну, бабушка, по правде говоря, помогла. Немного. А ещё бабушка так переделала старенькое Катино платье,

что все приняли его за новое. В таком платье и на «деньрожденье», как говорила Катя, пойти можно.

В этом новом платье, с подарком в руках подошла Катя к двери Мишкиной квартиры. Сейчас она встанет на цыпочки, дотянется до звонка...

Катя ничего не поняла сначала. За дверью раздался не крик даже — вой, а потом и громкий рёв Мишки. Дверь резко распахнулась — и Мишка выскочил, едва не сбив Катю с ног. Лицо у него было красное, распухшее и мокрое.

— Ты что? — только и спросила Катя.

— Папка! — взвыл Мишка. — И мой папка тоже...

И Катя всё поняла: дяди Коли тоже не будет, Мишку тоже никто не возьмёт в цирк или зоопарк. А ещё поняла, что сейчас спрашивать об этом Мишку нельзя. И вообще лучше не говорить об этом, а незаметно уйти.

Она тихо втиснулась в дверь, из которой выскочил Миша, оставила на тумбочке подарок и вернулась домой, а дома взяла в руки куклу, подаренную ей папой, когда тот ещё был, и стала укачивать её.

А через несколько дней всё изменилось. Взрослые радовались, поздравляли и обнимали друг друга и даже совершенно незнакомых людей на улице. И всюду звучало это радостное слово «победа»! Только глаза у тёти Нины оставались грустными.

И Катя тоже радовалась победе. Если победа, значит, этой злой, огромной, похожей на страшный лес тётки больше нет и уже не будет. А дядя Серёжа, мамин брат, скоро приедет и будет, как раньше, вырезать для неё из фанеры игрушки. И ещё думала Катя, что молоденькая «почтальёнка», которую все ласково называли Ирочкой, не будет больше приносить нехорошие серые конверты, которые взрослые называли противным и шуршащим словом «похоронка». Но Ирочка пришла. Она шла медленно, как будто не решалась подойти к Катиной бабушке. А потом робко протянула серый конверт. А ушла очень быстро, почти убежала.

— Серёжа? — только и спросила мама.

Бабушка побледнела, схватилась за сердце и села на скамейку у подъезда.

— После Победы! На следующий день после Победы! Как же так?! — причитала бабушка.

Катя тоже думала: «Как же так? Если нет этой противной злой тётки, почему дядя Серёжа пропал на ней?»

«Катя привыкла к смертям», — думали взрослые, видя, как стойко девочка встречает каждое новое горькое известие. Ей едва исполнилось двенадцать, когда внезапно не стало мамы. И тогда на кладбище у свеженасыпанного холма, вырвавшись из рук бабушки, с которой ей предстояло теперь жить, Катя закричала:

— Я больше никому не дам умереть!

Взрослые потупили взгляды и отвернулись.

3

Кто и когда заметил странную закономерность? Стоило медсестре Екатерине Степановне посмотреть на человека по-доброму, погладить мягкой, пахнущей пенициллином и витаминами ладонью по щеке или руке, сказать тихим голосом «не думай о дурном, детка, всё будет хорошо», как человек словно получал ангела хранителя за спиной. И мог быть уверен: смерть обойдёт его стороной. Не тогда ли заметили, когда соседский парень Петя Бурыхин уходил в армию? Его мать, вырастившая единственного сына одна, очень убивалась, провожая его: Афганистан к тому времени перестал быть тайной.

— Не причитай, Наталья, раньше времени! Не гневи бога, — сказала тогда Екатерина Степановна. — Вон какой бравый парень у тебя. Всё будет славно, Петенька.

Сказала и погладила по щеке...

...Не раз, наверное, заместитель командира взвода старший сержант Пётр Бурыхин вспоминал эти слова, когда залегли они на горном пятачке. Что это было? Просчёт разведки? Хитрая ловушка духов? Но они оказались даже не в тылу, а в самой их гуще. Положение двойственное. С одной стороны, виден КП духов, и, если его накрыть, это будет большим успехом. С другой — духи вокруг, и их много. Взвод занял круговую оборону, и они отстреливались, отстреливались, отстреливались. А духи приближались, их кольцо сужалось. Вот замолк пулемёт его товарища справа, вот ещё один упал, раненный. Духи наступали. Позже Бурыхин готов был поклясться: вдруг он увидел... Нет, не мать даже, а лицо тёти Кати и услышал её слова: «Всё будет славно, Петенька». И тут же они услышали стрёкот. Его нельзя было спутать ни с чем: вертолёт. Наш вертолёт! Всё-таки успели связаться по рации со своими, и всё действительно закончилось хорошо: поставленную задачу взвод выполнил. Без потерь выполнил, если не считать нескольких раненых. И права оказалась тётя Катя: славно закончилось, и старший сержант Пётр Бурыхин возвращался домой с боевой наградой. А приехав, раньше, чем домой, зашёл к тёте Кате.

Потом была Чечня, и к Екатерине Степановне призывники приходили, как за благословлением. Хотя не могли во дворе знать, что служившая тогда вдали от дома в Уссурийском крае медсестра санчасти тридцатитрёхлетняя красавица Екатерина напутствовала братьев Коньшиных своим обычным: «Не дрейфьте, парни. Всё будет хорошо», — и те вернулись с острова Даманского целыми и невредимыми. И уж, конечно, некому уже было вспомнить крик двенадцатилетней Кати у могилы матери: «Я больше никому не дам умереть!»

* * *

В отпуск после удачно проведённой операции сержант Томилин ехал вместе теперь уже со старшим лейтенантом Бондаровичем. Уговорил-таки командира сделать крюк, чтобы тот познакомился с бабушкой Катей. Похоже, лейтенант и сам был не прочь, просто не стал предлагать сам, чтобы не навязываться. Они тряслись в поезде, позвякивали стаканы в подстаканниках, а лейтенант говорил:

— Поверил я, Томилин, в эту загадочную бабушку Катю. Ведь по всем правилам нас должно было накрыть. Не выпутываются из таких ситуаций. А нам повезло. Как тут не поверить?!

— А я, товарищ лейтенант, сам долго не верил. Всё сказками считал. Когда записался добровольцем, мать сразу говорит: «К бабушке Кате сходи перед отъездом». Я отнекивался, мол, неудобно, да и не верю я. А мать упёрлась: «Не пойдёшь сам — за руку отведу. Как маленького». И ведь отвела. Мы пришли, а баба Катя лежит. Старенькая она уже совсем, лет девяносто, кажется. Лежит, слабая, приболела. Родственники сначала нас пускать не хотели. А она, похоже, услышала. Слабеньким таким голосом говорит, пусть, мол, подойдёт, я подошёл, сел на краешек кровати. Она глаза открыла, а глаза — поверите ли? — синие-синие, как у молодой. Посмотрела на меня, улыбнулась. «Служи спокойно, — говорит, — дитятко». Слово-то какое — «дитятко», прям как из сказки. Только не знаю, застанем ли её в живых. Уж очень слабая была.

Они подходили к дому, Томилин показал лейтенанту свои окна, но тот внезапно предложил:

— Может, лучше сначала к бабе Кате твоей сходим? Домой-то всегда успеешь.

— А пойдём, — согласился Томилин.

Но у дверей Екатерины Степановны внезапно остановился и никак не решался позвонить.

— Тихо что-то за дверью, товарищ лейтенант, словно нет никого, — нерешительно сказал он.

— Давай я, — Бондарович отстранил сержанта и нажал кнопку звонка.

Трель в квартире показалась Томилину громовой. Однако никто не отвечал. Позвонили ещё раз — нет ответа.

— Неужели всё? — грустно спросил он. — Ну, тогда домой, к маме.

Они спустились во двор.

— Петька! Вернулся?! — раздалось за спиной, и бывший одноклассник Томилина бросился к нему.

— В отпуск. С командиром вот. А что бабушка Катя? Заперто, никто не отвечает. Неужели умерла?

— Типун тебе на язык! На дачу её отвезли. Кто-то из тех, кого она в своё время благословила. Разве можно бабушке Кате умереть? Кто же нас напутствовать и оберегать будет?

Маша Костина

Конец лета

Рассказ

Вера просыпается от холода. Небо светлеет, румянит скулы Чатыр-Дага в абрикосовый. Ветерок ледяным ручейком скользит по телу, дом остыл. Вставать ужасно не хочется, но дети могут замёрзнуть. Она заставляет себя подняться, закрывает окно и, старательно перешагивая скрипучие половицы, отправляется в утренний обход.

Булка, как всегда, спит раскрывшись, раскидавшись по кровати, коротко посапывает откуда-то из-под кудрей. Укрывать её нужно так, чтоб она не проснулась, это непросто.

Вера задерживает дыхание, наклоняется над кроваткой, вытягивает одеяло и замирает с ним в руках, когда по улице рассыпаются, как с разорванных бус, автоматные хлопки. «Сейчас зажужжит, — думает она, — хорошо, что окно закрыла». И вправду начинает жужжать, и жужжит всё громче и назойливее, как ночью комар. Дети не просыпаются — значит, ничего страшного.

Димка спит тихо, запеленавшись в плед, лицо ещё совсем малышовое. Через две недели он идёт в школу, и будут у него события, друзья, мечты и целая жизнь, как чистая новая тетрадь, девяносто шесть листов, ни одного вырванного. Вера думает об этом, и затягивается в груди жгучий корявый узел.

Гулко ухает взрыв. Прихлопнули, стало быть, комара.

Выключатель щёлкает вхолостую — света нет. Булка проснулась и нараспев твердит: «Ма-ма, ням-ням». Вера вынимает её из кровати, тискает, вертит, улыбается изо всех сил — так, чтобы то, что в груди, никогда не пробилось наружу.

— Поедем на море? Поедем? Поедем? С Димкой, на машине, а?

— Дика биби, — соглашается Булка.

«Беспилотная опасность», — запоздало извещает телефон.

Маша Костина живёт в городе Симферополе, ранее в бумажных журналах не публиковалась.

— Слушай, ну, я уже согласилась, едем, но ты мне объясни, зачем так далеко? Чё, мы в Николаевке не можем покупаться? Ладно было бы с бензом нормально, а так, — Светка всегда треплется, когда ведёт. Ей даже отвечать необязательно. Вера и не отвечает, разглядывает незнакомую дорогу, щупает в сумке шершавые пластиковые карты. — С тебя, кстати, три восемьсот, заправлялась на Арсе по двести.

Вера кивает. Булкин телефон шепелявит песню про улыбку.

Они пели её в первом классе, на самодеятельности, не по своей, разумеется, воле. Кто-то должен был представлять параллель, вот их и выбрали — двух занимавшихся в музыкалке — и поставили в нелепый разнокалиберный дуэт: крупная, белая, неуклюжая она и мелкий вертлявый Эмиль тонкими голосами поют дурацкую садиковскую песню. Чем закончился конкурс, она, конечно, забыла, но Эмиля до пятого класса называли Крошка Енот. Вообще-то, ему подходило.

Светка болтает о работе, произносит фамилии, за фамилиями — пустота, всплески эха додекретных времён, Вера не помнит, ей всё равно. Чужая широкая дорога схлопывается в старую, родную. Вера закрывает глаза и представляет себя молодой.

Районный автобус, напитанный пыльным запахом кизяка, заезжает в каждое село по пути, так что двадцать минут по прямой превращаются в полтора часа вихляний по трассе. В его гнусавом псаломном гуле ей слышится музыка.

Сёла множатся, автобус пустеет, вдыхает освободившейся утробой солёный степной ветер, и уже не так жарко, и запах навоза сменяется колючим ароматом выгоревшей травы.

В этот раз с ними Наташа — была подругой Веры, стала девушкой Эмиля, очень удобно и весело. У Наташи малиновые волосы и пирсинг в языке, из-за неё их два раза останавливала милиция, водили в опорник, с надеждой обыскивали сумки.

На евпаторийском вокзале они нашли здоровенный водяной пистолет, и теперь наперебой фотографируют с ним друг друга. «Пик» — на Эмиле чужие наушники, выпросил на два дня, он надеется поиграть хотя б на каком-нибудь баре. «Пик» — Наташка суёт в кадр свои ниндзя-шуз, знак отличия, обувь аборигенов. «Пик» — и Вера открывает глаза, врезается взглядом в армейский грузовик.

— Это военные, мама? Куда едут военные? — беспокойно талдычит Димка. Света реанимирует навигатор — тщетно, интернет пропадает, только светится на экране унылая «Е».

— Мама, смотри, поезд! — вспыхивает Димка, провожает восторженным взглядом блики солнца на электричке.

Он ни разу не ездил железной дорогой, не летал самолётом, не был нигде дальше Крыма, только день через день, словно любимую сказку, просит её повторять, где побывала она сама. «Чехия, Польша, Франция, Германия», — перечисляет Вера, и путается, и забывает, и сама уже не верит в то, что говорит.

В восьмом классе они ездили в Венгрию, школой. Приближалось Рождество, и ярмарочные домики, цветные фонарики, нарядные костёлы — всё смешалось в тёплый и сладкий глинтвейн. В Будапеште их больше всего поразили две вещи: раздвигающиеся двери супермаркетов и кофейный автомат. Автомат нашёл Эмиль — в маленькой продуктовой лавке в подвале, притащил её, и они, два пришельца из тёмных времён, выудили все монетки из карманов и попробовали все, абсолютно все напитки по порядку, даже бульон.

— Ну, и куда теперь поворачивать? — ворчит Света, и Вера сжимается, опадает. Она не знает дороги, не умеет водить. На Казантип они ездили стопом, автобусами, такси, приходили по пляжу из Штормового, но это всё бесполезно, а Света не местная, и это она её уговорила, и... — А, вон...

Они выезжают на кольцо, сворачивают к сёлам, и на мгновение, как в тронувшемся лифте, пропадает в Вере гравитация. Там августовское сонное солнце и жёлтая степь до небес застыли, как в янтаре, и никогда не умрут, никогда не закончатся.

— Ну, вот твоя Поповка.

Света резко сворачивает, хрустит под колёсами гравий, самозабвенно стрекочут кузнечики.

Вера стискивает руки. Вот её Поповка. Вот магазин, у которого они сидели часами в ожидании денег, машины, сна. Там дальше проход к территории — кроличья нора, двадцать восемь шагов до чудес, они с Эмилем считали. Вере нужно туда и страшно туда, она поправляет сумку, проверяет карман, берёт Булку за руку. Надо.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь. Вера оглядывается, ищет глазами Димку и выходит наружу.

Тихо. Ветер несёт песок на степные жёсткие травы, на ржавый забор, на ракушечные стены. Здесь был базар. Потом, вероятно, парковка. Теперь — ничего.

Шелестит вдалеке кучерявое море, небо свалено на него мраморно-синей плитой.

Главный вход обмотан защитной сеткой, облеплен людьми в камуфляже. Рядом с табличкой «Пляж» другая — «Стоп! Мины».

— Мам, это з*а*мок? — Димка дёргает за футболку.

— Чисто постапокалипсис, — резюмирует Света, и не понимает, насколько права.

Когда-то Вера ходила к психологу — так, про тяготы материнства, ничего особенного. Психолог просила вспомнить самый счастливый момент. Вера сказала: «Рождение Димы», — потому что так надо, так все говорят, потому что она любит Диму, и она — хорошая мать.

На самом деле лучший момент в её жизни был на яме в сете Kollektiv Turmstrasse на танцполе Щастье. Она запрокинула голову, вскинула руки, небо было чистым и звёздным, ветер холодил лицо. Ей двадцать, и на завтра она ничего не хотела, кроме как танцевать.

Теперь на том месте военный пост, и парнишка в зелёной форме, тоже наверняка двадцатилетний, лениво спускает в песок приклад автомата. За ним, рыжие от ржавчины, тлеют остовы скульптур и построек.

«Как забавно, — думает Вера, — то был Великий народ, и этот народ считает себя великим, и буква эта остриями в разные стороны тоже одна».

— Здесь не пойдём. Направо ещё будут пляжи, — машет она рукой.

Они идут и идут по шафрановым пыльным улицам, мимо пустых дворов, мимо немых фонтанов, припорошенных осенью виноградников, и кажется, что они застряли во времени и будущего нет, ничего нет и никогда не будет. На заборах пятна плакатов: плетите масксети, вступайте в БАРС. Поворот возле лубочного Кремля, Булка устала, и Вера берёт её на руки.

На пляже — люди, сапборды, пластмассовые пальмы и белые бунгало. Никто здесь не знает про ниндзя-шуз, не поёт Боярского, не спит на колонке. Никто не братается в очереди в туалет. Жизнь, словно переходящий приз, принадлежит теперь им, другим, незнакомым. У Веры — только визы, нанизанные на шнурок. И ветер. И тишина.

— Ну что, раскладываемся? — спрашивает Света.

Димка уже в воде, перепрыгивает накатывающие волны. Булка выкопала из сумки купальный костюм.

Вот так же штормило, когда они приехали в первый раз. Совсем без денег, кроме жалких трёхсот гривен, за которые Эмиль продал свой телефон, без жёлтых чемоданов, потому что покрасили они их так, что только позориться, но твёрдо решив по-любому пробраться внутрь. Они хотели оплыть заграждения с моря. Вещи они перебросили через забор, заплыли подальше, чтобы никто не заметил, но случилось течение, шторм, они полчаса болтались на месте, и Вера, которая, вообще-то, плавает как рыба, всерьёз начала опасаться, что они здесь утонут.

Не утонули.

Булка копает песок, тарахтит генератор в кафешке. Вера хочет пойти посмотреть, нет ли там какой-нибудь пиццы, но находит только два вида пива,

орехи и чипсы. Покупает арахис и воду, прижимает к груди взопревшие бутылки, но не чувствует холода, не чувствует ничего.

К раздевалке — очередь. Чей-то косматый пёс, взметая брызги, несётся по кромке моря. Похожий был у Эмиля и Ление, когда они только съехались.

Ление танцевала восточные танцы, Эмиль диджеил на свадьбах. Они подходили другу другу как ручка и колпачок, Вера это заметила сразу. Подарила на свадьбу сотые пионеры[1], напилась, кричала, что теперь у неё есть сестра. Была осень 2013-го.

В 2014-м они уехали. Сперва в Киев, потом вроде бы в Кропивницкий. Он ей что-то писал, хотел объяснить, а она ему всякого наговорила, и он ей тоже наговорил и замолчал, удалил её из друзей.

Нет, Вера, конечно, нашла Ление в Инстаграме и иногда, когда совсем прижимало, подглядывала за ней. Знала, когда родился их сын. Видела, где они отдыхают. Однажды решилась и написала, просила прощения, напоминала былое — безответно. Эмиль не общался ни с кем, кто остался в Крыму. Не общался с ней. Ни-ког-да.

Света берёт шезлонг напрокат, принимает изящные позы — для селфи, чтобы отправить мужу. Детей у них нет, потому что на это нет денег. За деньгами муж Светы ушёл на войну. Вера думает: «Умрут одни, чтобы родились другие. Что за кровавая дань». Но Свете такого не скажешь. Она фоткает Свету издалека, с головы, со ступней, на фоне ворчливого моря. Долго купает Булку, учит Димасика плавать. Она бы хотела увидеть закат — таких нет больше нигде, — но ехать так далеко, и дети устали.

Обратно бредут через силу. Булка спит на руках. Света плачется о маркетплейсах. Уже почти у машины Вера поднимает глаза.

— Слушай, у меня тут одно дело, я отлучусь на минутку. Ну, может, на десять. Побудешь с детьми?

Ответ ей не нужен, она не слушает, прибавляет шаг, мимо грозных блокпостов, вдоль берега, к околоминному пляжу, защитной сетке, ежам и траншеям на кромке того, что когда-то было ей домом.

Здесь нет людей, море плещется всуе. Вера шлёпается на песок, роет его руками, как кошка.

— Что вы делаете? — требует ответа форменный человек с чугунным взглядом.

Вера копается в сумке, ищет карман, полотенце застряло в молнии.

---

[1] *Сотые пионеры* — диджейский сленг (Pioneer CDJ-100 — профессиональный CD-проигрыватель, использовавшийся в клубной индустрии в начале 2000-х годов).

— Вот, — протягивает она пёструю пластиковую гроздь. — Это визы. Проходки на Казантип. Они моего лучшего друга. Он... — как же сложно это сказать, сколько воздуха нужно, — он погиб. На войне.

Делает паузу. Чтобы простить себя за крошечное упущение, или чтобы дядечка в камуфляже проникся.

— Он очень любил это место и мечтал, что сюда вернётся. Я... — вот не плакала же, когда прочла. Ночью не плакала и всю дорогу. Почему же сейчас наливаются жаром глаза? — Я просто хочу их здесь закопать.

Камуфляжный шарит по ней долгим неодобрительным взглядом, отворачивается, уходит к посту. Вера смотрит в его сутулую спину и думает, что кто-то из них — дядечки за забором, пареньки с автоматом, может быть, даже Светкин муж — и убил Эмиля. Они все — убили.

«Прощай и прости меня», — шепчет она, и глаза закипают.

Огненный персик над морем катится в тёплые волны. Кончается лето.

Елена Грэг

Беги осенними полями

Рассказ

Это было название. Running up... Остальной перевод съел ошалелый ветер.

Идея купить дом у озера принадлежала тестю. Подполковник в отставке, занесённый в союзную республику ещё в армии, тесть был помешан на рыбалке и клочке земли. С детства таскал на рыбу сына. К пятилетию нашей семейной жизни муж начал действовать. Бывший курсант военной академии, подающий надежды майор, он выделил единственный после командировок выходной на поиск участка, на котором могли бы поместиться дом и огород. Желательно баня. Желательно, чтобы участок на берегу. В мужнины планы я не вникала, но согласилась смотреть вместе. Подполковник подключил всех знакомых председателей райисполкомов, землемеров и прочих деревенских чиновников.

Повод — рождение внука.

Не знаю почему, но полгода после этого события прошли для меня в каком-то забытьи. Это странно, ведь во время беременности не было токсикоза, психоза и прочих признаков «отёков мозга», которые я не без иронии наблюдала в женской консультации. Роды прошли вполне. Полгода после — в режиме подвижности, редкой для женщин моего типа. Доцентка кафедры, переводчица... Мне бы поваляться с очередной книжкой, а приходилось менять подгузники и ездить по заброшенным деревенским углам. Благо, сын не доставал. Каждый день я кидала в нижнюю часть коляски всё необходимое для кормлений («Никакой груди!» — отрезала сразу, и, по счастью, муж был за), часов по пять гуляла в парке, исхаживала дорожки, а когда сын засыпал, доставала блокнот. После защиты диссертации у меня была идея-фикс — написать рассказ. Оставалось только выбрать тему. Не то чтобы у меня была

Елена Грэг — творческий псевдоним Елены Лепишевой, литературоведа и критика из Минска, автора статей о современной литературе и театре на страницах журналов «Дружба народов», «Нева», «Театр», «Цирк Олимп + TV», «Дзеяслоў» и др.

Предыдущая публикация прозы в «ДН» — 2023, № 5.

интересная жизнь: книги, декретный... Иногда фильм, — что-то лёгкое, на грани реальности и фантастики. Муж любил устраивать семейные вечеринки с вином и телевизором, и я не перечила. Надо же и ему развлечься, не всё же «твою писанину писать». В рассказе слишком расплывались линии, не доставало события, главного, «сюжетообразующего», как говорила подруга-блогерка. Этому «-ка», как и прочим феминитивам и трендам, она честно пыталась меня научить. Потом махнула рукой: смотри, мол, кино, и переключила радио в машине на своего Навального.

Первое впечатление от Вольніцы — так называлась деревня, на окраине которой находился дом, — было из серии «очень живописно». От города откровенно далеко — можно заснуть и не проснуться. Место необычное, как говорят, с придурью. Дом был отделён от остальных деревенских — пять километров поломанных деревьев и кустов. Природные баррикады громоздились у дороги напротив озера и вызывали ассоциации с русалками. Озеро — вот что было действительно красиво! Формы вытянутого яйца или продолговатого глаза, оно казалось бездонным зеркалом деревьев. Особенно жаль было поломанных, не имевших возможности в это зеркало смотреть. По берегу озера были разбросаны рыбачьи беседки, предусмотренные кооперативом. Это решило дело с покупкой, тем более что почти полное отсутствие мебели должны были, по договорённости с председателем, компенсировать стол из старого клуба и брёвна, которых хватило бы на крыльцо.

Крыльцо вызвался строить подполковник. Ещё весной он заговорил о сюрпризе, из-за которого почти каждый день ездил на «хутор» — так мы стали называть дом у озера. Проводили там выходные. Я наслаждалась рассказом, он на природе активно писался, тесть наслаждался строительством, муж... Ему просто нравилось сменить обстановку и устроиться в свободное от указаний отца время не перед телевизором, а перед окном или прямо на берегу. Пока мужчины возились, я накрывала на стол. Пользовалась переносной плиткой, которую установили в комнате на старом закоптелом столе, покрытом клеёнкой. Ужинали всегда на улице, сначала за походным столиком, но ближе к лету на крыльце появился новый, добротный, тестем самолично выструганный и покрытый лаком. Зная мою щепетильность, в небольшой пристройке муж установил душ — пластиковую коробку с поддоном. Прибил полочку, поставил стул, чтобы можно было складывать одежду. Осталось заменить барахлящий смеситель. Лето впереди — успеем.

С чего началось? В тот день я звонила в поликлинику — сын заболел. В телефоне зазвучала мелодия. Что-то режущее, *ретровское*. Тоска. Потом озорное — какие-то диско-вспышки. И снова «сигаретные» звуки, потому что

в такие моменты я всегда представляю, как танцпол заволакивает дым. Я увидела себя на краю сцены: девушка с сивой гривой вцепилась в микрофон, бедро в сторону, парча на кости. Вперилась в зал, где не было зрителей.

Дымное диско я различила сквозь треск и ещё подивилась: откуда это, если нет проводов и трубки? Мобильный телефон, неприятно холодный, молчал. Я уже начала успокаивать себя, мол, диско по ту сторону — типичный музыкальный автоответчик, и в учреждениях типа поликлиники они, как известно, странноватые, всегда композиции не к месту, а вспышки вызваны ассоциацией с недавним кино, — муж любит вечеринки и... Голос по ту сторону задавал такт. Раз-два. Раз-два. Running up... Тишину взорвали шаги. Было похоже, что они совсем близко.

Что за дверью?

Кто?

Сколько мне нужно пройти, чтобы открыть?

Сын хныкнул в комнате. Побегу: температура тридцать восемь.

Потянулись дни. Книги, декретный, иногда фильм. Декретный, фильм, иногда книги. Рассказ застопорился. В моей жизни не было ничего интересного. Нужен центральный эпизод. Я пыталась искать вдохновение в поездках на хутор. Выпадали на утро. Падали. Муж вступил в должность, в подобающий возраст. Мускусные галстуки, табачные пальцы. Муж совсем не хотел ждать. У нас не было горничной, чтобы таскать коробки с певучим фарфором, который мне хотелось привезти в дом у озера, не было денег на зелень и сыр — ненужные деликатесы. Зато всегда хватало на бирюзовое вино в дутой бутылке. Давай быстрей уже. Что ты копаешься? Муж не мог ждать, пока я про всё это напишу. Блокнот всегда был при мне. Иногда в корзине коляски, иногда на детском пеленальном столике под пачкой памперсов, иногда на кухонной полочке. Я ухитрялась писать тут же, между утренним яйцом, гречневой кашей, конечно, на масле, с горсткой сахара, с перчиком — ему, себе — запаренной. Между столешницей, выкрашенной в тёмный цвет — асфальтовый глянец, и крошками, падающими на листы, и я потом везде их видела. Между багряной ветчиной, медовым соусом, горстями брусники, которые тоже неплохо бы бросить в текст, чтоб наверняка. Обмануть себя, затихарить монету (вернуться бы, вернуть).

Так неожиданно я задумала побег.

Дивный мир приоткрыл двери.

Всё чаще казалось, что эффектные приготовления к хутору, как и саму поездку, я придумываю из ничего — лишь бы поинтересней. Что в действительности у меня было? Кирпичи «бородинского», шматок

из «рублёвского», курица в пакете... Зацепиться не за что. То ли дело «багряна ветчина»...

По приезде на хутор мне надо было выложить на столешницу то, что не запаковала несуществующая горничная. Столешница, правда, была не та, какую хотелось. Никакого тёмного глянца. Точнее, тёмным было дерево, поеденное временем, свободное после вахты в деревенской хате, отведённой под клуб. Послужит и нам. Старый стол был покрыт клеёнкой на заклёпках — особого уюта нет, но пользоваться можно, надо только стереть с поверхности пыль, сбрызнуть дезинфектором. Дезинфектор возился в пакете с запаянными в полиэтилен бутылочками, заранее простерилизованными, термосом на пенопласте, кормом в банке, дистиллированной водой, ёршиком для очистки, бумажными полотенцами.

Стерильно.

Жизни нет.

Заклёпки на клеёнке регулярно вбивались в ножки стола, и я его понимала. Негнущиеся обрубки с шершавыми, чреватыми занозами лодыжками. Для новых нет смысла — всё равно для застолий использовался лаковый уличный. Ты когда накроешь уже? Надо как-то выкроить время, чтобы описать. У меня был целый арсенал мисок — пропахшие уксусом, из тонкого пластика нелепые розовые каски. Годились и для баклажановых кубиков, которые, чтобы не стреляли, приходилось выдерживать под водой. Сойдут и для салата с майонезной заправкой, чтобы перебить запах. Розовые пластиковые каски — чернорабочие. На улице ожидал стол, парадный, праздничный, подаренный отцом-полковником в честь рождения сына. Полковник, он же теперь дед, лысой зимой добирался на отечественном вездеходе до Вольніцы. Ставил на привязь за воротами из перекрашенных досок. Сваленный в груду кирпич должен был отбить охоту у воров. Ставил у крыльца говнодавы, и в резиновых сапогах взбирался на настил. Ступени появятся только летом — стол для застолий опередил сезон, а может, сезон предначертал.

После того как выполнил добровольную миссию, полковник больше не появлялся. Я увижу его лишь однажды, издали, меж паутинок в волосах, мельтешащих перед глазами.

Что ещё запомнилось? Вечер, синий до оскомины. Под ногами скрепит песок. Скрипеть будет каждый раз, когда увижу вас в окне. А тогда мы шли не торопясь — так могло бы разливаться солнце. Следы. Не отпечатанные от четырёх ног, потому что следов на песке, истёртом в пыль, не остаётся. Четыре ноги, две борозды от авто, две руки наконец встретились. Муж сжимает мою несмело: а вдруг убегу? Честно говоря, хочется. Сына перекрестить — и вдоль

леса. Вокруг ни души. У дороги озеро — русалочья грусть. В нём отразятся облака — желтокрылые эльфийские селенья, где лететь бы сивым бесом.

Места нет.

Я опишу это по возвращении с прогулки, пока муж и тесть поработают-поструга́ют. Рассказ стоит того, чтобы спрятаться в душе, если так можно назвать пластиковую коробку с поддоном в маленькой дощатой комнате. Наспех сбитые стены не выдержат зимы, исцарапают руки, не нашедшие выключатель. Снаружи коридор с горстями плесени, горкой обуви на полу — не влезай, убьёт, не успеешь съехать. Внутри, за пластиковой дверцей, жестяная гортань, из которой течёт вода, щиплет глаза, если смывать косметику. Смывать лучше в другой комнате, через коридор. А пока спрячусь. Хорошо, что муж успел прикрутить гортань, да лейку, да полочку. Табуретку поставил — чтоб ты стягивала колготы, цветы нюхала. На табуретке можно сидеть и писать. На табуретку можно встать. Слушать клёкот по трубам. Представить, что танцую на дымной сцене. Внутри — ретро-диско. Отстукивает такт. Душевая склеена наскоро, без признаков окна, о деревьях снаружи можно только догадываться.

Что-то будет в этой сказке?

Я-то знаю.

Как произошло? Муж не смог сесть за руль. Написала бы «после очередной вечеринки», но сын заболел и вечеринки не было. Вечеринка ожидалась в доме на берегу, за самодельным столом, сбитым дедом-полковником, который самолично приехал, чтобы отвезти, после раннего клёва. Хотел пораньше открыть сезон — время удочек и речных прогулок, застолий на берегу озера в ведомстве рыбачьего кооператива.

Ехали молча. Тесть за рулём. Муж курил. Сын спал в детском кресле на заднем сиденье. Я спала. Подогнула ноги, чтобы пледа в ромбиках и зверях хватило и на меня. Свёрнутая куртка под голову. Уносились вдаль указатель «Вольніца», сломанные сосны, частокол из кустов и остатков забора. Казалось, русалки должны бы прятаться в таких местах, изводить смехом, подмигивать. Дорога петляла, пересчитывала ставни, огибала мосты, уворачивалась от желания стучать в чужие двери. Виражи будоражили, телепали, одаривали смешками русалочьими. Нашёптывали созвучия и обрывочные слова. Речная зелень и лень, горничная и горчица.

Смех на заднем сиденье.

Омут.

— Ты что, приснул?

* * *

Пристройку снесли. Стол стоит теперь на веранде, в которую превратилось крыльцо, сбитое из старых брёвен деревенской хаты, отведённой под клуб. Указатель по-прежнему встречает надписью «Вольніца», только краску через пять лет решено было обновить.

Я осталась жить в старом доме. Душ барахлит, из непрошпаклёванных щелей ветер. Телефона, конечно, нет. Коробка не выдержит зимы, но на моей стороне озера всегда лето. Иногда я вижу вас вечером. На покрытой плюшевыми подушками веранде она убирает со стола: салатик, блинчики, сыр. Никакого шашлыка, никаких бокалов. Муж подтянулся и похудел — «выправился», как сказали бы на службе. Два раза в неделю они ходят в спорзал и в СПА, пока муж не выстроит баню. Очень хочу съязвить, но я всё уже написала.

— Папа очень любит Аню!

Лохматый чертёнок решил меня позлить. Замолчал, потупился, лукаво блеснули бусины из-под копны: опять забыли постричь чёлку. Молчу. У чертёнка губы дрогнули. Сейчас или фотку порвёт, или повиснет на шее. — Ты ведь придёшь ещё?

Обязательно.

Running up that hill...

Выключу планшет, подыму фото.

Он спит в комнате через коридор от пластиковой коробки, отведённой когда-то под душ. Обязательно приду. Допишу свой лес, чтобы вернуться к тебе через поле.

Милуся Будаева

Цыганочка

Рассказ

С дигорского. Перевод автора

Днём было очень жарко, но к вечеру солнце спряталось за горами. Дул приятный тёплый ветерок. Днём деревья, цветы, трава поникли. Птицы спрятались от жары, а сейчас они пели свои вечерние песни, щебетали. Люди тоже вздохнули после дневного зноя.

Мадина шла с работы на остановку маршрутки, по дороге ещё заглянув в магазин. Обычно она ходит вместе с сотрудницами сюда, но сегодня была одна, шла, погрузившись в свои мысли. Она думала о родителях, братьях, сестре, племянниках... В последнее время родители часто болели, и Мадина переживала за них, старалась чаще ездить к ним в село. О себе тоже думала, — что замуж до сих пор не вышла, хотя возраст уже давно не девичий...

Мадина работает на телевидении. Да, работу свою любит, утром торопится на студию, а дома она одна... Мадина часто думает: если бы у меня хотя бы дочка была. Но так получилось, что замуж не вышла, дочки вот нет. Всё в руках Бога: как Он скажет, так и будет.

Мадина не дошла ещё до остановки, как её остановила маленькая цыганочка лет четырёх-пяти. Та протянула к ней свою маленькую ручку:

— Тётя, дай рубль, дай... — Она смотрела на Мадину жалким просящим взглядом, дотрагивалась до её платья и повторяла: — Дай, хорошая тётя, рубль...

Будаева Милуся Агубеевна — осетинская (дигорская) поэтесса, прозаик, переводчик. Родилась в 1952 г. в селе Толдзгун Ирафского района Северо-Осетинской АССР. Окончила Северо-Осетинское медицинское училище и филологический факультет СОГУ им.К.Л.Хетагурова. Автор трёх книг рассказов, книги стихов и книги сказок. Член СП России. Заслуженный работник культуры Республики Северная Осетия — Алания. Живёт во Владикавказе.

Мадина смотрела на девочку с улыбкой, та её чем-то привлекала к себе, притягивала... На цыганочке было летнее платьице, на ногах — сандалии, волосы заплетены в две косички, а лицо грязное. Девочка была очень красива, как бусинка. Мадина нагнулась к ней:

— Я дам тебе рубль, только скажи, как тебя зовут?

— Меня зовут Аза. — И опять протянула ручку: — А сейчас дай рубль.

Мадина вынула из сумки деньги, конфеты и дала девочке, погладив ту по головке. Она очень хотела обнять её, поднять на руки и прижать к себе. Какое-то сильное притяжение появилось у неё. Но Мадина постеснялась, на неё и так засматривались стоявшие на остановке люди. А Аза не отходила от Мадины, взяла её руку и, поглаживая, говорила:

— Тётя, ты хорошая тётя, очень хорошая!.. — Постояла ещё немного, а потом, что-то напевая себе под нос, побежала.

Мадина, улыбаясь, смотрела вслед. К тому времени и маршрутка подкатила. Всю дорогу Мадина думала о цыганочке Азе.

Она и ночью думала о ней, о цыганах, об их жизни: «Удивительна жизнь цыган — как вольный ветер в поле. То в одном месте останавливаются, там поживут какое-то время, то в другом... А наша жизнь связана с “так должно быть”. Мы должны утром рано вставать, приводить себя в порядок, не опаздывать на работу... Мы должны ходить и на свадьбы, и на похороны. Должны, должны... Мы живём, оглядываясь назад. Воли себе не даём, постоянно в каких-то рамках. Вот пожить бы немного без этих рамок, без этого “должен”... Ходить босиком... Ой, как хочется быть такой свободной!..» — глубоко вздохнула Мадина. С такими думами и заснула. И во сне видела цыган.

Интересный был сон. Мадина оказалась в цыганском таборе. На неё надели цыганское платье. Старшая в таборе сказала, что её приняли в цыганскую семью и она отныне будет жить там. Мадина спросила:

— А как моя работа, я же работаю?

Старшая цыганка ответила:

— Дорогая, ты уже цыганка. Ты будешь жить с нами, будешь с нами кочевать. Твоё цыганское имя — Рада. Мы тебя замуж выдадим, вот и жених твой. — Она подозвала красивого молодого цыгана, а потом обратилась к Мадине: — Вот Зурало, мы тебя выдадим за него замуж, будет у нас цыганская свадьба. А потом у тебя родится дочь.

Цыган Зурало подошёл к Мадине, взял её за руку, обнял и прижал к себе. На ухо шепнул: «Рада, ты мне очень нравишься, ты очень красивая! Я тебя буду любить, обнимать, целовать...» Мадина покраснела, но ей приятны были его слова. Она подумала: «Наконец-то я нашла своё счастье! И как это приятно, когда тебе признаются в любви, обнимают тебя. Как приятно быть любимой!»

Шпилт, клезморим!

Современная поэзия на идише

Исроэл Некрасов

Переводы Йоэля Матвеева

* * *

Урок в русской школе и детство.
Мой город забыл своё имя,
Теснились трамваи в соседстве
С просторами лавок пустыми.

Мой город исчез, но поныне
Им живы небесные своды.
Как кадры в советской картине,
Несутся часы или годы.

Пьяный самурай

Дворы и помойки, я снова блуждаю
Меж сотен парадных по уличной чаще.
Навряд ли я здесь от кого-то узнаю
Средь тысяч путей, где найти настоящий.

А город глядит как чужой и холодный:
Чего я ищу, что мой дух здесь обрящет?
Ищу, хоть устал от попытки бесплодной
Найти среди тысяч путей настоящий.

Исроэл Некрасов — поэт, переводчик и преподаватель. Родился в 1970 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Автор сборника стихов «Опгебрентештет» («Сгоревшие города»). Переводчик с идиша на русский произведений И.Башевиса-Зингера и других еврейских писателей XX века. Живёт в Санкт-Петербурге.

Они мне мешают, петляют как змеи,
То путы плетут, то в тупик меня тащат.
И плюнул бы я, но отвлечься не смею:
Ищу средь путей лишь один настоящий.

* * *

На улице грязно, дождливо, серо.
А я засыпаю на лавке в метро.
На мраморе всё же. Гитара звенит,
Поёт о войне офицер-инвалид,
Лишился ноги и устал от невзгод,
Хрипит его голос, проходит народ.
Спешат, слушать пение времени нет,
Но падают н*а* пол кружочки монет.

Йоэль Матвеев

Переводы автора

* * *

Может, кабы, что ли, за:
Вот из золота слеза,
Вот на озере баркас,
Вот не руны и не вязь,
Вот закат и вот костёр,
Вот на кочке мухомор,
Вот запущен песни шар,
Под землёй шумит базар:

Гном в горе считает сольдо,
Бьют лопатами кобольды,
Топором, как дровосек,
Вурдалак копает штрек,

Йоэль Матвеев — поэт, журналист, писатель-фантаст и переводчик. Родился в 1976 году в Ленинграде. Окончил американскую еврейскую религиозную академию «Беер Менахем». Пишет стихи по-русски и по-английски. В 2017 году вернулся в Санкт-Петербург, постоянный корреспондент газеты «Биробиджанер Штерн»; программист и главный редактор интернет-порталаYiddishCulture. Переводит и составляет книги, в том числе сборник современной поэзии на идише «Я возвращаюсь» (2025). Живёт в Санкт-Петербурге.

Чёрный эльф и тролль-приблуда
Вырубают чудо-руды:
Чёртов палец — фосфорит,
Адский жар, фонарь горит.

Всё, что зримо, суть лишь тени
В межпространственной ограде,
Не зачем, не для, не ради —
Ты застрял в чертовской смене
На углу межзвёздной дали
И стреляешь из рогатки,
Словом-пулей где-то жаля.
Снова мимо песни шар!
В небесах шумит базар,
Но туда тебя не звали.

* * *

Я оглянусь. Плацкарты нас мотали
В дешёвом холоде безбрежном,
А кроны с любопытством нежным
Тянулись к звёздным караванам и шептали,
О чём не спето:

Про Беларусь, там жил еврей когда-то где-то,
Про город, магазины, парк зелёный,
Про старый замок, озеро и клёны,
Чернели камни в отраженье света...

Под стук колёс мне шепчут зримо
И провода, и снег в сугробе,
Заводы, звёзды, краны, дроби
Столбов, столбов, а там руины.
Нет замка, озера, садов, всё мимо,
И ветра грусть сорвёт последний лист осины.

Катерина Кузнецова

Перевод Ольги Матвиенко

* * *

Эпоха-груз, эпоха-шок,
Усталость злая.
Тут даже воздух как ожог —
Стихи пылают.

И буквы сыплются вослед,
Искрясь багрово:
Бейс-алеф-гимл, игрек-зет —
И темень снова.

Не хочется их отпускать,
Поймав ладонью...
Но морок после них опять,
Ещё бездонней.

Вот рифмы-тени бытия,
Как крылья птицы.
Немеет мир. Рука моя
В огонь ложится.

Переводы Йоэля Матвеева

* * *

Шпилт, клезморим![1] Песня, крик.
Наша жизнь — всего лишь миг
И до смерти плясок круг —
Пей, ведь верен только звук.
Распахни в могилу дверь —
Умирать легко теперь,
А в раю свеча — звезда,
Так не бойтесь дня суда,
Ведь и там запляшет бал:
Вечный, шумный карнавал.

Катерина Кузнецова — поэтесса, преподаватель, культурный деятель. Родилась в 1989 году в Москве. Окончила филологический факультет Московского педагогического государственного университета. Преподает идиш, организует поэтические вечера и др. культурные мероприятия. Стихи публиковались в журналах и газетах, а также в антологии современной поэзии на идише «Я возвращаюсь» (Москва). Автор сборника стихов «Глозперл» («Бисер»). Живёт в Берлине.

[1] Играйте, музыканты! (*идиш*)

Голубка и смерть

Город, улочка, голубка...
Просто быль.
Стынут крохотные лапки —
Грязь да пыль.
Алый дым в головке тает —
Круговерть.
Вот как, милая, бывает:
Это смерть.
В крыльях, бедная голубка,
Сил уж нет.
Вместо сини светит жутко
Алый свет.
Крылья камнем опадают —
Тяжело.
Так конец твой наступает —
Как на зло.
Город, улочка, голубка —
Грусть да быль,
Смотрит мёртвыми глазами
Прямо в пыль.

Феликс Хаймович

Переводы Ольги Матвиенко

* * *

Я пожинаю то, что сею, —
До зёрнышка, сполна.
И всё равно душой немею
Навстречу тьме без дна.
Душа не рвётся в мир теней
От солнечных путей и дней.

Феликс Хаймович — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1948 году в Минске. Получил высшее медицинское образование, работал врачом. Пишет на белорусском и еврейском (идиш) языках. На белорусском вышли восемь поэтических сборников и книга документальной прозы о Минском гетто; на идише — издан сборник стихов. Переводит на белорусский язык с идиша, иврита, немецкого, русского, польского. На идиш перевёл стихи классика белорусской литературы Максима Богдановича. Живёт в Минске.

Ей сладок круг земной, покуда
Не отзовут с земли
И ноги смертною остудой
Пока не затекли...
Чтоб, Азриэль[1], тебе спалось!
Ещё твой сладок сон — авось.

* * *

Вон жаворонок в поднебесье завис,
Звенит золотой колоколец.
Как на водопой, облачка собрались —
Барашки небесных околиц.

Крылом бы взмахнуть, да и к птахе рвануть,
К отаре небесных овечек...
Увы, только в речку могу я нырнуть —
В овёс так стрекает кузнечик.

[1] Азриэль, или Азраэль — одно из имён ангела смерти в каббалистической традиции.

Наталья Шмидт

Принцип вереска

Рассказ

Обожаю запах бергамота. Он напоминает мне лаймовые конфетки, которые папа из-за границы привозил. Не знаю, откуда ему взяться посреди Парка Победы: здесь ни кофеен, ни ресторанов... Впрочем, это неважно. Важно другое: я иду в выставочный зал на Чернышевского, где среди работ современных художников — моя картина. Я, конечно, никакой ещё не художник, я только в восьмом классе учусь. Но мне ужасно нравится писать маслом.

И моя работа попала на настоящую выставку. Спасибо за это Гореславе Игоревне — преподавательнице по ИЗО. Вообще-то, она работы мои недолюбливает: то объёма ей не хватает, то тени не оттуда растут. У нас с ней как-то не сложилось взаимопонимание. К тому же она не умеет улыбаться и шуток не понимает совсем. Даже если ей сказать «вот сейчас будет шутка», она и бровью не поведёт. Довольно красивого, кстати, лица. Вот бы и мне такое. А то у меня бесконечно глупая улыбка во весь рот. Даже когда плакать хочется, я как дурочка улыбаюсь.

А тут Гореслава сама предложила мой «Вереск» на выставку передать. И я, конечно же, согласилась. И отнесла ей холст в прошлую пятницу.

Для меня эта картина особенная, что ли... Я писала её по принципам Дидье-Пуже, которые сама для себя сформулировала. Дидье-Пуже никакие принципы, разумеется, не выдумывал. Он вообще жил давным-давно и во Франции. Зато у нас дома целых две его репродукции. Папа их из Парижа привёз ещё до знакомства с мамой. Поэтому можно сказать, что я знаю Дидье-Пуже с рождения. Не лично, конечно, работы его, — ну, вы сами поняли...

Наталья Шмидт (*Мармелюк Наталья Викторовна*) родилась в 1988 году в городе Джамбуле (Республика Казахстан). Окончила Сибирский государственный университет геосистем и технологий. Печаталась в журналах «Костёр», «Вверх тормашками», «Пашня», в коллективных сборниках. Автор книги «Дорога к Щучьему озеру» (2025). Живёт в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 12.

Обе картины висят в папином кабинете. Я до сих пор люблю зайти тихонечко, когда папа работает, сесть на ворсистый ковёр в углу комнаты и смотреть. Я так долго-долго могу просидеть. И папа мне всегда разрешает.

На картинах пейзажи долины Крёз. На первой — бесконечное сиреневое плато, как будто в тумане. А на второй — река и вересковые пустоши, и можно даже разглядеть пастушку и маленькую отару овец. Невероятно красиво.

Когда мне было семь, я решила, что хочу там побывать. Но папа сказал, что это невозможно. По крайней мере, если у тебя под окнами не стоит машина времени: долину Крёз затопили ещё в прошлом веке, когда строили самую большую в Европе плотину. Три дня я прорыдала, а потом ещё три дня думала, как же изобрести эту машину времени. Но так как я ничего не умею изобретать, а рыдать мне порядком надоело, то я стала рисовать. Сначала карандашами. Потом гуашью. И уже третий год я пишу маслом. По принципам Дидье-Пуже.

Вот они, провозглашённые мной принципы:

первый — «Принцип безмятежности». Пиши так, чтобы внутри у смотрящего зарождалась безмятежность. Самое любимое мной в этом принципе, что если его соблюдаешь, то и у тебя, художника то есть, внутри воцаряется безмятежность;

второй — «Принцип цвета». Ни одного мрачного оттенка, забудь о Рембрандте. Вспомни о поздних импрессионистах. Кстати, о них: Клод Моне тоже бывал в долине Крёз и написал больше двадцати картин. Но они совершенно не похожи на картины Дидье-Пуже. Не хуже, нет. Просто другие;

и третий — мой самый любимый — «Принцип вереска». Это не о том, что нужно добавлять вереск на все холсты. А о том, что в творчестве каждого художника должна быть какая-то изюминка. Свой стиль, что ли... У Дидье-Пуже — это вересковые пустоши. У Моне, мне кажется, — водяные лилии. А у меня... Я пока не знаю, что у меня... но я же и не художник ещё.

Маслом, вообще-то, не просто рисовать. Но я упорная. После тонны испорченных холстов мне захотелось создать что-то в формате макро, как в фотоискусстве. Мазок за мазком, и я написала ветку вереска. Всего одну ветку. Крупно. Во весь холст. Я проработала каждый колокольчик. И каждый продолговатый листок. Не знаю, как мне это удалось, но картина выглядела невесомой. И мне казалось, что всё вышло именно по принципам Дидье-Пуже: безмятежность, ни одного тёмного оттенка и, может быть, макро — это и есть мой стиль... может, это как раз мой «принцип вереска»? Ведь получилось же!

И вот он, день выставки. Погода совершенно весенняя, несмотря на пятнадцатое января. В лужах качаются облака, на ветках щебечут синицы, а в воздухе... аромат бергамота. Откуда он взялся посреди парка? Этого я так и не поняла. Но, честное слово, пахло именно бергамотом.

На переходе меня догнал Вадик Кириллов. Он в моём доме живёт, в соседней парадной. В детстве мы играли вместе, а теперь только здороваемся. Я как-то пыталась с ним заговорить, но он всё время молчит. Вот и сейчас: кивнул и молча пошёл рядом. Удивительно, что он вообще со мной поравнялся, а не поплёлся сзади втихомолку.

В руках у него я увидела листовку «Художники Петербурга». Надо же.

— На выставку? — спросила я.

Он снова кивнул.

— Импрессионистов любишь?

— Да, — говорит. И дальше молчит.

Ну что с него взять. Он, правда, хорош собой, этот Вадик, у него правильные черты лица... И руки. Не знаю, зачем я вообще посмотрела на его руки, но они по-настоящему красивые. Такие руки можно рисовать.

— А кто из импрессионистов нравится больше? — последняя попытка завязать разговор.

— Моне.

И тишина... Моне... Моне — это, конечно, прекрасно, я и сама его люблю. Не так сильно, как Дидье-Пуже, но всё же. Только вот это Вадиково тихое «Моне» перечёркивает всю красоту его лица. И рук. *Моне*. И всё. Ну что я буду каждое слово из него тянуть... Ладно. Придётся признать, что нам не о чем разговаривать. Жаль только, что у него такие красивые руки.

— Чувствуешь запах бергамота? — Так и быть, пробую ещё разок. — Весь воздух, кажется, им пропитан...

— Да, — отвечает Кириллов.

«Да...» Интересно, просто так он это сказал или и правда чувствует?

Ладно, проехали.

Молча мы добрались до библиотеки и зашли в зал. Я стала искать свою картину и... почувствовала, как земля, а точнее, паркет уходит у меня из-под ног. Это была одновременно моя и не моя картина. Мой вереск, мои цвета и... *не мои* тени. Противные грязно-серые... по всему контуру. Было похоже, что на ветку забралась жирная медуза и развесила свои щупальца прямо на хрупкие колокольчики вереска. Нарушены все принципы Дидье-Пуже: принцип цвета, принцип безмятежности, и сильнее всего нарушен принцип вереска... Разве можно так... с чужой работой? Как же она могла! В голове застучало, ладони вспотели... принцип цвета, вереска, безмятежности, — я чувствую, что сейчас взорвусь.

— Алин, это точно ты рисовала? — спрашивает Вадик. *Очень много букв*. Вадик определённо сказал что-то длинное. Вот это да. Но я ничего не расслышала. В голове стучало: принцип цвета, вереска, безмятежности. Принцип цвета, вереска...

Лицо моё, видимо, было искажено, потому что Вадик неожиданно взял меня за руку и стал что-то говорить. Из всего многообразия слов, на которое Вадик, оказывается, был способен, мой мозг воспринял только «дыши». Но я не могла дышать. Я задыхалась. Я совсем задохнусь, если сейчас же всё ей не выскажу. Я вырвала ладонь из рук Вадика и даже не обратила внимания, красивыми они были в этот момент или нет, схватила с вешалки пальто и бросилась на улицу. Художка была за углом, и через пару минут я уже стояла в дверях кабинета Гореславы Игоревны.

Мне хотелось кричать, а потом рыдать и снова кричать, чтобы она поняла, что натворила... Но в классе было пусто. Перешагнув порог лаборантской, я увидела мольберт с картиной. Прекрасное бирюзовое небо. И подпись Гореславы внизу. Внутри меня что-то вспыхнуло, я выхватила из банки самую широкую кисть и выдавила на неё толстый слой терракотовой охры. И... я не смогла. Я разжала руку, кисточка прокатилась по моим джинсам и шмякнулась на пол. Показалось, что я опять задыхаюсь. И только оказавшись на улице, я разревелась. Как маленькая.

Не хотелось возвращаться на выставку и, бесцельно прослонявшись по парку почти час, я направилась к дому. У парадной стоял Вадик.

— Ну, наконец-то! — сказал он.

«Целых два слова за раз», — отметила я про себя.

— Что ты здесь?.. — мне перестало хватать слов — в руках у него была моя картина.

— Вот, принёс.

— Но как? Разрешили? — Вадик меня удивляет, ей-богу.

— Я не спрашивал, — сказал он.

Твёрдо так, уверенно сказал. Хм... не спрашивал.

— И что мне с ней делать? Отнести на помойку? — Я глупо заулыбалась — не реветь же сейчас.

— Исправить, — спокойно сказал Вадик. Так, будто знает, что говорит. — Мастихин и пинен, — добавил он и протянул мне шпатель и бутылку с разбавителем.

Слова пропали у меня окончательно.

— Я тысячу раз это делал, — сказал Вадик, глядя на моё удивлённое лицо. — Главное не спешить, чтобы не порвать холст.

Я посмотрела на его руки. Снова захотелось их нарисовать. Именно крупным планом. В формате макро. Может, «макро» и есть мой принцип вереска. Ничего не сказав, я качнула головой в сторону двери, и Вадик шагнул следом. «Всё-таки нам есть о чём поговорить, — подумала я, — и даже о чём помолчать».

Михаил Зенкевич

Башня Вавилона. Железный спрут. Казнь

Вступительная статья, подготовка и републикация текстов Сергея ЗЕНКЕВИЧА

Мятежный «Мих. З-ичъ»

*О литературном дебюте Михаила Зенкевича**

В 2026 году исполняется 120 лет с момента, когда строки М.А.Зенкевича впервые вышли из печати. Город его литературного крещения — Саратов.

Событие и его нюансы, предельно тесно связанные с происходившим в России в 1900-х годах, достойны изложения обстоятельного.

Со второго по тридцать первое мая[1] 1905 года Михаил сдавал выпускные экзамены в саратовской Первой мужской гимназии. Получив аттестат зрелости, уже в июне (если довериться последующей его поэзии) оказался в Одессе для подачи документов в Новороссийский университет.

А Одесса июня 1905-го — это, прежде всего, арена кровопролитного мятежа на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический». Ажиотаж с доставкой в город тела матроса Вакуленчука и его протестные похороны. Погромы и пожары в порту. Объявление в городе военного положения, ввод нескольких полков пехоты, артиллерии, казаков. Обстрел городских кварталов из орудий броненосца... Всё или почти всё гость южного города наблюдал воочию.

Нельзя сказать, что ошеломительные картины стали для юноши совершенным откровением. Ещё гимназистом он себе позволял поведение рискованное: знался с молодыми смутьянами во главе со «Стёпкой» Балмашёвым, почитывал и раздавал другим подстрекающие к неповиновению брошюры, а после гибели последнего — примкнул к тайному кружку и участвовал (стихами ли — любопытство безответное) в подпольном ученическом журнале «Проблески»[2].

---

*Первая публикация стихотворения Михаила Зенкевича «Башня Вавилона» (журнал «Жизнь и школа», Саратов, 1906, № 1).

[1] Даты до января 1918 года приводятся в статье по старому стилю.

[2] <*Гусакова З. Е.*> Братья Зенкевичи // Гусакова З.Е. Заметки архивиста. Продолжение. Саратов, 2018. С. 46.

Гимназическая администрация не уставала протоколировать провинности: «...замечен в опаздывании к молитве и несоблюдении формы (не имеет пряжки)»; «...встречен был на Театральной площади в пальто, из-под которого был виден ворот красной рубашки»); и взыскания: «арест на 1 час»; «карцер на 2 часа»[1].

В декабре 1902 года шестиклассник привлёк внимание даже Саратовского губернского жандармского управления, следствием чего стало секретное указание провести обыск по месту его жительства и установить за ним наблюдение, дабы «выяснить круг знакомства и сношения». Шпики вели слежку в течение месяца, затем она была снята за отсутствием ощутимых результатов[2].

Почему-то хочется заключить, что как раз на рубеже 1905—1906-го Михаил взялся сочинять нечто, выламывающееся из рамки ожидаемых подростковых излияний. Донельзя переполненное окружающей непредсказуемостью и яростью сознание безоглядно взрослело, требуя отозваться, отразить изнутри бьющее извне...

Несолоно хлебавши, или неполно учивши, из взбаламученной Одессы, где удержался только на один семестр, Михаил вернулся в Саратов, откуда готовился ехать надолго в Германию — продолжать занятия куда более спокойно.

В небольшой просвет междуучёбья намерение напечататься окрепло. По совпадению, тогда же, в начале 1906 года, в Саратове создавался журнал, где рекомендованные кем-то пылкие вирши пришлись ко двору.

Инициатором «Жизни и школы», одного из сотен не виданных прежде в стране изданий, появившихся благодаря Октябрьскому императорскому манифесту 1905-го, стал Аполлон Романович Моррисон, во всех номерах значащийся редактором-издателем. Предприятие было безусловно частным, задуманным как самоокупающееся; расходы, вероятно, Моррисон нёс лично. Редакция приютилась на Соборной улице, в доходном доме (номер 41), принадлежавшем семье купца Лисенко[3]. Для печатания тиража (полагаем, прескромного) выбрана была передовая-прогрессивная «электро-типография» Ф.Х.Лайвенда. Страницы еженедельника выглядят полиграфически опрятно и приятно.

Две премьеры — новорождённого журнала и юного поэта — символично совпали. Более того, его «Башней Вавилона» первый номер и открывался.

Забегая вперёд, отметим, что календарный график недолгого бытия журнала смотрится сумбурно: № 1 — 22 марта (четверг), № 2 — 29 марта (четверг), № 3 — 14 апреля (суббота), № 4 — 18 апреля (среда).

---

[1] <*Гусакова З. Е.*> Братья Зенкевичи // Гусакова З.Е. Заметки архивиста. Продолжение. Саратов, 2018. С. 43.

[2] Подробнее см.: Государственный архив Саратовской области, фонд 57, опись 1, единица хранения (дело) 32 («Дело Саратовского розыскного отделения. Об ученике VI класса 1-й Саратовской гимназии Михаиле Александрове <sic> Зенкевиче»).

[3] Современный адрес: Московская улица, дом 62, литера А; недавно признан объектом культурного наследия (указано нам краеведом Ольгой Александровной Брынзой).

Журнал получился и, очевидно, задумывался статеечным, дискуссионно-злободневным (если выразиться нейтрально) и фрондёрско-провокативным (если напрямик). Кредо отчеканено отважно: симпатии к РСДРП, глумление над основами государства. Логично, что подавляющее большинство участников предпочло действовать анонимно либо псевдонимно. По статистике, псевдонимы составили 60 % («А.М-он» зыбкая маска редактора, «Артём», «Чужбинин», «Н.К.», «Чёрный», «Рахметов», «Изгнанник» и т. д.), анонимные тексты — 25 %, равные или подобные реальным имена — 15 % (К.Кох[1], Вл.Аркадьев, М.Премиров[2], А.Михайлович, Георгиев).

Пилотный номер в целом характеризует реплика на задней странице: «Торопясь с выпуском № 1, редакция не имела возможности уделить должное внимание школьному вопросу. Пробел этот в следующих номерах будет пополнен. Редакция с благодарностью принимает всякий материал, имеющий отношение к ученической жизни». Однако налицо лукавство: аспекты «ученической жизни» так и остались в небрежении. Умами авторской труппы владели совсем иные намерения и перспективы.

В третьем номере находим пассаж: «Недостаточность парламентаризма (ответственный кабинет министров). Особая необходимость монархии в странах, только что вышедших из-под гнёта абсолютизма. Пруссия <18>48-го года. Россия после конституции 17-го октября 1905 г.». А в номере четвёртом — сообщение на голубом глазу: «**Опечатка**. В № 3, на стр<анице> 16, столб<це> 2-м грубая опечатка; 5-ую стр<оку> снизу надо читать так: *особая необходимость свержения монархии...*»

Выхваченное наудачу отовсюду не менее красноречиво: «...правительство расстреливает, арестовывает и ссылает на каторгу самых лучших наших товарищей...», «Гос<ударственная> Дума — это новые Потёмкинские деревни, за которыми по-прежнему будет расстреливать людей Пётр Николаевич Дурново...», «На Петербургском механическом заводе, ещё до выборов в Думу, рабочие устроили чучело, прикололи ему на грудь плакат с надписью «Кандидат в Государственную Думу» и торжественно прокатили на тачке по всем мастерским», «Живым необходимым идеалом стал социализм».

Фразы-пощёчины вводят в среду, сквозь которую новоявленный талант продвигался к публичности и в которой уверенно ощущал себя своим.

Литературный уголок изобилием не блистал: несколько рассказиков мелодраматического уклона, кусок ритмизованной прозы, рассуждения о пьесах

---

[1] Автор обширного очерка «“Конституционная” Россия и Государственная Дума» в первом номере; напрашивается непосредственная связь между ним и соучеником Михаила по гимназии, соучастником нелегальных «Проблесков» Константином Кохом, упомянутым в полицейском донесении по итогам надзора за Зенкевичем зимой 1902—1903 годов (см. сноску 4).

[2] Прозаик Михаил Львович Премиров (родился в 1878-м, репрессирован в 1935-м).

Чирикова и Горького, обзор пары выпусков сборника товарищества «Знание». Стихотворцев набралось два — «Эн-ка» (тот же «Н.К.»?) и «Мих. З-ичъ» (естественно, с концевым твёрдым знаком).

Вылущив фамилию, Михаил выдержал доминирующий стиль: стихи-то тоже не «про птичек и цветочки». Не удивимся, если дело удерживалось в секрете от молвы и от родителей.

Вторая часть окказионима впредь ни разу поэту не послужила, зато редуцированное «Мих.» обернулось пожизненной визиткой, особенно в ближайшие к Октябрьской революции годы и особенно в саратовской прессе.

К «Башне Вавилона» в номере 1 добавился «Железный спрут», спрятанный поглубже, в рубрику «Фельетон». Они не только опережают третье стихотворение хронологически, но и более угловаты средствами и духом выражения. Марксистская риторика, усугубляемая непочтением к Библии. «Мани... Факел... Фарес...» — отсыл к преданию о грозном видении на пиру многогрешного вавилонского владыки Валтасара: с дворцовой стены вдруг вспыхнули огнём слова «Мене, текел, фарес» («Сосчитано, взвешено, разделено»), — но через голову Аполлона Майкова, чьи стихи звучат иначе: «Иль не зришь, в киченьи многом, над своим уж ты порогом слов: мани — факел — фарес!..»

В «Казни» — последней вспышке Зенкевича на небосклоне журнала «Жизнь и школа» (та же рубрика «Фельетон» в номере 3) — рывок к балладности по свежайшему следу современности, экспрессионистские мазки, кинематографическая раскадровка. Репортаж, но — визионерский. Ещё малость раскованности, техники — и сноровистый поэт готов.

Тот, чьим реквиемом была «Казнь», тоже находился в летней Одессе, но до поры до времени остался в стороне от нерва происходившего на юге империи. Пётр Шмидт — изгнанный со службы офицер-моряк, втянувшийся в ряд бендеровско-мюнхгаузеновских похождений с политическим оттенком. В ноябре 1905 года он «оседлал» очередной, ещё быстрее провалившийся бунт — на крейсере «Очаков» близ Севастополя. Попытался присвоить полномочия командующего Черноморским флотом. Был арестован и судим.

Шмидт и трое «очаковцев» казнены 6 марта на островке Березань (одним предложением «Жизнь и школа» известила об этом в первом номере). Журнал с «Казнью» датирован 14 апреля. Это аргумент для обоснованной датировки стихотворения периодом в пять недель («Башня Вавилона» и «Железный спрут» вполне могли быть написаны ранее 1906-го).

«Спокойный и властный» «он» — это, конечно же, героический, по убеждению юнца, лейтенант. А «старый холоп» — командующий (не мнимый) флотом, вице-адмирал Григорий Чухнин, который почти параллельно утвердил каторжные приговоры «потёмкинцам» (вскоре, спустя менее чем четыре месяца, в свою очередь, застрелен в Севастополе мстителем не без касательства Бориса Савинкова).

В публикации «Казни» нельзя не заметить замену многоточием рифмуемого односложного слова в восьмой строчке. Венчает обличительную тираду рифма прозрачная и взрывоопасная: «царь»! Кто-то бесхитростно решил «утаить в мешке шило» — то ли юный автор, то ли его более-менее благоразумный куратор.

Если взглянуть на стартовый номер с позиции тогдашнего цензора, то придраться можно было ко многому, прежде всего — к строкам про красное знамя и конспиративно закавыченную башню Вавилона, выставленным авангардом на первой полосе.

Уже во втором номере без признаков паники извещалось об аресте тиража номера 1: «**От редакции**. Вследствие конфискации, № 1 «Жизнь и Школа» не мог быть доставлен иногородним подписчикам». О конфискации журнала, где он в первый раз напечатался, Михаил Александрович впоследствии оговаривался письменно, с намёком, что его лепта в инцидент была весома. И прибавлял, что и про давние опусы, и про «Жизнь и школу» было ретроспективное упоминание в 1923 году в газете «Свердловия» при Коммунистическом университете имени Якова Свердлова в Москве: оказией наверняка стало перезахоронение в ноябре того года в Севастополе останков Шмидта (увы, доискаться того текста нам пока не удалось).

Тем не менее третий номер с ещё более вызывающей «Казнью» и другими замахами на трон и министров конфискации избежал.

Доказательство же изъятия номера 1 — казённая надпись синим карандашом вверху первой страницы библиотечного экземпляра: «Конфискованъ». Конфискован, но, по счастью, не утилизирован. Полный комплект обязательных экземпляров журнала (включая несущий на себе карандашную помету) и до, и после 1917 года благополучно сохранялся в Москве в фондах Публичной библиотеки при Румянцевском музее (круглый штампик проставлен на каждой титульной странице), а позже в фондах её преемниц — ГБИЛ и РГБ.

Атака на пилотный номер не охладила пыл издания и не обескуражила Моррисона, чьи планы оставались наполеоновскими. Подписка на журнал оптимистично объявлялась в каждом номере. Три номера имели по шестнадцать страниц. Четвёртый был восьмистраничным (оскудели то ли запасы текстов, то ли бюджет). Однако и в номере 4 (завершающем номинально, но не де-юре) — стандартный призыв к подписке: по 40 копеек за месяц. Там же (на седьмой странице) — анонс рецензии на брошюру «О социал-демократах и социал-революционерах» «в след<ующем> №».

Решающий повод внезапной «кончины» издания неизвестен. Скорее всего, это именно нехватка средств. И вдобавок нервозность, с которой Моррисону приходилось в авральном режиме подготавливать журнал, снискавший репутацию одиозную с точки зрения властей и отпугивавшую потенциальный актив.

О прямом запрете издания как такового информация отсутствует. Повторим: применение репрессивной санкции документально подтверждается в отношении только первого номера.

Что до «Мих. З-ича», то не исключено, что в портфеле редакции оставались другие стихи, потерянные для потомства. Но он сам в апреле 1906-го находился уже вдали от Саратова — отбыл в Германию, где провёл на учёбе два с лишним года.

А.Р.Моррисон же Саратов не покинул и не угомонился: в начале 1907-го затеял газету «Заря» — уже не узкопрофильную, а «политическую, общественную и литературную». Протянула недолго и она — ещё меньше, чем журнал. О дальнейшей деятельности Моррисона мы не осведомлены, но их с Зенкевичем пути, очевидно, никогда больше не пересекались.

Примерно в первой половине 1910-х (недатированная, в старой орфографии рукопись уточнить не позволяет, хотя пищу для богатых догадок даёт) Зенкевич созрел, чтобы помянуть стихами и одесский 1905-й:

Потёмкин

А.Н.

Всё было так суетно, буднично так,
И чёрные с красной вдоль борта полоской
Осипшие выли суда, из клоак
Потоки спуская... Вдруг пламенный флаг
Взвился над обрызганной кровью матроской.
И шумно из города к гавани низкой
Стекала по скатам толпа на поклон,
И потный тисками сжимался заслон
У трупа с приколотой грязной запиской.
И бронзовым взором на город взирала,
Как будто полётами бомб смущена,
Со стражей любимцев вокруг пьедестала,
Со скипетром в царской порфире жена.
И, реи, как знаки незримых погостов,
На небе вечернем высоко подняв,
За рейдом под золотом тухнущих лав
Вздымал броненосец чудовищный остов.

Именно затерявшийся «Потёмкин», извлечённый на свет в 2003 году, сигнализирует о присутствии автора на прибрежных мостовых. Здесь — набитая рука, намётанный глаз (сочувствующий даже многострадальному памятнику Екатерине Великой) и самая трезвая оценка революционной драмы вкупе с фаталистической отстранённостью.

Ещё позже, в 1925-м, годовщинно, оптикой строф Зенкевич сблизил сразу две знаковые персоны морской протореволюции, чья жертвенность, по интонации «Матроса с “Потёмкина”», проступает уже спорно-размытой:

Гулко об остров Березань
Штормами Чёрное море шумит.
Лунная плещется бирюза —
Где лейтенант Шмидт?

И севастопольской белой стене
В зное пригрезилось, как умирал,
В саване тенью метнувшись по ней,
Матюшенко — красный адмирал.

От начальных стихов поэт не отрекался. Но чаще — в литературных беседах с кем-либо или по иному случаю — называл пробой именно «Казнь»[1], не удостаивая памяти её предшественников. При этом само произведение не перепечатывал: явно останавливало как художественное, так и грамматическое несовершенство.

Через много лет после кончины Зенкевича «Казнь» была включена нами в однотомник «Сказочная эра». Весь триптих републикуется лишь сейчас.

Михаил Зенкевич

Башня Вавилона

Не грусти! К чему туманные желанья,
То холодная, то жгучая тоска?
Пусть тоскуют звёзды: Хаос мирозданья
И пустая Вечность им одним близка.
Надо быть железом раскалённым белым,
А не мягким лунным серебром,
Чтоб в бою последнем молодым и смелым
Гордо стать пред наглым и слепым врагом.
Помнишь, в старой книге, сумрачной и страшной,
Смелые безумцы к солнцу, к облакам
Стали строить башню... И гранитной башней
Угрожать хотели каменным богам.
Но она упала... И дворцы столицы
Из её обломков гордо поднялись...
Медное бряцанье, дикий смех блудницы,
Кровь, железо, стон в один поток слились.

[1] Так, например, значится в статье о Зенкевиче в авторитетном «био-библиографическом словаре» «Писатели современной эпохи» (1928) под редакцией Б.П.Козьмина; справочник основан на информации, сообщённой самими литераторами.

Но мечта осталась. Серые каменья
Обросли зелёным вечным мхом...
И на смену им другие поколенья
Ту же башню строят в сумраке ночном.
То идёт на бой железными рядами
Смело и сурово армия труда,
И горят знамёна красными огнями,
И луна сияет бледным диском льда.
То рабы идут... Владыки же пируют.
Чёрной сталью блещет свод небес,
Но не видно им, как молнии рисуют
Огненной рукой: «Мани... Факел... Фарес...»
И вино их — кровь, а смех — хрипенье стона.
Прочь с развратных оргий! Ярок молний свет!
К огненному солнцу «башню Вавилона»
Строим мы под Красным Знаменем побед!

Железный спрут

Всемогущий Тиран-Капитал,
Как железный, извилистый спрут,
Чёрной цепью весь мир оковал...
Его щупальца грозно растут.
Ожиревший от крови, от диких побед,
Он лениво и тупо лежит,
И вкруг солнца, как сумрачный бред,
Шар земной танец вечный кружит.
И сжимаются щупальца в искрах лучей,
Серебрясь кожей липкой, стальной, —
Точно дремлют под тихой луной
Сотни жирных сцепившихся змей.
И светила играют огнём золотым,
И несутся кометы в огне,
И глядит взглядом мутным тупым
Спрут холодный во сне.
И кружится испуганный[9] шар,
Точно ждёт он от диких комет,
Что зажжёт на нём красный пожар
Их свободный и огненный свет.

[1] Наличие опечатки в тексте первоисточника — «нспуганный» — допускает альтернативу эпитета: «напуганный». — *Публикатор*.

Казнь

Их вывели тихо под стук барабана,
За час до рассвета, пред радужным днём —
И звёзды среди голубого тумана
Горели холодным огнём.
Мелькнули над тёмной водой альбатросы,
Светился на мачте зелёный фонарь...
И мрачно и тихо стояли матросы —
Расстрелом за алое знамя мстит царь.
.....
Стоял он такой же спокойный и властный,
Как там средь неравной борьбы,
Когда задымился горящий и красный
«Очаков» под грохот пальбы.
Все взглядом округленным странно, упрямо
Зачем-то смотрели вперёд:
Им чудилась страшная, тёмная яма...
Команда... Построенный взвод...
А вот Березань, точно карлик горбатый, —
Сухая трава и пески...
Шеренгою серой застыли солдаты...
Гроба из досок у могилы, мешки...
На море свободном, на море студёном,
Здесь казнь приготовил им старый холоп,
И в траурной рясе с крестом золочёным
Подходит услужливый поп...
Поставили... Саван надели холщовый...
— Он гордо отбросил мешок...
Взгляд грустный, спокойно-суровый
Задумчив и странно глубок.
.....
Всё кончено было, когда позолота
Блеснула на небе парчой огневой,
И с пеньем и гиканьем рота
Прошлась по могиле сырой.
.....
Напрасно!.. Не скроете глиной
И серым, сыпучим песком
Борьбы их свободной, орлиной
И бледные трупы с кровавым пятном.

Максим Гуреев

Хождение за три горизонта

Маленьким карандашом

Ехали из местности Цонжин-Болдоге в Улан-Батор.

Километров пятьдесят, не более, а кажется, что всю Монголию преодолели, потому как время тут движется вместе с пространством, которое на самом деле стоит, да и существует в своем измерении, будучи неподвластным хронометру.

Чем-то эта поездка напомнила хождение не за три моря, а за три горизонта, потому как сначала линия, в которую упиралось шоссе, была безупречно прямой, потом появились голые каменистые уступы со своей хаотической геометрией, и, наконец, окружило нас угрюмое редколесье без конца и края, заглянуть за него не было никакой возможности.

Здесь ещё многое решает свет.

Особенно когда сквозь прогалины в несущихся по небу облаках вдруг пробиваются солнечные лучи и начинают чертить на бесконечной равнине какие-то замысловатые фигуры, что хоть и повторяют извивы рельефа, но всё равно создают собственную реальность, сообразуясь исключительно с законами оптики. И оказывается, что неподвижная степь может раскачиваться, как поверхность океана, а бредущие по этой поверхности табуны коренастых монгольских лошадок напоминают водоплавающих птиц, что повторяют линию волны, соблюдая степенную неподвижность до первых признаков опасности.

Замирают, посматривают тревожно друга на друга, прядут ушами в недоумении.

Гуреев Максим Александрович — прозаик, режиссёр документального кино. Родился в Москве в 1966 году. Печатался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Вопросы литературы» и др. Автор множества книг, в том числе «Сергей Довлатов. Остановка на местности» (2020), «Фаина Раневская. История, рассказанная в антракте» (2022), «Чудесный отец» (2022), «Андрей Битов» (Серия ЖЗЛ, 2023), «Даниил Хармс. Застрявший в небесах» (2023), «Даур Зантария. Книга, найденная в Сухуме» (Серия ЖЗЛ, 2026). Дважды лауреат премии «ДН». Наш постоянный автор. Живёт в Москве.

Да, вспышки солнца недолговечны, потому что вечный в этих краях ветер несёт облака наудалую, рвёт их или, напротив, собирает в бесформенные груды, сквозь которые прорваться мерцающим сполохам уже невозможно.

Становится пасмурно и холодно.

Особенно это ощущаешь, когда дорога, перевалив горную гряду, второй горизонт то есть, проваливается в чащобу, где из-за каждого дерева за тобой наблюдают чьи-то глаза — волка, горностая, лисицы ли.

— В последнее время их тут много развелось, — говорит водитель Федя.

Он русский, но родился в Улан-Баторе. Его прадед — из Читинских староверов, что после революции ушёл с семьёй в Монголию. Тогда сюда много русских перебралось, спасаясь от Советов. Однако в 41-м году добровольно призвался в Красную Армию, чтобы бить фашистов (Монголия была единственным иностранным государством, где открылись призывные пункты РККА), прошёл всю войну, вернулся и принимал участие в строительстве советского Улан-Батора — Города Красного Героя.

По-русски наш водитель говорит с неожиданным акцентом — на этакой диковинной смеси звуков южнорусских говоров и азиатской распевности.

Рассказал, что несколько лет назад думал перебраться в Иркутск, но, пожив там пару месяцев, понял, что всё там чужое, а главное, люди какие-то другие, строгие и холодные, что ли, то ли дело в Монголии — все добрые и все его — русского — любят.

— Это у них ещё с Халкин-Гола пошло, когда товарищ Жуков спас монголов от японских милитаристов. — Помолчал и добавил: — А в Иркутске что? Там и так все русские, им бы друг друга полюбить, а я для них чужой.

За окном машины — снова степь, пересечённая бурлящими потоками, они несутся с горного массива, замыкающего огромную котловину.

Казалось бы, скоро Улан-Батор, не за горами, как говорится, но за грядой следует новая гряда, новый горизонт в виде змееподобной линии, которая по мере приближения удаляется.

— Городов здесь почти нет, — сообщает Федя, — они ведь кочующий народ. У них даже есть закон, согласно которому каждый монгол имеет право поставить юрту на своей земле там, где захочет, и жить в ней. Даже в Улан-Баторе есть район в центре, где люди живут в юртах, топятся углем, держат лошадей и верблюдов. Мне отец рассказывал, а ему его дед, что когда строили столицу советской Монголии, то сами монголы были не то чтобы против, но не понимали, зачем им эти многоэтажные дома, эти улицы и площади. Ведь для них постоянное место жительства — это как потеря свободы кочевать под небом, которое одно на всех. Строем ходить — это не для них...

Справа от шоссе выстроились юрты, людей не видно, но они там есть, просто неразличимы на этом огромном пространстве, где отсутствует время.

«А ведь это и есть Великая степь, которую воспел Лев Гумилёв», — думается, и от этой мысли невольно наполняешься значимостью, что сейчас, мол, едешь теми же путями, что и отец всех монголов Чингис хаан, он же Тэмуджин, восемь столетий назад.

Сопки тем временем уступают место скальным отрогам.

— Вот эта гора Лягушка называется, — Федя указывает на эпическое нагромождение валунов, будто бы сложенных человеком, — хотя и на черепаху тоже похоже. Монголы, они вообще к животным как-то по-особенному относятся, по-родственному, что ли. Разговаривают с ними, берегут и жалеют, как лучших друзей.

Последним горизонтом в этой поездке, сбился со счёта, честно говоря, стала линия огней Улан-Батора.

Небо быстро темнело, наполняясь сиянием «звёздной семьи» — «одны ордон» по-монгольски, — а стоявшие вдоль дороги верблюды с любопытством посматривали на фары проносящихся мимо автомобилей.

«Быстрые всадники, однако, за такими не угонишься, куда уж нам...» — думали они.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МОНГОЛИЯ

Мадина Хакуашева

Родной язык и идентичность

Исторически сложившаяся в советское время модель двуязычия в Кабардино-Балкарии базировалась на органичном сочетании русского языка с титульными — кабардинским и балкарским. Этот тип билингвизма стал фундаментом для формирования социокультурной идентичности жителей республики. При этом двуязычие выступает не только как инструмент коммуникации, но и как зеркало лингвопсихологических установок носителей, которые, в свою очередь, трансформируются под воздействием языковой среды.

Двуязычие в современном мире выступает как одна из ключевых форм адаптации к иной, часто родственной, языковой среде. Поскольку язык неразрывно связан с национальной культурой, в условиях глобализации билингвизм и бикультурализм становятся повсеместным явлением. Они встречаются на всех уровнях социального и этнического развития, неизбежно возникая на границах контактов различных этносов и языков.

Важно рассматривать билигвизм в более широком контексте общего культурализма. Этот феномен формируется в процессе этнической ассимиляции, взаимного влияния и трансформации нескольких соседних культур — так называемой аккультурации, консолидации и тесного переплетения с внеязыковыми формами культурного взаимодействия. Глобальная практика доказывает устойчивую тенденцию полилингвизма в мировом масштабе. Однако всё еще «широкий, охватывающий более двух языков и культур полилингвизм и поликультурализм — явление редкое, присущее чаще всего обществам мозаичного этнического состава»[1].

Известный русскоязычный писатель, доктор филологических наук из Северной Осетии Ирлан Хугаев подчеркивает, что «явление двуязычия или многоязычия как результат языковых контактов, языкового взаимодействия,

---

Хакуашева Мадина Андреевна — прозаик, доктор филологических наук, родилась в 1959 году в Нальчике (Кабардино-Балкарская АССР). Автор романов «Возвращение домой», «Кабардинская усадьба», «Диса» и многих повестей и рассказов. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Вопросы литературы» и других. Живёт в Нальчике.

[1] *Арутюнов С.А.* «Силуэты этничности на цивилизационном фоне». — М., 2012. С. 203

языковой интерференции и конвергенции неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи; но на современном этапе истории оно становится важнейшим геополитическим, социальным и культурным обстоятельством и актуальнейшей научной проблемой»[1].

Билингвизм явление не случайное — это закономерное следствие глубокой международной интеграции и многонационального устройства обществ. Наиболее ярко он проявляется в таких государствах, как США, Индия, Швейцария и Россия, где исторически сформировались две ключевые научные парадигмы: теория языковых контактов, раскрывающая внутрилингвистические механизмы взаимодействия систем, и теория билингвизма (включая полилингвизм), анализирующая функциональную специфику использования нескольких языков.

С коммуникативно-функциональной точки зрения владение вторым языком нельзя оценивать как бинарную категорию «умеет/не умеет». Современная лингвистика выделяет три градации этого навыка, каждая из которых требует разного уровня когнитивной нагрузки. Первый уровень — рецептивный — подразумевает пассивное понимание речевых практик на втором языке. Человек способен декодировать смысл, но не готов к активному диалогу. Второй уровень — репродуктивный. Здесь добавляется способность воспроизводить услышанное или прочитанное. Это уже не просто распознавание, а попытка копирования языковых структур, что требует более высокой языковой компетенции. Третий, высший уровень — продуктивный. Он характеризуется свободным конструированием осмысленных высказываний. В этом случае говорящий не просто копирует чужие фразы, а генерирует новые, адаптируя их под контекст, что свидетельствует о полной интериоризации языковой системы[2].

Языковая ситуация в Кабардино-Балкарии представляет собой сложный, многослойный феномен, который профессиональные лингвисты определяют как глубоко неоднородный.

Постсоветский этап развития кабардинского и балкарского языков характеризуется активным освоением новых семантических пространств. Возникает острая потребность в использовании внутренних резервов языка для обозначения актуальных понятий и явлений современной жизни, что свидетельствует об их динамичном развитии. Важно отметить, что генезис любой национальной литературы неразрывно связан с вопросами происхождения и специфики билингвизма. В случае Кабардино-Балкарии этот процесс проходит через призму транслингвизма — сложного взаимодействия языковых систем, которое формирует уникальную культурно-языковую идентичность региона, отличную от простого сосуществования разных языков.

---

[1] *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. — Владикавказ, 2008. С 28.

[2] *Шомахова Т.М., Пхитиков Х.М.* «Хатты в древних языках и культурах». — М., 2015. 475 с.

Несмотря на то, что закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» юридически зафиксировал статус трех государственных языков: кабардинского, балкарского и русского, — их реальное функционирование в республике значительно разнится. В этой триаде русский язык выступает безусловным лидером по широте использования. Его доминирование обусловлено исторически сложившейся ролью языка межнационального общения, что делает его важнейшим инструментом интеграции и консолидации многонационального общества. Однако эта лингвистическая иерархия не мешает процессу возрождения национального самосознания, который стимулирует растущий интерес к родному слову. Это обусловлено значительным углублением знаний в отношении родных языков и культур, следовательно, закономерным повышением коллективной рефлексии и саморефлексии. В частности, получили международное признание труды ученых-филологов: доктора филологических наук, профессора кафедры романских языков КБГУ Т.М.Шомаховой, преподавателя КБГУ Х.М.Пхитикова, которые на обширном материале археологических, лингвистических и культурологических источников доказали глубокие исторические связи древних цивилизаций Малой Азии с кавказским регионом. С помощью восточно-черкесского диалекта (кабардинского языка) и других абхазо-черкесских диалектов им удалось исследовать, сопоставить и прочесть не менее пяти древних языков.

В 2023 году вышла монография М.А.Уметова и М.Л.Карданова «Бзэ. Языковой код Вселенной». Авторы исследуют этимологию диалектов черкесского языка, используя многовекторный сравнительно-исторический метод в рамках концепции бзэ как одного из праязыков.

В 2021 году вышел «Большой русско-кабардино-черкесский словарь», его подготовили ученые Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (главный редактор Б.Ч.Бижоев). В словарь вошло более 75 тысяч слов, словосочетаний и фразеологизмов[1].

В рамках Международного десятилетия языков коренных народов (2022—2032) введен глобальный план действий по поддержке, цифровизации и сохранению малых и исчезающих языков. Россия активно поддержала эту инициативу на государственном уровне: Правительство РФ утвердило собственный национальный план основных мероприятий по проведению Международного десятилетия в РФ. Так, в 2025 году появились полноценные онлайн-переводчики на базе нейросетей. Они включают контенты на всех диалектах черкесского, карачаевского и балкарского языков.

На базе Кабардино-Балкарского государственного университета учеными был разработан и издан масштабный «Словообразовательный атлас кабардино-черкесского языка», направленный на сохранение его внутренней структуры и диалектов.

---

[1] Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Принт Центр. 2021. 794 с. (ред. Бижоева Б.Ч.).

Александр Чанцев

Культура тепла и смертного хлада

> Рав сказал: «Все сроки прошли, и теперь всё зависит от покаяния и добрых дел».
> А Шмуэль сказал: «Кто пребывает в скорби, тому довольно его скорби».
>
> *«Санхедрин»*

> Оптимизм вообще — несложное и небогатое миросозерцание, обыкновенно исключающее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с трагическим миросозерцанием, которое одно способно дать ключ к понимаю сложности мира.
>
> *Александр Блок. «Крушение гуманизма»*[1]

Если термин «пессимистическая философия» уже существует, то можно было бы, кажется, добавить и отрицательную, негативную философию. Она очевидным образом имеет дело с осмыслением конечности, обреченности и, главное, той тотальной безнадежности нашего существования, что делает его продолжение бессмысленным. Оперируя такой крайней проблематикой, мыслители — о направлениях тут говорить невозможно, слишком они индивидуальны — приходят к самым разным крайним выводам. От приговора человечеству до поиска смысла за пределами смысла.

Это, если предложить ещё термин, философия не только негации, но и сопротивления. Задавание последних вопросов и вынесение вердиктов предполагают жесткие ответы и выводы.

В первой части нашей рубрики на эту тему: Теодор Лессинг с философией жизни, «Метафоры смерти» Томаса Махо и группировка представителей радикальной норвежской экофилософии.

Часть 1

Философия тёплой лошади против разрушителей рая

Теодор ЛЕССИНГ. Проклятая культура / Пер. с нем. И.Мажаева, А.Ноготкова; под общей редакцией А.Цыганковой, А.Михайловского. — М.: Silene Noctiflora, 2026. 168 с.

Нишевое, как сейчас модно говорить, издательство «Ночецвет» продолжает знакомить с теми неоднозначными, но важными пульсациями мысли, которые дотоле не были представлены на русском языке. Страстная, зашкаливающая подчас мысль Теодора Лессинга (1872—1933) может взбодрить и тех, кто за последние десятилетия привык к анемичному академизму. Социалист, феминист и яростный обвинитель человечества в том, что оно сбилось с путей своих, — он с лихвой даст жару и нынешним публицистам! В нем будто горит тот чёрный пламень священного и обличающего безумия, что вдохновлял Ницше, Штирнера, Шпенглера, Нордау, Вейнингера, Микельштедтера, Майнлендера и Варбурга.

Из крайне фундированной, но при этом написанной как настоящий триллер — начинается с убийства Лессинга политическими террористами! — статьи д.ф.н. Александра Михайловского можно узнать, вжиться не только в дни самого Лессинга, но и почувствовать те вихри истории, что вели за смутными идеями и сметали людей в то время. К этому тексту очень рекомендую обратиться, из него же — совсем кратко, парой реперных точек.

Мать Лессинга была еврейкой — в те годы в Германии это многое ему подпортило, осложнило восхождение на утесы академической карьеры. Карьеры, собственно, ждали от него в семье другой, не литературной — и не сразу, только получив наследство, он посвятил себя тому, чего всегда хотел. А замах был всегда большой: «Он видел себя радикальным борцом за идеи всемирного спасения, которые в эпоху господства натурализма и сциентизма казались устаревшими и далёкими от всякой реальности».

В самих богемных кварталах столицы Баварии его юности уже бурлил «уникальный коктейль из нервных впечатлений, декадентских настроений и мировой скорби с обязательными нотками революционных идей социализма и феминизма». Разочарование в предшествующем, не оправдавшем себя мире искало пути выхода. Кто-то находил себя в молодежных движениях: «Ответом на кризис современности, своеобразным выражением компенсаторного сознания, стали контркультурные движения — Молодёжное движение (Jugendbewegung) и Движение за реформу жизни (Lebensreformbewegung). Эти течения, выступавшие против помпезности, механизации и жизни в большом городе, провозглашали “жизнь” и “молодость” абсолютными ценностями. В походах по девственным

лесам, в совместном пении под лютню буржуазная молодёжь открывала для себя своё истинное предназначение по ту сторону индустриальной цивилизации».

Общался Лессинг и с теми, кто непосредственно стремился вести за собой в иные духовные дали. С кружком Стефана Георге — правда, единения не случилось. С «мюнхенскими космистами» в лице Альфреда Шулера и Людвига Клагеса (влияние последнего было сильным на Лессинга несмотря на их разрыв).

Круг его общения вообще был широк, влияния же оказывались самыми неожиданными. Был у него и куда более экзотический наставник. «Страдая от "вечной ипохондрии"[2], на грани нервного истощения, Лессинг переезжает весной 1897 года в Клаузен (Южный Тироль), где встречает родившегося в России немецкого еврея Фридриха Хельвига Арнда (псевдоним Арнд-Кюренберг). Этот искатель приключений сначала получал архитектурное образование в Санкт-Петербурге, потом переехал в Германию изучать философию и географию, наконец, поселился в Турции, где перешёл в мусульманство и с тех пор именовал себя Омар аль-Рашид-бей. Именно благодаря ему Лессинг впервые погружается в азиатскую философию и религию. Семидесятилетний седобородый мужчина с феской на голове, в широком бурнусе и высоких сапогах» стал для него, кажется, тем же, кем Иван Агуэли для Генона, — во всяком случае, восточных религиозных мотивов в этой работе представлено много и сочувственно. Это увлечение Востоком, кстати, было одной из ряда тем, в заявлении которых Лессинг может считаться первопроходцем.

То поколение, представителями которого были Гуго фон Гофмансталь, Райнер Мария Рильке, Карл Краус, Томас Манн, Герман Гессе и Арнольд Шёнберг, и к которому относился Лессинг, чувствуя себя потерянным, вообще страстно искало себя. Двигало многими, как констатирует Михайловский, культуркритическое разочарование во всеохватном рационалистическом наследии Просвещения. «Современная культура видится сугубо объективирующей и деиндивидуализирующей силой, которая лишает человека субъектности и свободы, меняет естественный темп его жизни, превращает его из цели в средство». Яд — хотя скорее лекарство и уж точно фармакон — вброшенный ранее Ницше и почти параллельно Лессингу Шпенглером, давал свои чёрные и единственно спасительные, как казалось, плоды. «Не только формальные элементы культуркритического дискурса вроде противопоставления техники и природы, но и выстраиваемое с его помощью пессимистическое мировидение, образующее рамку для переживания культурного и антропологического кризиса накануне Первой мировой войны», но и тотальные пессимизм по поводу реальности и скепсис в адрес породивших её основ.

Лессинг же полумер не знал, он буквально нарывался. Не только в том, что говорил и писал, но и в своей жизни. Фраппированный ростом антисемитизма, он обратился к сионизму. Не без влияния первой жены, феминистки, занялся и борьбой за права женщин. Он становится одним из самых пристрастных

и скандальных публицистов Веймарской республики. Националистически настроенные студенты бастуют, требуя отстранения его от преподавания, образуется и целый комитет по борьбе с Лессингом (!). Бегство в Чехию не помогло — неизвестные борцы с идеями и их свободой расстреляли Лессинга в его квартире, несмотря на приставленную чехами охрану.

Что же такого провозглашал Лессинг? Не беря какие-то совсем злободневные его публицистические выступления — хотя те и вызывали серьезный общественный шум и даже негодование. Уже «в раннем эссе “Проблема культуры” из книги “Шопенгауэр, Вагнер, Ницше: Введение в современную немецкую философию” Лессинг видит себя спутником одинокого мыслителя в странствии за пределами “прочной сферы духа, которую он миновал, когда ощутил всю иллюзорность ценности истины”».

С маленькими недругами Лессингу и сражаться неинтересно — он атакует сразу великие концепты. «Культура отождествляется с процессом “одухотворения”, включающим рационализацию, логизацию, этизацию, и тем самым означает сковывание всех импульсов переживания и воления. Дух — убийца жизни. Культура есть результат страдания, и сама приводит к “утончённому отчаянию и страданию”». Как раньше Ницше, Лессинг становится «героем антикультуры», «культуры тепла, которой надлежит задерживать просвещение».

Хотя боролся он против всего, что вызывало его легкое на подъем возмущение. Так, он запустил целую кампанию против тех бед, что несла ускоренная урбанизация (если бы само слово было в ходу — опять же Лессинг первопроходцем[3]). Он писал, выпускал журнал, создал объединение против городского шума. В то время, как «вершину культуры образует идеал благого, всезнающего молчания», шум деструктивен и просто вульгарен. Ополчается он и на такой источник шума, как автомобили (как настоящий журналист, приводя и статистику вызванных ими несчастных случаев). Он, уже как современный блогер, идет в атаку, сарказничает и откровенно троллит: «Никогда ещё человек не передвигался по поверхности Земли с таким шумом, с такой ужасающей вонью. <...> Святая Тереза определила ад как “место, где воняет и никто никого не любит”. Возможно, она провидела Фридрихштрассе в Берлине».

В «Европе и Азии» Лессинг вообще выходит на «альтернативную картину процесса, нарисованную как бы из перспективы других видов, населяющих Землю, — растений, животных, цветных народов. “Лошадь философствует о кнуте иначе, чем извозчик”», а «белый человек посредством хирургического вмешательства сделал всё для того, чтобы превратить эту как бы сомнамбулическую жизнь на планете в непрерывную цепь мучений». Про не бремя, но обремененность грехами белого человека говорили тогда немногие, а вот про взгляд того Другого, коим является животное, о философии животного заговорили уже буквально совсем в наши дни. Так, в современной русской философии сосчитать активистов не составляет никакого труда — эту тему подняла Татьяна Горичева, подхватила Оксана Тимофеева.

Подобно экологам наших дней, Лессинг скрупулезно ведет список исчезнувших видов животных. «Можно перечислить сотни тысяч видов животных и растений, которые исчезли. Навсегда». Апеллирует он и к прочим преступлениям человечества. Не очень и понятно, что в состоянии спасти человечество. Во всяком случае, традиционалистский подход, по Лессингу, не сработает: «Даже возвращение к язычеству, к дохристианским верованиям, в которых ещё не случилось расколдовывание мира, не является действенной альтернативой перед лицом апокалипсиса». И он выносит приговор человечеству — «мы должны завершить наш путь. Это путь трагедии, возвышающейся и проясняющейся в смерти».

Итак, «Пр*о*клятая культура». Начинаясь с оммажа Руссо, выступавшего против прогресса (и призывавшего к «естественному человеку» — странно, что Лессинг не акцептировал этот прожект), тут же задается вопросом, «почему обладателя знаний охватывает тоска о потерянном рае?». И место Руссо, быстренько отодвинутого в тень, занимает Будда, чье учение о страдании названо самым мудрым на земле. Лессинг продолжает: «Но дух, логика и этика — это не первоначальная, а саморазвившаяся жизнь, отсечённая. Потому этика подобна греху, а логика — ошибке. Вот почему уже древнейшие Упанишады называют мир повседневной действительности раком у самой сердцевины жизни. Вот почему Будда называет бодрствующий ум губителем жизни, а Ашвагхоша — объективное и человеческое в пространстве и времени ранами Индры». Западная наука объявляется «рабским бунтом духа», «всепроникающее чувство жизни они сузили до линии прогресса всемирного человечества», и, вообще, «только с Востока может прийти возрождение древнейшего и яснейшего знания, а вместе с ним — обновление культурной жизни, оказавшейся в тупике христианской духовности».

На христианство с более поздним производным от него — просвещенческим пафосом и сциентизмом, к слову, у Лессинга вешаются почти все собаки. Дарвин, Гегель и даже Вольтер возводятся к нему, «наислабейшему приливу той самой духовности, остывающей, как Земля, — духовности, не ценящей ничего, кроме своего духовного Бога или (что то же) человеческого “я”». «Три духа лжи, самых тлетворных для Запада, вместе сложили образ мира незнающей науки: Гегель, Дарвин и Маркс», «при чтении которого охватывает ужас, когда встреченное в тексте слово “человек” тут же подавляется его субститутами вроде “коэффициента рентабельности”, “затрат труда”, “индекса средней нормы прибыли”, “обращения прибавочной стоимости” или любой другой исчисляемой величины бездушного и обескровленного логицизма... Где же здесь душа? Её место заняла воля! Где же здесь общность? Её место заняло общество!» Не хватает разноса Фрейда, еще одного столпа плачевной модерности, Лессинг не успел.

Да даже и экологические преступления человечества приписаны христианам. «Был когда-то германский лес. Слышалось там хорканье лесного кулика.

Там токовал глухой тетерев. Порхали соловей и зяблик. Парил в небесной синеве орёл. Кричал сокол. Ворковал голубь. Водан приютил ястреба и горлицу, сову и ворона. Но не христианин. Этот захотел быть один». Хотя думаю, что дело не столько в христианстве, сколько в том, что оно олицетворяет западную цивилизацию — и её «достижения». Цивилизацию «овладения искусством приобретения мертвечины в целях охоты и добычи, далеко выходящей за пределы собственных потребностей охотников» до «гигантских кладовых смерти, наполненных несметным количеством "ценностей" великого рынка человеческих потребностей».

В своих разгромных обличениях Лессинг умудряется быть одновременно поэтичным («разрушители рая... С пользой истощена. Столь гладко и хватко. Столь утончённо и истощённо. Изъявлённо и оценённо»). И памфлетичным — «этот самовлюблённо-смиренный, вкрадчиво шепчущий христианский кавказский человек, этот кочевник механической пустыни, всюду предстаёт как самодовольнейший онаучниватель и оволиватель [Verwissenschaftler und Verwillenschaftler]. Как властолюбивый владыка и насильник над всякой беззащитной тихой жизнью. Вооружённый порохом и печатным станком — дьявольскими изобретениями немецкого духа, — он сокрушает сон Земли, срубая дубы Вирджинии и ели Норвегии, чтобы переработать их в бумагу. От Индии до Кореи и Японии он превращает людей, чья красота схожа с красотой безмолвных цветов, в подобных нам — счетоводов и болтунов». И — очень современным, злободневным и сегодня. Первая мировая война велась явно с корыстным интересом, пишет он, и приводит в пример одну американскую компанию. О, живи он в наши дни, какой список американских и не только компаний, одних только нефтегазовых, в свете вытеснения Ирана и нашей страны с мирового рынка, смог бы он привести! А из пущенных на войну гигантских бюджетов, справедливо заявляет Лессинг, «половины от этих средств, пущенных прахом, хватило бы, чтобы превратить пустыню Сахару в цветущий сад; проложить туннель под Атлантикой; выкупить и возделать половину Патагонии, Чили и Бразилии». Всегда думаю эту мысль, что было бы, пусти человечество средства, выделяемые на ВПК, на медицину, продление жизни, улучшение её качества, экологию, разработку и, главное, внедрение возобновляемых источников энергии...

Можно сказать также, что Лессинг предсказал модерную атомизацию общества, распад всех человеческих устоев: «Подобно тому как механистическое обобществление повсеместно приводит к разобщению, западный мир расщепляет общественную жизнь на бесчисленное множество пролетарских "экзистенций". Нас не связывает любовь. Лишь заботы и цели. Лишь конкуренция так называемых свободных личностей. Смерть общности — это смерть Эроса!» А в нескольких ремарках вроде того, что «механизм стал умнее механика», при желании можно найти намек на те проблемы вроде ИИ, что встают перед человечеством, стоят на пороге и требовательно и нетерпеливо дергают дверь.

Итого, «властвующий над жизнью никогда не постигнет её».

Нужен крайне решительный переворот сродни метанойе, потому что «приходит час, когда каждый видит, что ни разум и этика, ни труд и производство не обновят народу растоптанную душу, что ничего не изменят ни войны, ни революции, ни христианство, ни свободомыслие, ни отечество, ни интернационал. Ведь участь Земли зависит лишь от ощущения жизни переменившихся сердец». И, вполне возможно, подобный поворот в тупике предполагает финал обреченного человечества. «Ведь, совсем заполнив данный нам круг, мы вновь его перерастаем. Нельзя, однако, сделать второй шаг, не сделав первого. Итак, мы должны завершить наш путь. Это путь трагедии, возвышающейся и проясняющейся в смерти».

Это, конечно, не окончательный, припечатывающий всё вывод Теодора Лессинга, сражающегося «с обособлением культуры от великой матери и со спесью духа, полагающего, что отколотое от мира кавказское человечество и есть жизнь»[4], переменится в изложении своей мысли он не раз, но вывод крепкий.

Ругайте смерть!

Томас МАХО. Метафоры смерти. О логике трансцендентного опыта / Пер. с нем. А.Белобратова. — М.: Московский международный университет; Das Esseintes Press, 2025. 496 с.

Австрийский философ и культуролог из Университета искусств и промышленного дизайна в Линце написал довольно необычную книгу. Формально — это философский трактат. Чуть ли не с элементами — масса ярких и при этом не общеупотребительных сведений, фактов и фактиков — научпопа. Но привлекаемая им «доказательная база» столь широка, от последних естественнонаучных исследований до песен Лори Андерсон[5] и всякого независимого кино, которое он явно любит, а язык подчас столь поэтичен, что просто философской работой не определить. Скорее — такое большое эссе, страстное, густое смыслами и фактами, со своей не слишком закамуфлированной позицией.

Про позицию, возможно, сказать стоит и сразу. Неравнодушный исследователь будто сам глубоко уязвлен, потрясен буквально наличествованием смерти в мироздании (не сказать в жизни, ибо дополнительные коннотации возникнут, пояснения потребуются). Есть ли у него самого какая-то история трагической — или нет, ибо все смерти трагичны — смерти? Неважно, есть у всех. Что же касается того, как он пытается бороться с этим фактом. Прежде всего, стремится осмыслить феномен смерти, со всех ракурсов, во всех приложениях и трактовках. Так поступают с болезнью своей или близких: изучив, пытаются приучить, найти спасительную лазейку.

А вот примириться, применить какую-то вероучительную теорию он не собирается, даже и не может. Потому что — прямых деклараций нет, Махо слишком тактичен для этого — по определенному количеству ремарок можно понять, что он убежденный атеист. За помощью к вере не обращается, а католицизм — символ мировой религии для него — подчас и жестко троллит[6].

Не привлекает он и иных каких-либо учений. А жаль, кстати, что автор явно ничего не слышал о воскрешении мертвых Николая Фёдорова — никак не думаю, что он стал бы адептом этой идеи, но хотя бы упомянул, ведь привлекает же крайне редкое, от инициатических культов в каких-то вымерших уже туземных племенах до не самых известных сочинений Батая. Есть при этом на страницах Гурджиев — да, он известнее на Западе, вообще законно вполне идет как оккультист новых времен № 1. Присутствует и Кастанеда — впрочем, в New Age закоса в книге нет, автор справедливо скептичен по поводу симулякров десятого порядка и прочих light адаптаций.

То есть, возможно, уже понятно: он, как ученый, занят изучением, надеется, возможно, что досконально, «до детских припухлых желез» изученный феномен смерти чуть треснет, и знание даст возможность бороться, найти решение. Пока же — будет шерстить по общеизвестным трендам и самым маргинальным сусекам, будет искать везде. Осмыслять. Почти в руках вертеть всяческие концепты.

Их будет в этой немаленькой книге великое множество. И, как настоящая философская поэма, песнь древнего рапсода, разговор будет плавно перетекать с одного на другое, так и эдак, со всех ракурсов.

Будут изучены, конечно, воззрения великих. Гегель выходит на эти страницы, Фейербах следует за ним. Есть небольшое камео и у Лессинга: от «Лессинг обосновал свое утверждение, “что древние художники представляли смерть, божество смерти, действительно в совсем ином образе, чем в образе скелета”» до «филологическая интерпретация служила Лессингу лишь предлогом <...> преследовала явно просветительскую цель “избавиться от страха смерти, и читатели это” поняли и приветствовали. Лессинг, словно философ-стоик, утверждал: “Нет ничего страшного в смерти; и поскольку умирание есть не что иное, как шаг к смерти, то и в умирании нет ничего страшного”». Сильно разбирается Хайдеггер. И вот, кстати, про эмоциональный даже подход — Хайдеггеру адресован легкий упрек, что в чём-то он проблему смерти «не докрутил»: «Действительная смерть, которой мы страшимся и с которой сталкиваемся как с загадочно-пугающим превращением других людей, остается совершенно непостижимой и чуждой для “бытия и времени”. <...> Хайдеггер — подобно Гегелю — оказывается в замкнутом круге рассуждений. С одной стороны, он объясняет смерть как “экзистенциал”, как предпосылку для фактической смерти; с другой стороны, фактическая смерть должна быть заранее предпослана, чтобы вывести смерть как “образ бытия, который принимает на себя человеческое существование, пока оно существует”. “Моя смерть”, смерть

того, чем я являюсь, и “смерть вообще” не совпадают». Здесь можно было бы возразить — не очень сильно, ибо дальше разбор Хайдеггера вполне корректен, — но не стоит: понятно, что в глубине души Махо хотел бы не длиннотных философских пассажей, а, в духе героев Достоевского, «последнее слово» против смерти.

Витгенштейн, на гениально-безумный ум которого явно была такая надежда, хоть и думал сам, размышлял в дневниках о самоубийстве, не только не решил проблему умирания, но и слишком мало посвятил ей теоретических рассуждений.

Ближе, в формате «ранил и почти убил», смерть оказывается проанализирована Хансом Эбелингом. «“Бытие против смерти” не оспаривает возможность смерти, однако выступает против её оправдания путем отсылки к априорной необходимости; отождествление индивидуальности и смерти не признается безусловным. Из этого следует, что не годится каким-либо образом смириться со смертью или привыкнуть к смерти — к собственной смерти, смерти других людей или даже смерти всего человечества. Смертность должна оставаться злом для нашего разума, злом, против которого стоит бороться, даже если эта борьба предстаёт безнадежной. То, что наше существование затронуто смертью, ни в коем случае не подразумевает, что к смерти следует относиться как к “прекрасной возможности”: “бытие к смерти”, как и “бытие против смерти”, можно как поддерживать, так и отрицать. Альтернативой хайдеггеровскому “заступанию в смерть” является не “бегство прочь”, а — нападение на неё».

Бинго! Вот это и есть нерв того внутреннего стремления, который явным образом заставил Томаса Махо систематизировать почти всё известное нам о смерти — и ещё своей мыслью попытаться аналитически расколоть проблему. «Напасть на смерть» — это ему крайне близко, и он приведет, просто расширенным таким поиском, ещё схожие интенции в мировой культуре.

«Базон Брок отчетливо выразил эту позицию в некрологе Зигфриду Кракауэру: <...> “Смерть всегда — скандал, всегда — жуткое свинство! Произносите это каждое утро, бросайте эти слова в лицо вашим начальникам, вашим законникам, в лицо себе самому. Вам будут возражать, вас будут усмирять, ведь известно — все люди смертны. Не поддавайтесь уговорам, поймите: смерть Зигфрида Кракауэра, как смерть любого человека, есть чудовищный скандал, против которого я протестую”. Мы с вами только рассуждали о том, можем ли мы себе представить, каково это — быть мертвым. Неожиданно мы замечаем: мы вовсе не хотим об этом знать. Мы не хотим умирать — и всё же мы не надеемся на бессмертие». Не надеемся, кстати, не только из-за атеистических воззрений, но и потому, что в книге большая часть рассуждений констатирует то, как это было бы тоскливо. На примере отдельных литературных произведений, преданий, сказок. Потому что — и это ещё одна большая мысль книги — мы для начала (и конца) совершенно не можем понять, проанализировать самою смерть. Особенно, подчёркивает исследователь смерти, в последнее время (в последние времена): «В течение последних десятилетий

были уничтожены последние суррогаты надежды на бессмертие. У нас нет больше повода ожидать продолжения нашей жизни в своих детях или в своих трудах; у нас нет больше повода верить в "бесконечную жизнь" рода человеческого или в процесс развития "мирового духа". Болтовня о "постмодерне" возвестила окончательную распродажу истории...» Он кроме других фундаментальных обесценивающих факторов упоминает леденящие разум и надежду возможности оружия массового уничтожения. «Потребность в уничтожении проистекает из грехопадения и отделения человека от природы. Хорстман сочувственно цитирует высказывание Эмиля Сиорана о человеке как "покушении" природы "на саму себя". Хорстман не удовлетворяется одними лишь художественными спекуляциями и фантазиями. От обращения к историческим примерам "бегства от человечества" в философии и мифологии он переходит к утверждению о необходимости самоуничтожения человечества ядерным оружием, смерти человеческого рода, в результате которого materia prima освободится наконец-то от проклятия органического начала. Радикальный нигилистический миф Хорстмана восхваляет возможность летального финала как вершину освобождения человека от самого себя и как воистину окончательное освобождение человечества от чудовища». И констатирует, в духе пассажей из «Символического обмена и смерти» Бодрийяра, что современное общество не придумало ничего лучше, как спрятать смерть, убрать её из сферы общественного внимания, делегировав умирание домам престарелых и больницам, с глаз долой — из сердца вон, и даже отменив траур. «Право выставлять свою скорбь ограничено частной сферой, т.е. скорбь скрыта от других. И здесь даже боль и скорбь помещаются в бессмысленно-конвенциональные и эстетические рамки <...> Скорбь оказывается "непристойным чувством", а умирание предстает как порнография. Смерть вытеснена из общества, мертвые "отлучены" от него».

Махо приводит высказывание Маркузе о том, что «соглашательство со смертью — это соглашательство с хозяевами смерти: с полисом, государством, природой или Богом». Не столь важно про хозяев смерти, но тут невольно возникает любопытный пуант: Махо пишет по-немецки, но по-английски можно было бы обыграть: как хозяев смерти (masters of death), так и невозможность постичь и овладеть смертью (to master death, по аналогии с тем, как кто-то изучает, осваивает и овладевает тем же языком, to master a language — к слову, о языке, способах выражения смерти в книге будет сказано весьма много)[7].

«Метафора "смерть" затрагивает множество особенных мыслей и чувств, от отчаяния до равнодушия, от слез любви до слез гнева, от страха до бегства в агрессию. Нам нужно сначала задавать более точные вопросы, нам нужно сначала научиться лучше видеть. Смерть нельзя пережить; и все же опыт многих ситуаций мы переживаем как опыт смерти. О чем мы говорим, когда говорим о смерти?»

Этому, по сути, и посвящена вся книга.

Где — даже не философски, а поэтически связанного, перетекающего из одного в другое — будет очень и очень много всего. Родство смерти со сном, обмороком, оргазмом. Сексуальное убийство и связь детства со смертью (кроме понятной лиминальной связи старости и детства с зажизненным, поверья о соответствующей связи живы до сих пор, утверждает он, во Франции до недавнего времени была примета о дурном знаке, если приснится ребенок). Альпинизм, сирены, инвалиды, лассо, собаки и лошади[8] — их связь со смертью оказывается отнюдь не притянутой. Матка как погребальный сосуд и мертвые, живущие наравне с живыми («смерть не воспринимается как граница, как конец жизни; в некоторых культурах с умершим обходятся не как с трупом, а как со своего рода живым посредником»).

И это не только различные, пусть и любопытные, но факты и суждения. Это — те ракурсы, с которых можно рассмотреть интересующую автора проблему (например, восприятие проблемы самоубийства как бунта против того и тех, кто может лишить нас жизни).

Но вывод один — и он безысходен, как и самая смерть. «Большие танатологические модели являются ничем иным, как языковыми играми; и они не сообщают нам той достоверности, которая разрешила бы все сомнения. Мы живем с самыми разными представлениями о смерти, в том числе и в постиндустриальном обществе (автор много привлекает представлений примитивных сообществ — но и там не находит сколько-нибудь удовлетворительных ответов. — *А. Ч.*). Не существует единой смерти; у нас нет меры, которая позволила бы судить об образах смерти в другие эпохи и в других культурах. То, что означает знак “смерть”, невозможно определить раз и навсегда. О чем мы говорим, говоря о смерти? Мы ведь даже не знаем, как мы говорим, говоря о смерти».

После книги мы знаем многое — и довольно необычного материала, повторю это ещё раз, и это при том, что это далеко не первая книга, которую я прочел по этой теме. И хорошо, что автор честен: отсутствие ответа, как известно, тоже есть ответ. Тем более что он сам любит в своих рассуждениях мыслить via negativa, «через отрицание». Такой попыткой отрицания неотрицаемого и была эта книга.

Её лейтмотивом всё равно становится дерзкая не надежда даже, но допущение, сомнение в самих основаниях неизбежности смерти — «установленные конвенции можно отменить, от привычек можно отвыкнуть. Можно ли отвыкнуть от смерти? Базон Брок дает нам совет: “Говорите о смерти плохо, ругайте её, яростно обрушивайтесь на эту беспомощность, и вы быстро придете к тому, чтобы больше не соглашаться с признанием действенности принципа детерминированности”». Аминь в случае автора говорить не будем, но что ж.

Философия горы

Зигмунд Квалой ЗЕТРЕНГ, Петер Вессель ЦАПФФЕ, Арне Декке Эйде НЕСС. Норвежская экофилософия / Пер. с англ. И.Паштова. — М.: Тоттенбург, 2024. 262 с.

Три труда норвежских философов по экологической тематике. Почему, кстати, именно норвежских? В книге приводится объяснение: Норвегия все годы была страной традиционного уклада, индустриализация же проводилась довольно поздно и резко. Слом для рыбаков, охотников был травматичным. «Подчеркивая принцип “конкурируй или умри”, экономическая структура Норвегии изменила свой характер. Сегодня мелкие фермы и рыбацкие деревушки утратили свою “рациональность”, отчего происходит масштабная централизация и урбанизация. СМИ и школы проповедуют индивидуалистическую конкуренцию как путь в будущее. Мелкое фермерство и рыболовство заменяются туристической экономикой, где экзотический фольклор на заброшенных фермах занимает место производства продуктов питания, а компьютер вытесняет настоящие игры. Интересно отметить, что именно параллельно с этим развитием в Норвегии сильно вырос уровень самоубийств, оказавшийся одним из самых высоких в мире». Можно и несколько экстраполировать: и прекраснейшие виды фьордов и долин с троллями было действительно жаль (участники этой книги обсуждают, как защищали водопады от строительства электростанций, приковывали себя, как Прометея, к скалам, полиция их насильно увозила), и — в любой стране такие проблемы есть, есть и схожие движения.

Рефлексия, тревога о том, что природа неправильно используется и уничтожается ради всё растущих и, на взгляд наших спикеров, неоправданных потребностей человека, очевидным образом объединяет эти три текста. Общим становится, как и у Лессинга, обращение к восточным воззрениям, конкретно, буддизм оказывается тем, что может помочь современному западному уже и постиндустриальному обществу. «Существует тесная связь между некоторыми формами буддизма и движением глубинной экологии. История буддийской мысли и практики, особенно принципы ненасилия, непричинения вреда и почтения к жизни, иногда помогает буддистам легче понять и оценить это движение, чем христианам несмотря на (иногда упускаемое из виду) благословение, рекомендованное Иисусом в миротворчестве», говорит Арне Несс.

Пересечений через границы времени и пространства с Лессингом вообще оказывается на удивление много. Зигмунд Квалой Зетренг (1934—2014), открывающий дискуссию, «чувствовал, что большая часть мышления современных философов остается слишком близкой к господствующему мировоззрению, которое царило в обществе индустриального роста» — так Лессинг бросался в дуэльный бой с мельницами по имени Маркс[9] и Дарвин. Как и у Лессинга,

современный мегаполис вызывал у него шокирующий страх: «Для Зигмунда этот рукотворный символ человеческого величия и прогресса ощущался как встреча с чем-то враждебным человеку. Особенно его беспокоило воспитание детей в этих суровых городских условиях, которые сильно контрастировали с его собственным детством и воспитанием в сельской Норвегии». Он же хотел, чтобы всё живое считалось живым: отправной точкой созданной им группы «Экофилософия» «стало отождествление себя со всем живым и стремление к справедливости “не только для людей, но и для животных, растений и минералов”». Испытывая, как и Лессинг, влияние восточной философии, а именно буддизма, он развивал его идеи, выступая с собственными. Так, он противопоставлял технику и природу в таком ключе: осуждаемые им, как и Лессингом, машины «усложнены, проблематичны, но они никогда не становятся чем-то иным, чем были раньше. Природа сложна, она качественно разнообразна и представляет собой поток событий, который никогда не повторяется». И это тоже общий мотив: все представленные норвежские экофилософы строят свои дома на природе, пишут о том, как каждый день в лесу становится новым непредсказуемым событием, тут выпал снег, там заяц пробежал, иначе сегодня доходит свет с небес... Природа — это «интенсивное счастье». Выступал Зетренг и против того экологического хаоса, к которому неизменно приведет неограниченная свободная торговля, приводит уже индустриальное общество. Он противопоставляет ему «общество, характеризующееся солидарностью, автономными малыми сообществами и производством только необходимых для жизни вещей». Сколько же мыслителей выступало за это в последнее время, в спектре от радикальной феминистки и философа-постгуманиста[10] Донны Харауэй до анархистов Хаким Бэя и Эдуарда Лимонова...

Зетренг же был весьма последователен, апеллируя к буддизму. «Это другое слово для экофилософии. И здесь я нахожу на Востоке, особенно в буддийской традиции, реализм». Он так, собственно, и философствует: «Мы строим защитные стены вокруг себя, ищем экономическую безопасность или социальный статус, честь, пирамиду на нашей могиле. Но всё должно рухнуть, потому что мы — всего лишь водовороты в потоке времени». И оказывается весьма поэтичен в своих философских работах (можно было бы порассуждать, противопоставив сухому и безличному стилю Маркса, Кейнса и других апостолов экономики): «Плотники и я соглашаемся, что пускай северная часть дома продолжает оседать, и мы попытаемся продержаться еще несколько исторических секунд, пока пирамида ЕС не разрушится. Они ушли, ложится мягкий снег, наступает ночь, и я слушаю Билли Холлидей. Она представляет будущее, уходящее в землю. Внутрь».

С такими взглядами он выступает и в жизни. Защищает буддийские горы в Бутане. Поддерживает местных против альпинистов и прочих западных туристов. Придет туризм — и местные забудут родные ремесла, язык, уклад

жизни. Он же — вспомним Руссо у Лессинга — прежде всего за естественную жизнь.

И видит, как опять же Лессинг, впереди катастрофу: «Конечным результатом будет более разрушительный крах, чем тот, к которому бы привело развитие без компьютеров, — если зелёное движение вместе с новой активностью Третьего и Четвертого мира не сможет создать глобальный, радикальный разрыв с ИОР (индустриальное общество роста. — *А.Ч.*) параллельно с его уничтожением». Должен быть уничтожен тот мир, в котором о человеке говорят, как о машине («они могли бы в таких терминах говорить о машине: последние так же нуждаются в топливе, смазочных материалах, гаражах и технике для ремонта»), — и который разрушит человека сам.

Высказывания Зетренга об угрозе технократизма, к слову, можно, как и у Лессинга, подверстать под смутное предвидение разгула и угрозы ИИ. «...Компьютер и его сети сбора данных, его образовательные системы и так далее будут иметь своей самой заметной функцией лечение симптомов и сокрытие истинных причин, и, таким образом, позволит накоплению кризисных тенденций дольше, чем это могло бы быть».

Вторым в этой оживленной дискуссии высказывается не знаю, насколько великий, но точно немного, самую чуточку ужасный Цапффе (1899—1990). Кстати, всегда стоит помнить, что при всех своих крайне мизантропических взглядах главный философ-пессимист современности был и отличным и известным юмористом, критиком и вообще очень активно публикующимся сочинителем. Это, безусловно, ни о чем не говорит, более того, известно, что грустные клоуны шутят лучше всех, но всё же, всё же...

При всём при этом «экофилософский тезис Цапффе заключается в том, что человек — это высшая трагедия, поскольку мы способны осознать, что без нас Земля стала бы лучше из-за того, что мы оказываем вредное воздействие на окружающую среду». Автор 600-страничного сочинения «О трагическом», сравниваемого с трудами Шопенгауэра, Кьеркегора и Ницше, настаивает на этом посыле. Мир трагичен изначально — как из-за грехопадения в христианстве, можно было бы пошутить со стороны, — потому что построен на гекатомбах безжалостного естественного отбора. В этом же ключе, человек оказывается «чрезмерно развит по отношению к условиям, в которых он живет, и поэтому не вписывается в мир природы».

Ни с кем, как в Интернете, не споря и лишь излагая позиции рассматриваемых мыслителей, я всё же приведу одну мысль Левинаса. «Мы не научим их ничему новому, если скажем, что человек занимает в мире особое положение; что его участь — участь зависимого существа; что это зависимое существо суверенно в самой своей зависимости, ибо его зависимость — не какая-нибудь, а зависимость твари; что тварная зависимость не исключает бытия по образу Божьему; что воспитание должно поддерживать эту общность между человеком и Богом, установленную их подобием; и что воспитание, в самом широком смысле слова,

нацелено именно на такое сообщество и есть, пожалуй, само определение человека»[11]. Таким образом, исключительность человека можно канализировать в совершенно другом направлении, на (само) воспитание и возвышение, предполагающие не сдающийся уход, но ответственный путь вперед и вверх. Но Цапффе настаивает на своем.

Поэтически ламентируя о природе Норвегии, которую они теряли, Цапффе бросал столь же яркие и эмоциональные инвективы в адрес современных неандертальцев от экономического прогресса: «Мы находимся в руках неандертальцев от мира развития. Стыдно, что они происходят от людей, эти неуклюжие, с тупыми, стерильными умами. Они не по-настоящему живы, они могут продолжать существовать только на экономических стимуляторах. Нас заменяют люди, которые не заслуживают здоровую Землю». И, утверждая, что у людской жизни нет «метафизической сущности» и это «просто один из хитрых мифов», он взывает к сокращению бесконтрольного, потребительского и просто губительного для всей природы расширения человечества, за сокращение его популяции. «...Если бы у нас было всего миллион человек в Норвегии, было бы достаточно места для всех. У каждого могло бы быть столько земли, сколько он хочет возделывать, пустые пляжи для строительства, неизведанные территории для лыжного спорта, столько рыбалки и охоты, сколько можно пожелать. Тогда нам не нужно было бы “управляться” какой-то бюрократией. Проблемы не были бы решены, но они бы не ухудшились».

Свои взгляды Цапффе реализовывал, если не брать в расчет публикации и интервью, скорее в своей частной жизни. Обожатель альпинизма, открыватель диких мест Норвегии, убежденно бездетный анахорет, сторонящийся официальных преподавательских постов, он утверждал свои взгляды так.

Считая, что «уничтожение природы — это предательство», он продвигал философию природы, философию всего живого — того, что не должно угнетаться человеком, которому следует жить органично со всеми, скромнее, если совсем упрощать, следует жить.

Это можно было бы назвать «философией горы». Ципффе: «Гора не приспособлена к человеку, но людям в горах рады. Они просто не должны оставлять после себя следов». Несс, о котором мы поговорим сейчас, в 1988 году выпустил книгу «Мыслить как гора: На пути к совету всего сущего». А идея мыслить, как гора, была впервые высказана американским экологом Альдо Леопольдом в книге «Альманах песчаной страны» в 1949 году.

Арне Декке Эйде Несс (1912—2009) подхватывает эту тематику. Ведущий норвежский философ, предложивший само понятие глубинной экологии (в 1972 году), он был движим глубоким скептицизмом по отношению к человеку, в своих книгах с говорящими названиями «Скептицизм» и «Какой мир настоящий?» он «высказывал глубокую убежденность в человеческой ошибочности».

Как Зетренг выводил порочность человека из механизмов эволюции, так Несс говорил об отчуждении — от себя и от фундаментального — в силу рабовладельческой ментальности человека. «Качество жизни отчасти зависит от глубокого удовольствия и удовлетворения, которое мы получаем от тесного партнерства с другими формами жизни. Попытка игнорировать нашу зависимость и установить отношения господина и раба способствовали отчуждению человека от самого себя». В свете этого подхода «животные, растения и объекты природы имеют ценность только как ресурсы для людей. Если неизвестно никакого человеческого использования, они могут быть уничтожены без зазрения совести». Глубинная экология же озабочена вопросом, «как использование ресурсов может служить качеству жизни, а не экономическому уровню жизни».

Здесь можно и даже следует сказать, что подход к окружающей среде с тех лет, когда это писалось, всё же поменялся — или это только на словах, не дальше деклараций? Можно и добавить, что вопрос, «имеют ли животные права?», всё же начал дискутироваться.

Таких сомнений касательно не то что генеральных посылов, но их упаковки, возникает по ходу чтения ещё несколько. Вот, например, такой отрывок, где рассматривается вина медведя, загрызшего овцу. Суд над ним рассматривает целый спектр вопросов, в том числе «каков его или её неполный послужной список проступков? Сколько овец убито? Он или она в основном убивает, чтобы поесть, или же калечит или ранит овец, не поедая их? Проявляется ли особая жестокость? Это медведица, которая, вероятно, будет плохо влиять на своих детенышей? Вторглись ли овцы на территорию медведя, или медведь забрел далеко, на установленную территорию овец?» Здесь всё вроде бы совершенно правильно, подход к медведю, как к обладающему юридическим статусом субъекту, почти человеку, не может не внушать оптимизм. Но что-то здесь всё же несколько фраппирует. Какая-то кафкианская бюрократия, накрученная на всё это? «Несколько необъяснимо то, что медведи в таких условиях (вынесенного смертного приговора. — *А. Ч.*) могут скрываться годами, тем самым вызывая глубокое смущение и удивление охотников». Которые ждали, что медведи явятся с повинной, посыпая голову прахом и вставая на одно колено?[12]

Это был бы просто вызывающий улыбку пуант, но Несс говорит о слишком серьезных вещах. Декларируя, что «текущее человеческое вмешательство в нечеловеческий мир чрезмерно, и ситуация быстро ухудшается», он подхватывает и идет в чем-то дальше, прямолинейнее Цапффе. Заявляя, «что культурная антропология и изучение человеческих культур убедительно показывают, что гигантские администрации, население и механизированная техника необязательны как основа для выполнения фундаментальных человеческих задач и целей». Утверждая, что «чрезмерное давление на условия жизни на планете возникает из-за взрыва человеческой популяции», а «если их нежизненные потребности конфликтуют с жизненными потребностями человеческих форм жизни, люди

могут уступить». Он призывает к постепенному, но внушительному сокращению человечества. «Оценки оптимального человеческого населения варьируются», но «должно быть долгосрочное сокращение человеческой популяции посредством мягких, но настойчивых политических и экономических мер. Это позволит, благодаря увеличению среды обитания, увеличить рост популяции тысяч видов, которые сейчас ограничены давлением со стороны человека». Тут можно было бы добавить, с одной стороны, что увеличение населения Земли негативно сказывается и на самих людях, ведя как к территориальным конфликтам, так и истощению ресурсов, понижению качества жизни, с другой же, можно долго спорить.

А вот мысль о приоритете гуманитарных наук над точными и экономическими[13] сомнений вызывает уже меньше. Образование, пишет Несс, «будет противодействовать чрезмерной оценке вещей через ценник. Следует изменить акцент с “точных” на “неточные” науки, особенно те, которые подчеркивают местные культуры и глобальное сотрудничество». Хотя и тут можно было бы поспорить, ведь на любимом Нессом Востоке гармония держалась на соразмерности, а не иерархии. «Благородный муж ищет гармонии, но не единообразия», по Конфуцию. Но для норвежского философа личная экософия и платформа глубинной экологии находятся сверху, а практические решения в самом низу. Это, конечно, не вопрос иерархий престижа, а система, когда нормы задаются сверху. Но так ли это отличается от той логики повелителя и раба, master and servant, против которой выступала экофилософия?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Цит. по. *Блок А.* Крушение гуманизма. — М.: Silene Noctiflora, 2026. С. 145.

[2] Кроме того, «Лессинг полностью разделял шопенгауэровский пессимизм в оценке мира как арены страдания».

[3] С тем, что экопацифизм, тему единения с природой Лессинг воспринял во многом у Клагеса («Человечество, с точки зрения Клагеса, приблизилось к своему апокалиптическому финалу, которому предшествовала постепенная, длившаяся более двух тысячелетий деградация»), и, главное, с тем интересным фактом, что протоэкологический, энвайронменталистский дискурс был «в начале XX века скорее отличительной чертой правых интеллектуалов», можно подробнее ознакомиться в собственной книге А.Михайловского «Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии», о которой мы писали в одном из предыдущих выпусков рубрики (См.: https://achantsev.ru/tpost/jtxk92n561-v-zhurnale-druzhba-narodov-3-2026-vishel).

[4] Примечательно, что исключение Лессинг делает — для нашей страны. «Лишь в русском человеке живёт ещё исконная общинная душа, как некогда в буддийской сангхе или у еврейских прахристиан. Русское слово “мир” [mir] означает

и общность, и Вселенную. Это древнегреческое слово moira (в Индии meru, а на иврите neru — имя для "горы общины", для Вселенной). Приветствую моих читателей в России». Привет я передал.

[5] Посреди цитат из Гофмансталя, Рильке, Бенна и Целана — автор поэтичен и в выборе источников цитирования.

[6] Шутка о том, что церковная служба — это царство матриархата, потому что священник готовит вино и пищу перед одними старушками, за что ему позволяют надеть женское облачение — довольно жесткая и не самого высокого вкуса, признаем. Впрочем, это единичный случай.

[7] Впрочем, другие языки в этом отношении ничуть не беднее английского: Немецкое meistern — «овладевать, справляться, мастерски выполнять» (das Leben meistern, так что den Tod meistern вполне возможно, рядом существует и Meister des Todes), французское maotre/maotriser сохраняет ту же связь ещё непосредственнее. Тут же вспоминается целановское Der Tod ist ein Meister aus Deutschland. И здесь Meister становится страшен именно своей ремесленной конкретностью, смерть не просто властвует, она мастерски делает свое дело. Русское «мастер» сохраняет эту отсылку к ремеслу, но не улавливает оттенка власти, «хозяин» сохранил бы власть, но уничтожил бы мастерство. Перевод оказывается не выбором между двумя эквивалентами, а демонстрацией того, что разные языки по-разному расчленяют один и тот же смысловой узел. Польский же стихотворный памятник XV века «Диалог мастера Поликарпа со смертью» дает более раннюю инверсию этой конструкции. Rozmowa mistrza Polikarpa ze Śmiercią, где mistrz — человек, ученый магистр Поликарп, тогда как смерть оказывается настоящим учителем. Она ведет его в свою «школу» — Kaïdy w jej szkole byж musi, «каждый должен быть в ее школе». Человек может быть mistrz, но перед смертью он неизбежно остается учеником. Поэтому игра между master death и master of death оказывается не просто каламбуром, она затрагивает саму структуру человеческого отношения к смерти, попытку назвать её, понять, освоить и в конце концов обнаружить, что мастером здесь всегда оказывается другой. Возвращаясь к Маркузе, который писал свою работу уже на английском, мы в этом выражении встречаем «the master over death: the polis, the state, nature, or the god» (The Meaning of Death, New York: McGraw-Hill, 1959. P. 76), что маркирует человеческие поползновения управлять смертью. Хотя для него важнее, что власть над смертью оказывается равна власти над жизнью. Фраза вообще оказывается во всех смыслах любопытной: Бог здесь с маленькой буквы и с артиклем, то есть некий бог вообще, согласование идет со всем списком, то есть повелителей не четыре, а один, един во всех лицах... Русский перевод с «хозяевами», а не «мастером» всю семантическую игру отсекает. И это само по себе образует символический сюжет: Махо доказывает, что о смерти можно говорить только метафорами, а перевод показывает, что метафоры смерти непереносимы. Целан же «мастера» охотно взял, и его «мейстера» затерли на цитаты (тогда как Махо завис на апофатике). Так у немцев отношение к смерти всё время и колеблется между метафорами, апофатикой (смертью как тому, чему невозможно дать имя и чем невозможно овладеть) и своеобразными мейстерзингерами смерти, где смерть получает профессию, технику, школу и ремесло. А если смерть становится ремеслом, она также становится производством и беньяминовской воспроизводимостью.

[8] Впрочем, о тех лошадях, что тянут в смерть (Wild horses couldn't drag me away — образ, которым после своей клинической смерти в Австралии Марианна Фейтфулл поделилась со своим тогдашним спутником Миком Джаггером), гораздо подробнее можно найти в «Антропологических структурах воображаемого» Жильбера Дюрана.

[9] Говорю в данном случае условно и от себя, потому что Маркс как раз входит в синклит норвежского левака: «Основываясь на норвежском опыте, я рискну утверждать, что эффективный современный буддизм реализуется через экополитические действия с экологией, Марксом и Ганди в качестве важных катализаторов. В дополнение я мог бы упомянуть Торо, Бергсона, Чёрного Лося, защитников реки Лакса в Исландии...»

[10] Философки-постгуманистки было бы вернее и уважительнее?

[11] *Левинас Э.* Трудная свобода // Избранное. Трудная свобода / Пер. с фр. Г.Вдовина, Н.Маньковской. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 329.

[12] Что неожиданным образом коррелирует с новостями последних месяцев о нашествии медведей что у нас, что в Японии.

[13] Хотя экономика как социальная наука всё же чаще относится как раз к гуманитаристике.

Мария Бушуева

Танец восьми границ

Наталья ИЛИШКИНА. Мирэ: Дальневосточный роман. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2026. — 636, [4] с. — (Большая проза)

Если вехи судьбы обычной женщины совпали с трагическими событиями истории, и женщина, выдержав тяжёлые испытания, не просто выжила, но вы*н*осила, выкормила и подняла детей, — её судьба поучительна и достойна того, чтобы о ней узнали многие. Собственно таким рассказом о судьбе и является роман «Мирэ», созданный методом «бригадного подряда»: если читатель дочитает этот линейный текст до конца, он увидит, что в основе «Мирэ» — подлинные воспоминания, а участвовали в создании текста консультанты по «этнической достоверности героев», корейским реалиям, исследователи информации по темам: «Корё Сарам», православия у корейцев, жизни и быта корейцев на Дальнем Востоке, — а также помощники в получении документов из архивов, шаманы-консультанты по ритуальным шаманским обрядам и много кто ещё. Отдельно автор выразила благодарность литературному редактору Галине Беляевой, другим профессионалам «РЕШ» и Владиславу Отрошенко, который сформулировал «для читателя основной посыл романа».

Этнический колорит — познавательный ракурс текста — несомненно привлечёт читателей. Хотя сейчас много книг и Сетевой информации по корейской мифологии, быту, особенностям мировоззрения и воспитания, есть даже практические курсы по обретению *нунчи* — виду социальной интуиции, — далеко не все с этим знакомы. Да и не каждый читатель любит нон-фикшн и скорее предпочтёт сюжетный текст, облечённый в романную форму. Тем более что придают остроты сюжету «Мирэ» исторические события: от революции 1917 года до репрессий 1937-го, от миграции корейцев в Россию до их депортации из СССР в Казахстан.

Но сначала не о драматизме истории, а о корейской бытовой и семейной культуре. Здесь много не только интересного (к примеру, между годом и шестьюдесятью дни рождения отмечать не принято), но и поучительного. Женщинам-читательницам будет небесполезно узнать четыре критерия *пу*,

по которым корейцы подбирали жён: «*пудок* — хорошие манеры, *пуён* — правильная манера речи, *пуёнг* — деликатные черты лица, *пугонг* — хозяйственные навыки». А знаете ли вы, что чай — ритуальный напиток корейских монахов и символ духовного пробуждения? Дарован был чай по молитве монаха-аскета Чин Пхён, просившего о напитке, исцеляющем тело и дух. На дикий чайный куст указал Будда Майтрейя. Слышали ли о кукле *сотхэ*, которая играет важную роль в корейских шаманских ритуалах очищения? Или о *танце восьми границ*, который в провинции Хамгёндо «танцевали по весне, выстраивая защиту от злых сил и гармонию между небом и землей»?..

Четырём критериям *пу* стремилась соответствовать главная героиня, родившаяся в патриархальной крестьянской семье, однако обладавшая внутренней культурой, даром отзывчивости и врождённым *нунчи*. А её супруг — учитель Ким, корейский большевик-патриот, борец против японской колонизации, был очень трудолюбив и склонен чётко следовать ритуалам, которые узаконивала власть. Если у жены мышление мифологическое, а круг интересов очерчен домом, кухней и детьми, у мужа — личное поверяется социальным камертоном и семейным долгом: учитель Ким двигался «вперёд к социалистическому будущему в полном соответствии с партийными установками».

Психология в романе сводится к мифу, магии, бытовому натурализму и политической реагентности. А помогает героине выживать — вера. Спасительность веры — главная мысль романа. И неважно, что героиня одновременно молится Есу (Иисусу), который «способен на чудо» и спрашивает советов у шаманки Танчон, никогда не ошибающейся в своих прогнозах, ядро веры — в сердечной устремлённости к добру, к помощи близким, к миру и любви. Оттого помогали Мирэ и православный крест с иконой, и магические шаманские ритуалы. Пробовала она молиться и... большевистскому политбюро: «Мирэ завернула иконку в кусок холста и пришила к заднику портрета Троцкого. Так она каждый день поклонялась и Политбюро, и Богоматери, шепча про себя молитву». Однако заменивший православный иконостас партийный олимп, редеющий и меняющий свой состав из-за судебных процессов, не мог помочь: в основу новой веры были заложены не человечность и милосердие, а жёсткий механизм, реформаторский пафос, а позже и деятельность сотрудников ОГПУ, которых корейцы называли красными тиграми. Образ тигра, важный для корейской мифологии, проходит через весь роман, трансформируясь в зависимости от сюжетных поворотов. В самом начале девочка Мирэ, тогда ещё просто Кхын Э, то есть «старшая», заговаривает хищника, точно Дерсу Узала, позже тигр распадается на три образа, имеющих источники в корейской культуре: тигр-животное, тигр-человек и тигр — посланник духа, нередко духа-защитника. После того, как муж сорвал с Мирэ православный крестик и нефритовый амулет, в неё вселился дух тигра, наделив её ясновидением и вещими снами. Текст делает интересным обильный этнокомпонент: без этого история о драматичной женской судьбе кореянки не вышла бы за рамки событийного пересказа, соответствующего

канонам новой премиальной прозы. Тем более, есть с чем сравнивать: уже полстолетия существует художественный мир Анатолия Кима, русского писателя корейского происхождения (упоминаемого среди членов «бригадного подряда») — мир поэтичной, мифологической, философской прозы. Заслуживает внимания и его автобиографическая повесть «Моё прошлое», изданная в 1998 году. Многие факты истории корейцев в России, а затем в СССР, читатель, несомненно, узнал тогда из неё впервые.

В шестидесятых годах XIX века началось переселение голодающих безземельных крестьян-корейцев на русскую территорию. Анатолий Ким рассказал в повести о своём деде, перебравшемся в Россию в 1908 году, когда уже тысячи корейских семей поселились на землях российского Дальнего Востока и Приамурья. Несмотря на испытания и бедность, род будущего классика выжил... Писал Анатолий Ким и о роковых для всех, в том числе для его близких, событиях 1937 года: советских корейцев принудительно выселили с Дальнего Востока в Казахстан: погрузили под конвоем в товарные вагоны и отправили: «насильственное переселение прямо обвиняло: виноват! Но в чём? Так до сих пор и не выяснено, в чём обвинялось корейское население Дальнего Востока». До принятия постановления о депортации НКВД провело несколько волн «чисток»: были арестованы корейцы-руководители ВКП(б) и почти все лица, принадлежащие к командному составу Красной армии, уничтожена корейская секция Коминтерна. Видимо, власть, опасаясь идейной силы старых дореволюционных кадров, не только корейских, расчищала дорогу для новой партийной номенклатуры, лояльность которой проще было купить преференциями. В романе «Мирэ» то, о чём писал Анатолий Ким, показано последовательно, шаг за шагом, поэтому проступает канва общего страха: каждый боялся стать «лишенцем» — человеком, лишенным избирательных прав, права на образование, доступа к жилью и медицинскому обслуживанию. И отчётлива парадоксальная противоречивость директив советской власти: то запрещают корейские школы, то поощряют выпуск для этих школ учебников и так далее. Отец Анатолия Кима был как раз директором школы для корейских ребятишек. А герой Натальи Илишкиной — муж Мирэ — учитель Ким, редактировал и переводил на корейский язык партийную литературу — от сочинений Ленина до работ Сталина: «героического отца, старого большевика и красного партизана» исключили из партии, а вскоре всю семью, включая детей, сослали в Казахстан.

К удачам романа можно отнести образ главной героини, а также показ отношений русских и корейцев: без идеализации, но одновременно с ненавязчивым подчёркиванием достоинств каждого из народов. И что особенно ценно, в романе нет очернения периода, предшествовавшего депортации. Мирэ была уверена, что для её дочерей Дальневосточный край стал родиной: «И детство у них было золотым по сравнению с их сверстницами-кореянками. Они никогда не голодали, всегда были одеты и обуты, их никто никогда

не попрекал тем, что родились девочками, не бил, они не знали тяжелого крестьянского труда и учились в одной из лучших школ города наравне с мальчиками, даже опережая их в оценках».

Конец романа не может не вызвать сопереживания: в застенках НКВД погибают муж Мирэ, учитель Ким, и единственный их сын, музыкально одарённый Печика. Но сама Мирэ выстоит, проживёт сто лет, и её внуки и правнуки станут счастливыми людьми.

Леонид Дубаков

Взгляд с берега

Евгений КОНОВАЛОВ. Затмение. — Ярославль: ООО «Академия 76», 2025.

Эпиграф к исторической поэме «Затмение», посвящённой российским событиям первой четверти XX века отсылает к Упанишадам, в одной из книг которых мудрец Уддалака Аруни обращается к своему сыну Шветакету, произнося знаменитую формулу «Ты есть То». Но на самом деле Евгений Коновалов, цитируя Чхандогья-упанишаду, приводит слова из лекции Григория Померанца «Метафорика духовного опыта», в которой тот, сочетая индуизм, буддизм и христианство, предлагает свой, несколько вольный перевод этого священного текста. Впрочем, и сам автор поэмы в свою очередь тоже свободно соединяет с евангельским высказыванием переделанное философом индуистское изречение.

Также нужно отметить, что индо-буддийские мотивы в поэме, конечно, не совсем индо-буддийские. Будда в «Затмении», наблюдая за покушением на Столыпина, замечает, что от зла не родится добро, от Будды, глядящего в дуло винтовки, бежит смерть, но в данном случае имя Будда можно было бы заменить на слово «Бог», и принципиально бы ничего не поменялось. Идея кармы и идея покоя, обозначенные в поэме, — это лишь попытка по-другому сказать о христианских, если не универсальных вопросах. Это художественное остранение — для поиска божественного смысла и божественной справедливости.

Поэма Коновалова рождается из напряжения времени, которое проявляется в сознании людей, спустя сто лет оглядывающихся назад, в свою историю (неслучайно она начала создаваться в 2016 году — за год до юбилея Октябрьской революции). Это поэма про повторение, про мерцающее, двоящееся время. Так, вступление рисует картину Петербурга, который предстает в образе Вавилона — города, где смешивается интернационал туристов. Город хотя и свят,

но его святость осквернена примитивностью палеолитовых движений современных человеческих сознаний, реальность в нём упрощена: наушники подобны нимбу, но нимбом, конечно, не являются, а снаружи и внутри них звучит рэпообразная и пошлая музыка. При этом прошлое проступает сквозь настоящее — звуком, цветом, запахом, взглядом античных божеств. За историей у Коновалова ворочается метаистория, и древнее чудовище государства поводит головой, выходя из сна и снова в него проваливаясь.

«Затмение» — поэма многогеройная и многоголосая. Но это не полифония в смысле единства, а скорее полифония разобщённости. Её голоса либо противоречат друг другу, либо говорят про разное. Взаимная неуслышанность и непонимание рождают катастрофу. «Затмение» складывается из разных дискурсов, часто разговорных, и фиксирует обрывки речей людей разных сословий — речей, вырывающихся из глубины и темноты истории. Отдельные голоса, из которых состоит поэма, строфы и даже строки — это как бы корпускулы смысла, за каждой из которых стоит отдельный сюжет и отдельная философия. Построение поэмы чем-то напоминает картотеки Льва Рубинштейна, но в случае «Затмения» — это аудиокартотеки.

Звуки в поэме как будто бы материальны и, как правило, диссонансны. Поэма строится на разных размерах, строфах и рифмовке. Она богата локациями, временн*ы*ми эпизодами, точками зрения, словами, рифмами, сбоями, афористическими завершениями (вроде того, что Первая мировая война с её газовыми атаками — это ситуация, когда уже к середине трагедии гибнет хор). В главе «Демос и хаос» соотносятся и противопоставляются бесовские заговорные частушки и печальные материнские молитвы. По поэме ритмами, лексикой и стихийными мотивами ходят Блок и Маяковский и вообще Серебряный век, который здесь, наряду с остальным, тоже «послание и инструмент». Так, пятая глава напоминает «Двенадцать». Насилие чёрной сотни и разгул национализма отзывается в революционном шаге двенадцати красногвардейцев, а глава «Физика и лирика», напротив, вдохновляется Маяковским — его ритмом и сердечной экспрессией. Коновалов также нашёл способ зарифмовать суровую прозу истории — прозу в буквальном смысле: п*и*сьма, манифесты, речи Николая II и Столыпина и даже лекции по истории.

В «Затмении» есть и кинематографическая оптика. Поэма выхватывает отдельные кадры, монтирует эпизоды, резко сменяет крупный и общий планы: крупным планом даются отдельные люди, а толпы на общем плане видятся многоголовыми чудовищами. Императорский портрет ложится в кровавый след. Повествование переходит от персонажа к персонажу — от улицы к царскому двору. Петербург тоже герой этой поэмы, его здания и скульптуры — словно живые зрители кровавых событий. Развёрнутые антропоморфные и зооморфные олицетворяющие метафоры оживляют мир, ставший повсеместной и повседневной войной.

Сам автор также присутствует в поэме — своими комментариями и отступлениями. Он появляется нечасто, лишь иногда обозначая своё присутствие метатекстом, например, замечанием, что рукотворному валу вторит шестистрочная строфа, или указанием на то, что герои переходят с улицы на страницы революционной поэмы. Но всё-таки он тоже участник событий. Хотя и не соучастник: его выбор — через остранение и отстранение, смотреть на происходящее с берега стремительной реки истории. Он также проявляет себя в эпиграфе, вызывающем мысли о божественном первопокое, нарушенном человеком, а также в репликах и деяниях Будды. Автор оценивает историю с позиции, близкой к консервативному либерализму: он за свободу, и мотив недостаточности этой свободы как нехватки воздуха не раз появляется в поэме. С другой стороны, он обращает внимание и на слабость государства как источник не меньших бед, чем революционный жар и вал. Это умеренный, надсхваточный, волошинский элитарный консерватизм, соединённый с отстранённым от страстей эстетизмом. Античные боги перестали существовать, но красота, способная родить гармонию, и принцип цветущей балансирующей сложности крепкого государства как идеал остались.

Евгений Ринич, один из двух главных героев поэмы, — это по сути Шветакету из эпиграфа. В контексте поэмы Коновалова это образ ученика, ищущего истину, проходящего путь от незнания и ошибок к пониманию и принятию, от внешней учёности — к внутреннему прозрению. Ринич — историк по образованию, и один из возможных выходов для человека в России — быть историком, чтобы если не предотвратить, то хотя бы понять, что происходит. Ринич — сквозной герой, он появляется то там, то здесь, касается всех узлов происходящего и везде оказывается не к месту и не ко времени. Возможно, он отчасти альтер эго автора, как минимум, потому что тёзка и тоже историк. Евгений Ринич, разумеется, нисколько не Христос, но автор, иронически оттеняя его позицию словами отрицательного персонажа «не иисуствуй», всё-таки производит это соотнесение. Герой оказывается близок Христу тем, что он на стороне внутренней эволюции, а не радикальной внешней революции. Ринич и его товарищ Мурашов — герои-антиподы. Можно ещё по-другому сказать, что Ринич, согласно замыслу автора, олицетворяет индивидуальное начало (как бы буддизм), а Мурашов — коллективное и народное (как бы христианство).

Один из главных собеседников Коновалова в «Затмении» — Достоевский. Неслучайно действие поэмы разворачивается в Петербурге, а её герои ходят по тем же углам, порогам и парадным, где когда-то ходили герои «Преступления и наказания». Сквозь петербургскую мглу проявляется будущий бунт: встреча двух друзей — дворянина и поповского сына, в которых патриархальная Русь сменяется Русью революционной, и которые желают, чтобы крови было много, напоминает о «Бесах». В строках «тешится майя, кружит сансара, на комиссаре тень инквизитора» Коновалов связывает Достоевского с буддийской философией

иллюзорности реальности и причин и следствий. А глава «Последняя встреча» — это очевидно переложенный на разлад революции «Великий инквизитор». Поэма завершается 1921 годом и ставит под конец два креста: последняя глава «Свобода» — это встреча Евгения Ринича и Николая Гумилёва, которые оба вышли на расстрел и обрели парадоксальное освобождение, по крайней мере от жестокой земной реальности.

В главе «Контрапункт» автор поэмы объясняет смысл названия. Затмение — это астрономическое явление, но также и символ: символ затмения в сознании, символ затмения Бога в голове и сердце человека. И хотя поэма описывает время начала XX века, Коновалов делает пробросы в настоящее — так, затмение проходит по оптоволокну интернета, а померанцевская метафора пены с губ небесного ангела, превращающейся в семя дьявола, показывает, что немудрое и поспешное доброделание в любой момент времени, в любую эпоху на земле, особенно в период затмения оборачивается своей противоположностью. «Затмение» — это поэма о русском прошлом и одновременно метафизическое произведение, которое задаётся вопросом о том, заложена ли внутри истории только лишь отравляющая дьявольская инвольтация или в её основе есть божественный промысел и устремлённость к добру и гармонии.

Кирилл Ямщиков

Дым без огня (после бала)

Максим ПРИВЕЗЕНЦЕВ. Маяки Сахалина: Роман. — М.: Стеклограф, 2025, 252 с.

Скандал, разгоревшийся вокруг этой небольшой книги — да и не скандал даже, так, шум, шумок, — показателен сам по себе и многое сообщает о мире победившего брейнрота: одни писатели и критики сомневаются в существовании других, а растерянные читатели (прости нас, Господи) не знают, кому и чему верить. Истоки сомнений ясны: Максим Привезенцев, предприниматель и путешественник, написал роман «Маяки Сахалина», который прошёл в короткий список премии «Ясная Поляна» и удостоился приза читательских симпатий. Так бы и затихла эта весть умеренно замеченной, да только нашлись отдельные энтузиасты, что ознакомились с текстом и увидели в нём самую обыкновенную, почти родную уже для многих нейросетевуху.

Ответом на обвинения стала заметка Привезенцева под названием «Слишком правильно», опубликованная в его блоге. Упомянув среди прочего, тройную редактуру, самопроверку на «ИИ-паттерны» и некоторые иные детали работы над романом, Привезенцев заключил, что «у рукописи тоже есть история создания, и при необходимости её можно изучить». Действительно: мы неспособны стоять у пишущего за плечом и подглядывать за абзацами — но мы вправе судить о книге по факту её существования, по сути и сумме написанного. «Если же разговор идёт о качестве текста, я готов обсуждать каждое решение. В том числе спорное, неудачное или слишком правильное». О качестве, стало быть, и поговорим.

Перед нами документальный роман с врезками романа исторического. Рассказывается в нём о байкерской экспедиции на Сахалин — по следам известных маяков, в том числе маяка Анива, запускающего, пользуясь близкой метафорикой, двигатель сюжета. Поэтически обоснованный травелог перемежается главами из жизни Бронислава Пилсудского, польского революционера, сосланного — как думаете куда? — в те же таинственные земли. Собственно, всё. Большую часть времени Привезенцев размышляет о настоящем, прошлом, их горемычном дуэте, одиночестве, памяти, судьбе и прочих достойных материях. Есть, правды ради, и третий, мифологический, элемент, но тут он представлен скорее для стиля.

«А если ты ещё и сам придумал проект — неси его до берега. “Маяки Сахалина” — не метафора, а тридцать живых огней на краю карты. У каждого свой характер, свой ветер, своя пауза. К каждому ведёт дорога, разговор, съёмка. А всё это — дни, бензин, монтаж, жильё. Стоит открыть бюджет — и от романтики дороги не остаётся ничего. Лишь таблица Excel: скелет мечты, аккуратно разбитый по строкам. Со стороны трудно поверить, но подготовка заняла больше года. И это ещё я торопился и собрал большую команду помощников».

Без помощников, конечно, не обошлось и в тексте. Привезенцев использует очень точное определение «проект» — в отношении, разумеется, контекста экспедиции, мультимедийного её освещения (плюс фильм, плюс очерк и так далее), но это же определение как влитое подходит роману. Мне нравится человеческое обоснование сюжета, мне любопытна параллельная линия с Пилсудским, мне вполне приятны некоторые диалоги («как при японцах жилось?»), но их приходится выискивать, пинцетом извлекать из довольно наваристого, уверенного в своей органике продукта неизвестного (лукавлю) происхождения, этакого печального андроида, что ещё сохранил — там где-то, на самом дне, — человеческие свои воспоминания.

Комментируя в начале заметки «гайд о признаках нейросетевого текста» за авторством литературного редактора Анны Гутиевой, Привезенцев уделяет особое внимание разделу о человеческом письме и его признаках: «Автор может одну сцену написать великолепно, следующую кое-как, найти точную деталь,

а через страницу выдать банальность. Это объясняется индивидуальностью внимания. Я понимаю претензию к безликости: бывает проза, в которой всё грамотно, всё на месте, а читать незачем. Люди довольно давно научились писать скучно без посторонней помощи. Теперь, получается, неудачную сцену полезно придержать для проверяющего». Ирония, проскальзывающая в этом замечании, остроумна, но очень жаль, что на практике она оборачивается буквализмом — ибо почти вся книга «Маяки Сахалина» представляет собой такую вот череду неудачных сцен.

Неудачных прежде всего из-за языка. Искусственный, генеративный характер большинства описаний — того, что Привезенцев и охарактеризовал как «слишком правильное», — не допускает сторонних формул, у нас тут дикое родео антитез. Начиная с элементарных неточностей, воды («маяк, в чьи стены одна эпоха впитала ртуть японских аккумуляторов»), продолжая имитацией человеческого, афористического («“достаточно” — слово, которое тушит свет в любом прилагательном», «иногда маяк — это не свет, а фамилия»), повторами, ляпсусами («этнограф, много лет проживший среди айнов, он изучал их быт и культуру, пытаясь сохранить исчезающую память нивхов и айнов», «а за стеной падал снег — будто мир снова начинался сначала») и заканчивая фундаментальным «не — а» («когда не смотришь, а прикасаешься», «его попытались разрушить — не со зла, а по привычке», «не любовь даже, а уверенность»).

Неправильность, о которой писала Гутиева, есть та же непредсказуемость — мысли, образа, волеизъявления, будничных механизмов восприятия, всего, что и относит человека к себе подобным. Про ошибки школьного сочинения (*как я провёл этим летом*) или корявый стиль Ли Вонг Яна тут не говорится. «Маяки Сахалина» постоянно сбоят, уводят от наблюдаемого, мешают проявить картинку. Сконцентрироваться на такой прозе трудно, потому что ничего, по сути, не рассказывается — гранд-метафора захлёбывается от ненужных ей географических, исторических сведений, от яростной плоти, что так и норовит покрыть шарниры и шестерни. Едва возникает мгла, намёк, антропология — какой-то повод к интересу, — механизм берёт и обрубает его в зародыше: «Староста, айн по имени Багунке, принял его у себя, усадил, налил чаю. Но разговор не пошёл. Хозяин держался настороженно, почти враждебно. Смотрел не в глаза, а мимо — будто ждал, что гость вот-вот растает, как туман». Неплохая, в общем-то, фраза, нормальная, представительная, но обязательное-художественное по типу «растает, как туман» обязательно запрыгивает и смеётся последним. Любопытная выходит ситуация: искусственному конструкту мешает органика. При том что Привезенцев, очевидно, может писать убедительно, хотя бы краткими периодами: «Внутри пахло сыростью и временем. На стенах — разводы от влаги. И всё же наверху, под ржавым колпаком, тускло, но упрямо работал световой блок. Я стоял рядом с этим светом, щурясь, и вдруг понял, кого он мне напоминает».

Кого же, спросите вы, напоминает рассказчику свет — мистериальный участковый здешнего района? «Шахтёра. Советского. Молчаливого, упрямого.

Из тех, кто выстаивал смену за сменой — не за деньги, не за славу, а просто потому, что так надо. Даже дата на табличке — 1952 — казалась неслучайной». Снова липкий поцелуй. Нейросеть облекает в слова усреднённое представление об изящной словесности, где нельзя без темпа, пафоса, громогласных итогов утра, дня и вечера; где обязательно нужно проводить какие-то аналогии и даже выкраивать звукопись («недели хватило, чтобы этот ритм вселился в виски»). Самуил Маршак сказал как-то про Андрея Белого, что воспринимать его «сложную размеренную прозу было так же утомительно, как ходить по шпалам», но у Белого главенствовала архитектура стиха, пения, мелодекламации, терпеть эти шпалы хотелось и получалось.

Даже условный «телеграфный стиль», парцелляции и Дос Пассос не срабатывают в кодексе нейросети, потому что алгоритмизируются, прикипают к себе любимым. Если ты из главы в главу тянешь мучительную привычку хорошего вкуса (ведь иначе-то и не воспримут, поди), то рано или поздно эта привычка сгниёт анекдотом. Никак его не скрыть в главах о Пилсудском — слишком велика пропасть историзма, стилизации, как бы подразумеваемой романом (или художественным повествованием) о *тех временах* и пьяненьким спотыканием об извечные механизмы, винтики и шпунтики. До издёвки доходит: «Каторжники падали. Надзиратель добивал их равнодушием. Бронислав всё яснее понимал: здесь человек — лишь расходный материал. Упадёшь — спишут. А на твоё место встанет очередная тень. Очередной преступник останется в шахте навсегда, под грудой камней. Здесь человек держится только тем, что не дал себе упасть».

Я вполне допускаю, что лет через десять ИИ займёт отдельные писательские трибуны — и начнёт писать на порядок убедительней различных онлайн-многостаночников и работяг от количества знаков. Сейчас, однако, это всё ещё милый инструмент для художественного развлечения — и отдавать ему на поруки столь перспективную историю кажется мне чем-то нечестным. Мы знаем дальневосточный текст и мощь его специфики — из недавнего стоит вспомнить хотя бы «Красное небо» Василия Авченко (2023), книгу пронзительной, невозможной красоты, — и тем горше наблюдать, как «Маяки Сахалина» из песни опыта опрощаются до невнятной компьютерной сходки на две персоны (автор и нейросеть, разумеющий и генерирующий), лишаются возможности прозвучать — нормальной, простите за ретроградство, литературой.

«За год работы над книгой я понял: маяки Сахалина — не просто стражи берегов. Это символы той самой тоски, что настигает нас, когда остаёмся наедине с собой. Закованные в холодное одиночество, они не бросаются в поисках спасательных шлюпок. Они просто стоят, как памятники человеческой меланхолии. И горят, разрезая темноту. Не потому, что верят, а потому, что не могут иначе. В этом свете — их единственный смысл».

Несметный «свет», всегдашние «может», «памятники человеческой меланхолии», а если углубиться, то выяснится, что «меня одели в доверие, как в ритуальный пояс» — где тут сыскать настрой, каверзу, гипотезу? Они заранее упразднены план-схемой, скормлены Железной Няне. В эфире телепрограммы «Наблюдатель» от 26 октября этого года (тема выпуска — «ИИ для писателя») Привезенцев открыто рассказывает о своём опыте работы с нейросетями (внушительном), об искренней увлечённости вопросом — задолго до появления новомодных ChatGPT, Gemini, Claud, Deepseek и так далее. Так почему бы открыто не признать факт игры, уподобления, не сказать о том, что роман, написанный тобой, написан лишь отчасти, и что всё это проект, ночная лаборатория? Тогда многие вопросы отпадут сами собой — правда, от грусти и разочарования избавиться будет тяжелее.

Книга, преподносимая художественной прозой отчётливо премиального характера (хочется сказать — «сегмента», да не буду), оказывается — при малейшей проверке качества, содержания — простым результатом любви человека и компьютера. Нестройным, предельно далёким от «правильности» и явно не осознающим, к чему все эти перебродившие ягодки цифрового стиля. При этом и обсуждают книгу из-за фактора нейросети. Убери его, вытрави — останется с десяток равнодушных абзацев, одиноких и несамостоятельных. Отсюда возникает проблема: а зачем, вообще говоря, «Маяки Сахалина» читать? Для технологического эксперимента — куце и небрежно, видна проводка; для полноценного художественного романа — тем паче, полноценное и художественное здесь лишь обозначено.

Вероятно, честный монолог о намерениях мог бы сгладить ситуацию, но ведь и сглаживать никто ничего не требует — скандал предполагался, скандала как такового не произошло. Загадочной для меня остаётся лишь подразумеваемая автором читательская компетенция: отличать нейросеть от человека, выявлять, сопоставлять, содействовать в оправдании качества. Что-то мне подсказывает, будто литература бушует совсем не про это. Факт остаётся фактом: недоверие к художественной речи будет только возрастать, и нам придётся выучиться трезвому взгляду на такого рода фокусы. Правда, не стоит удивляться, если последним из насущных вопросов окажется вопрос об авторстве, — ибо, занятые процессом создания рукописи, поднятием архивов, изучением противоречивых взглядов художника на акт творчества и его личное отношение к так называемым «генеративным моделям», мы забудем, собственно, о раскрытой книге. Какая разница, сколько тут человека и сколько тут машины?..

Владимир Александров

Способ избежать конца света

Сергей ВАСИЛЬЕВ. Обратная перспектива. — Волгоград: Изд-во «Перископ-Волга». 2025. 458 с.

В знаменитом рассказе Артура Кларка «Девять миллиардов имён Бога» тибетские монахи пытаются найти все возможные Его имена. Они верят, что, когда список имен будет завершен, наступит конец света. На помощь им приходят современные технологии, в работу включается компьютер, и в итоге конец света наступает.

Я вспомнил об этом рассказе, когда смотрел телевизионную программу о поэте Сергее Васильеве. В ходе беседы интервьюер заметила: «В твоем сборнике “Часы с кукушкой” живут 69 живых существ: из них 23 пернатых, 20 насекомых, четырнадцать животных теплокровных, пять земноводных, пять рыб, плюс черви и улитки. На равных со всей этой фауной у тебя сосуществуют 46 персонажей, из них 31 иностранец и одиннадцать — россияне».

Я подумал, а не заключается ли задача поэта в том, чтобы тоже дать имена всему сущему, согласно Александру Блоку. И конец света тогда наступит, пусть не всеобщий, а индивидуальный — конец жизни одного человека.

Сергей Васильев прожил 59 лет. Несколько последних лет жизни он готовил книгу, которую сам, несмотря на возражения друзей, считал итоговой. Книга вышла в 2025 году — практически к десятилетию со дня смерти поэта.

Называется она «Обратная перспектива». Сам поэт объяснил название так: «...Я расположил стихи, опубликованные в этой книге, в обратном порядке — от стихов последних до стихов начальных лет». Это очень неплохой способ избежать конца света, поскольку имена Бога будут исчисляться от большего к меньшему, а сама задача окажется бесконечной, подобной покрывалу Пенелопы.

К тому же, обратная перспектива зависит от местоположения наблюдателя. Эту книгу можно читать с начала до конца или с конца к началу, процесс получится непрерывным.

Тогда последнее стихотворение становится первым. Оно называется «Часы с кукушкой», той самой, у которой мы спрашиваем: сколько нам лет осталось?

Кукушка

А в доме как перед грозою! Кукушка
Кукует во всё деревянное горло,
Сбиваясь со счёта, и бешеный Хронос

Грозит ей свернуть деревянную шею.
Но поздно — сломались часы, и случилась
Ужасная штука, какая бывает

Лишь в сказках:
запнувшись на долю мгновенья,
Не больше, секундная стрелка толкает
Минутную и часовую обратно.

И вот уже время течёт удивлённо
В другом направленье —
от смерти к рожденью.
И утро внезапно кончается ночью...

А что же случится той ночью?

Если следовать внутренней логике книги, вслед за последним стихотворением будет первое.

Ночью выпадет снег: тучи сгущаются грозно,
Полчища хриплых ворон накрывают город,
А раскаяться ведь никогда не поздно,
Лишь бы снежинка скорби не легла за ворот.

В предисловии к своей итоговой книге Васильев пишет: «Смысл обратной перспективы в том, чтобы одновременно видеть предмет сразу с нескольких сторон, а еще сталкивать лбами времена и пространства». Академик Борис Раушенбах рассказывал, что именно изучение обратной перспективы на древнерусских иконах подсказало ему решение проблемы невесомости в космических полетах. Обратная перспектива в поэзии помогает эту невесомость создавать.

Душа не раз бывала в переделке,
Рискуя уронить и расколоть
Бессонных звёзд стеклянные гляделки
И имя Бога, взятое в щепоть.
Ей не понять, что за её проделки
Не в состоянье расплатиться плоть.

Цитировать стихи Васильева легко и трудно. Легко, потому что слабых стихотворений практически нет. Трудно, потому что почти невозможно

обнаружить главные программные тексты. Отдельные строчки как будто растворяются в общем потоке жизни.

Флоренский Павел как-то говорил,
Он говорил: «Любой из нас — проект,
С любовью созданный великим Богом.
А как проект мы этот испохабим,
Зависит лишь от каждого из нас...»

Я думаю об этом и печалюсь.

Сергей Васильев — поэт песенной блоковской традиции, хотя, может быть, точнее сказать до-блоковской. Его Муза предпочитает пребывать в компании классицистов и ранних романтиков, отсюда его излюбленные жанры — элегия и стансы. Чтение его книги — некое подобие сентиментального путешествия вместе со Стерном и Карамзиным, а его время — эпоха Просвещения. И в этом тоже смысл обратной перспективы: при движении вспять вещи не развоплощаются, но теряют свои имена, и их необходимо придумать заново.

Что делать в день Лицея, подскажи —
Да Пушкина читать, читать и только.
И пусть луны обещанная долька
Залезет в рот, ты только не тужи:
Она, лимонная, тебя ведь не обманет
И над судьбой смеяться не устанет.

Это ведь о Пушкине, читающем Мандельштама, поскольку при обратной перспективе Мандельштам становится предшественником Пушкина, а не наоборот. И о поэте Сергее Васильеве, который сам становится предшественником и Серебряного, и Золотого веков русской литературы. Разве это не залог бессмертия?

Но нет. Эта традиция сама по себе очень опасна, поскольку подобна стихии. Она не церемонится со своими последователями. Она не пожалела ни Пушкина, ни Мандельштама, ни верных ей поэтов нового времени, таких, как Денис Новиков, ушедших раньше положенного срока. Элегия требует жертв.

И мнится мне, что очередь за мной,
Теперь меня зовёт твой милый Дельвиг,
Он не хотел ни славы и ни денег,
Но смерть его стояла за спиной.

Это следующая строфа из стансов Васильева «19 октября», его собственного 19 октября, которое он проживает вместе с Пушкиным и всеми его предшественниками и потомками. Если ты перечисляешь имена Бога, ты должен быть готов к концу света.

Один из циклов, включенных в книгу, называется «Уроки античности». Его герои поименованы: Гераклит, Парменид, Анаксагор, Зенон, Платон, Аристотель, Сенека, Эпикур, Демокрит, Диоген, — весь пантеон великих мыслителей древности. Но это не энциклопедический справочник и не демонстрация вовлеченности в классическую философию. На мой взгляд, смысл всего цикла сосредоточен в одном четверостишии:

И пусть тебе покамест не по чину
Философа надменно разбирать,
Ищи во всём заветную причину —
Причину жить, причину умирать.

Собственно говоря, об этом вся книга «Обратная перспектива», избранная автором как способ познания мира. И как подсказка читателю.

Елена Сафронова

Сборник остановленных мгновений

Александр ЛИВЕНЦОВ. День поперек недели: Роман. — М.: Альпина нон-фикшн, 2026. — 316 с.

У книги прозаика Александра Ливенцова «День поперёк недели» весьма редкая биография. Эта крупная форма состоит из рассказов и повести, львиная доля которых (девять из одиннадцати текстов!) до этого вышла разрозненно в литературных журналах.

Так, в «Знамени» выходили «Под столом» и повесть «Там нет времени, нет смерти» (отсылающая к прежде напечатанному рассказу). В «Звезде» увидели свет малая проза: «Смычок», «Балкон на пятнадцатом этаже» и «Мой папа писатель». А «Урал» произвел два залпа парных публикаций: рассказы «Золотая пыль» и «Мультики по воскресеньям» и затем «День поперёк недели» и «Посидеть на дорожку». В сборнике эти тексты идут друг за другом. Ранее не публиковались «Перейти на личное» и «Отстой», вставшие на свои места только в книге.

Рассказы печатались поодиночке в разных изданиях, а это значит, каждый текст Ливенцова — сюжетно и идейно завершённая история. Но, соединенные в сборник в определённой последовательности, они, помимо «микросмысла»

рассказов, обрели ещё и «макросмысл» цельной композиции. То есть издательская аннотация неточна в жанровой дефиниции: «День поперёк недели» — не просто роман, а роман в рассказах, и это важно.

Повесть с пышным заглавием «Там нет времени, нет смерти» мне уже довелось рецензировать[1]. По ходу чтения этой вполне фельетонной истории из современной российской литературной жизни (главный ход — ридер заштатного литературного конкурса послал на него под псевдонимом Александр Ливенцов подборку рассказов Ливенцова же под общим заглавием «День поперёк недели», но был разгадан и наказан членом жюри, по совместительству своим наставником) напрашивался вывод: «...Ливенцов написал эту вещь <...> чтобы литературно поиграть со “смертью автора”, теоретизированной Роланом Бартом в одноименном эссе 1967 года. Правда, Барт не “убивал” автора физически. <...> Ливенцов же едва ли не “истребил” себя в собственной повести, низведя до фантома. Зато рукой Никиты он фактически создал метапрозу о том, как писал свои рассказы».

А еще ближе к концу «Там нет времени...» наставник Валентин Варламович дал воспитаннику Никите совет, как поступить с россыпью рассказов (которые, вообще-то, презирает и настраивает слушателей своих курсов на служение романной форме). Валентин Варламович рекомендовал затянуть цикл малых историй «общим контуром» и подать как повесть. По книге «День поперёк недели» очевидно: Ливенцов так и сделал. Что пробуждает любопытство: если в образе Никиты зашифрован прозаик Ливенцов, то кто же скрыт под личиной ненавистника рассказов Валентина Варламовича?.. Писатель отговорился: мол, Валентин — это коллективный разум литпроцесса. И не придерёшься! Действительно, рассказы и повести сейчас настолько издательствами не востребованы, а литературных толстяков на всех «рассказчиков» не хватает, что пишут их лишь камикадзе... Так что абстрактный Валентин Варламович проговорил носящиеся в воздухе мысли. Но и дал Александру Ливенцову дельный совет. Выход в престижном издательстве книги рассказов в качестве романа (уж не оговорка ли «по Фрейду» в выходных данных?..) свидетельствует о возможности успешных прорывов малой формы. Берём на вооружение!..

Но, разумеется, далеко не со всякой «россыпью рассказов» можно так поступить. Собрать в повествование можно лишь тексты сюжетно, идейно, концептуально и стилистически близкие. Благо, у Ливенцова сквозной сюжет книги — взросление мальчика в 90-е годы, подростковый возраст в начале «нулевых» и середина жизни в наши дни. В общем-то, типичный «роман взросления», если не полностью автобиографичный, то уж автопсихологический — сто процентов. С другой стороны, роман взросления в рассказах, каждый из которых «останавливает» то или иное мгновение, а в финале автор едва не теряет собственное «я» — не совсем типичен.

[1] См.: «Автор поперёк себя», «Урал», № 3 — 2026.

По прочтении романа-сборника целиком концепция меняется радикально. Естественно, никакой «смерти автора» тут и близко нет. Напротив, автор-рассказчик присутствует на протяжении всех пунктирно выстроенных текстов живо, эмоционально и местами исповедально. В первом случае я переоценила элемент игры с авторством в повести, вырванной из контекста. И, пожалуй, рада этому. Эксперименты с авторством могут быть интересными, щегольскими, парадоксальными — но они крайне редко бывают душевными, трогающими, вызывающими сочувствие. Герои романа в рассказах «День поперёк недели» вызывают преимущественно встречные чувства, вплоть до сострадания. Прежде всего сочувствия достоин сам рассказчик — живущий в неполной и небогатой семье, застрявший сознанием и мировоззрением между городом и деревней, мающийся желудком («В свои десять лет я привык пить таблетки по расписанию...»), вечно таскаемый по поликлиникам и насильно укладываемый в больницу, проходящий в школе традиционное боевое крещение двойками, мальчишескими иерархиями, драками, первой тягой к девочкам и первыми стаканами спиртного, пишущий плохие стихи, которые все хвалят, с огромным трудом устроенный на предвыпускные классы в специальную «математическую школу, более подходящую для мальчика», но годом позже элегантно выпровоженный из неё из-за неспособности к предмету, и даже во взрослом возрасте не полностью самодостаточный: «Я не вникаю в расписание, не помню дат, фамилий, сроков — всё во власти жены, я её щупальце, одно из». Добавим, что героя во всех рассказах зовут Александр, и только в повести — Никита, и с его инкогнито мы уже разобрались.

Такие биографии выпали множеству россиян обоего пола, переживших перестройку и 90-е. Сочувствие к Александру амбивалентного происхождения: и синдром мгновенного узнавания, и отклик на повествование, которое Ливенцов ведёт убедительно и чутко. Его стилистика идеально соответствует сюжету хроник слегка «неудельной» и небогатой на радости и удачи жизни. Благодаря местами почти разговорной речи, оптимально смотрящейся в репликах от первого лица, автор создает достоверные образы людей, а не просто типажей 90-х: «Ярик сплюнул. В песчаной ямке уже обжилось поселение его плевков.

— Буду торговать, Саня. Купил-продал. Посмотрим. На стройку я не вернусь и в челноки — не дай боже. Буду торговать. На стройке спиваются. Цемент по жаре таскать — это иначе как с бутылкой не вывезешь. <...> А челноков грабят, сажают — мне недели хватило. Неделя турецкой тюрьмы снимает вопросы. Никаких больше прорабов и границ. В жопу».

Ливенцов выстраивает оптику повествователя так, чтобы не оказываться самому всё время на переднем плане — и это в лучшую сторону отличает его текст от надоевшего «травмоговорения». В его рассказах наряду с центральным растущим героем действуют его родные, друзья, одноклассники, учителя сына, коллеги по перу... Многие из этих действующих лиц тоже взывают к жалости читателя. Например, бабка с дедом в их глазах, «брошенные» неблагодарной

дочерью, Сашиной мамой, в деревне: «В те дни бабушка часто повторяла: “Была дочь, а станут письма от дочери”. Дед чуть что лил слезы, легче ему становилось только после вечернего стакана». Сама эта дочь, так и оставшаяся без женского счастья — «крепкого мужского плеча». Отец Саши, ушедший из семьи в никуда, так и не женившийся снова и спустя много лет приехавший к сыну умирать от рака. Деревенские жители, разномастная родня Сани, пытающиеся сменить «малую родину» на бизнес или заработки на северах и спускающие все доходы до копейки. Даже маргинал Петя, которому посвящен жёсткий рассказ «Отстой», явный референс «новому реализму» начала нашего тысячелетия. В безыскусной истории Петя отмечает «днюху» вместе с Саней и «хочет праздника», но у парней нет ни денег, ни сигарет, и «торжество» начинается, лишь когда Петя догадывается взломать коммерческий киоск: «В руках его были пачка “Лаки Страйк”, плоская бутылка коньяка вроде фляжки и литровая “Фанты”. Последнюю он на бегу сунул мне, когда я нагнал его». Пьяный именинник не хочет домой и уплывает в рассвет на забытой кем-то у городского пруда лодке — а так как история начинается с прощания с Петей в ритуальном зале, мы понимаем, что когда-то, на заре туманной юности, он выбрал себе вместо жизни лодку Харона... И этого колоритного представителя городского быдла становится тоже жаль, как и его дружков, на похоронах не умеющих найти иных слов вослед усопшему, кроме однообразного мата.

Некоторые исповеди весьма фантастичны, однако абсолютно логичны в глазах фокального героя и получают развитие через много историй (и лет), ведь Саша будущий писатель, как бы он не отнекивался и не скромничал. Такова линия домового, обитающего... в московской квартире мальчика и его мамы. Когда сын был еще в младших классах, они сделали перестановку на кухне; сразу затем в доме стали пропадать вещи. Деревенская бабушка авторитетно объяснила, что так шкодит рассерженный домовой, а разгневало его то, что в тёплый кухонный угол у батареи, где шишок жил, втиснули кресло. Задобрить домового удалось бабушкиным способом — конфетами и резаным салом, поставленными под кресло на тарелочке. Насытившись, дух вернул все мелочи, что спёр у хозяев. А лет через десять мама задумала менять однокомнатную квартиру на двушку в интересах сына-студента — и перед самым отъездом сын решил тепло попрощаться с домовым... и снова столкнулся с небольшим домашним волшебством.

«Я шагнул к пуфику, склонился — дыры не было. А были уложенные под пуфик, в стопку, идеально расправленные фантики от конфет и фольга от сала. Шов снизу доверху сросся, как новенький, и главное — изнутри. Я вытер пот со лба, зажмурился, вспомнил, что третий год получаю высшее техническое образование, постигаю законы физики, осваиваю разложение Фурье».

В конечном счёте именно сказочка про домового, стоящая поперёк реалистичного дискурса, превращает роман в рассказах Ливенцова из бытописания — в писательство. Мне даже хочется, чтобы следующие вещи автора были более «сочинёнными», отстоящими от реальности, но сохранившими тот же нравственный посыл — умение видеть, слышать и любить своих героев.

Михаил Липкин

Шеф из Страны Саха

Иннокентий ТАРБАХОВ. Маэстро якутской кухни / Олег Сидоров. — М.: Молодая гвардия, 2026. — 287[1]с.: ил. — (ЖЗЛ: Биография продолжается…: сер. биогр.; вып. 55).

И для автора, Олега Сидорова, и для издательства «Молодая гвардия» книга об Иннокентии Тарбахове — событие знаковое, хотя не так-то просто сформулировать, в чём эта знаковость заключается. Это далеко не первая биография деятеля якутской культуры в серии «Жизнь замечательных людей» и её подсерии «Биография продолжается», и издательство положительно относится к продолжению якутской «линии», для автора же, Олега Сидорова, автора нескольких книг в ЖЗЛ о представителях Якутии, ещё одна биография видится естественным продолжением творческого поиска. Уже вышли в ЖЗЛ его «Платон Ойунский» и «Максим Аммосов» об основоположниках якутской культуры в области литературы и общественно-политической деятельности; в «Биография продолжается» вышли книги о первом Президенте Республики Саха Михаиле Николаеве (ещё при его жизни) и одновременно с «Иннокентием Тарбаховым» — «Борис Неустроев — Мандар Уус», о мастере-самородке, кузнеце, давшем и родной Якутии, и всему миру возможность по-новому взглянуть на якутскую культуру и её традиции. Но книга об Иннокентии Тарбахове на первый взгляд представляется неожиданной даже при сопоставлении с книгой о Мандаре Уусе.

Впервые узнав об Иннокентии Тарбахове, я, поскольку больше занимаюсь Ближним Востоком, машинально отметил сходство его фамилии с арабским и ивритским словом «таббах» — повар, и тут же, открыв книгу, с изумлением узнал, что он и есть повар. Просто повар. Ну ладно, шеф-повар. Да, изготовитель чудесных блюд и возродитель якутской национальной кухни, но тем не менее это первая книга во всей серии ЖЗЛ, посвящённая кулинару. Сам вид деятельности считался и считается слишком уж прикладным, повседневным, и чтобы понять историческое значение деятельности Тарбахова, надо обратиться ко всей истории Якутии последнего столетия.

В конце XIX — начале XX века в Якутии появилось новое поколение уникальных, удивительных людей. Вчерашние ученики церковно-приходских школ вдруг оказались замечательными литераторами, историками, этнографами, общественными деятелями. В какой-то мере это объясняется общением коренного

населения Сибири с образованными политическими ссыльными, которые организовывали школы для детей и взрослых и вели научные изыскания, но только этим обстоятельством объяснить такое явление нельзя. Платон Ойунский, Гаврил Ксенофонтов, Алексей Кулаковский-Екселюлях, Максим Аммосов и другие в первые послереволюционные десятилетия оставили яркий след не только в якутской, но и во всей многонациональной советской культуре и науке. Однако амбивалентность советской реальности была не только благоприятной для такого рода явлений и персоналий, но и прямо-таки совсем наоборот. Представители этой уникальной плеяды в 30-е годы уничтожались, их работы шельмовались и запрещались, само сохранение памяти о них было небезопасным. С оттепелью 60-х, а позднее с перестройкой, ситуация выправилась, но и в литературе уже было поздно возвращаться к традиции Платона Ойунского, и в политической жизни вопрос о статусе Якутии в составе России предпочитали не затрагивать, да и в экономике руководство не только с облегчением вздохнуло, когда страна отказалась от слишком уж бесшабашных проектов советских времён, но и некоторые традиционные программы урбанизации и развития были пересмотрены в сторону сохранения природы и отказа от совсем уж радикальной ломки традиционного образа жизни якутян. Частью этого образа жизни как раз и оказалась гастрономическая традиция.

В обывательском представлении не слишком сведущих россиян Якутия — это вечная зима и холод, тайга и снег, оленьи упряжки — ведь самый массовый сувенир из Якутии обычно представляет собой магнитик с оленем. Между тем олени с тайгой вообще плохо сочетаются, якуты же в основном традиционно коневоды, селившиеся в поймах рек и сочетавшие коневодство с охотой, рыбалкой и собирательством.

Иннокентий Тарбахов как раз и возрождал гастрономическую традицию, связанную с образом жизни, традиционными праздниками и вообще всем тем, что принято называть национальной идентификацией. Хотя вряд ли он с самого начала думал именно об этом и в таких терминах. Биография рисует нам образ человека, нашедшего себя в своём деле и обнаружившего, что у него получается, и даже лучше, чем у других, и людям это нравится, и востребованно. Примечателен эпизод встречи Тарбахова с Борисом Неустроевым (Мандаром Уусом), случайно оказавшимся в сельской столовой. Тот восхитился разнообразием и номенклатурой блюд, с энтузиазмом взял больше, чем мог съесть и, поговорив с поваром, сразу признал «своего». Для успешной реализации начинаний самого Тарбахова ещё большее значение имело совпадение его планов с политической линией руководителя республики Михаила Николаева. Как уже говорилось, Олег Сидоров посвятил Николаеву отдельную биографию, но не раз и не два этот образ появляется и на страницах книги об Иннокентии Тарбахове. Якутия должна заявить о себе — но как? Репрессии 30-х годов остались болезненной раной в исторической памяти, и лучше было лишний раз её не бередить,

экономические проекты пребывали в полной зависимости от Москвы, а инициатива если и поощрялась, то без энтузиазма — и вот же, самый простой, естественный и безопасный путь нашло руководство: гастрономия, то, что люди едят каждый день, как и в случае с Мандаром Уусом — вещи, просто вещи, которые мы постоянно используем в жизни, но эти вещи в исполнении мастера на основе народного опыта позволяют говорить о металлургии и о кузнечном деле в якутской традиции, о мастерстве и искусстве. Так и Тарбахов — конечно, изысканные блюда его рецептуры не каждый день появлялись на столе простого якута, скорее, речь должна идти о кухне богатого тойона, но Тарбахов как раз приблизил эту кухню людям, сделав её доступной для всех. Конина (жеребятина) и строганина, сладости из лесных ягод и добытое охотой — лосятина, лесная дичь, десятки рыбных, мясных, молочных и иных блюд, с особым вниманием к традиции, связанной с национальными праздниками, — таков Тарбахов. При этом не игнорируется и кулинарный опыт соседних народов — эвенов и эвенков, юкагиров и долган — самый близкий к якутам по языку и традиции народ, но отличающийся по образу жизни: они-то как раз оленеводы — и оленина занимает своё место в кухне Тарбахова, ставшей одним из символов или, как теперь принято говорить, брендов Якутии.

Жаль, маловато рецептов цитируется на страницах книги, а из того, что приводится... ну всё-таки не каждый возьмётся приготовить конскую голову даже при детальном описании. Однако это не первая книга о Тарбахове, и его коллеги легко найдут те издания, где он сам делится опытом и приводит сотни рецептов. Второй особенностью книги, которую наши читатели воспримут с сожалением, я могу назвать некоторую отстранённость, даже сухость авторской интонации. Автор, избегая конфликтных историй и любого драматизма, однако не избегает даже и повторов, концентрируясь на положительных моментах, успехах, неоднократно и даже несколько настойчиво отмечая роль Тарбахова в развитии Якутии, и биография, то есть жизнь человека, приобретает сходство с юбилейной газетной передовицей. Что ж, это, пожалуй, естественно для такого случая, когда книга выходит в серии «ЖЗЛ: биография продолжается». Но тут же собраны свидетельства, приведены ссылки на опубликованные и устные воспоминания, чем подчёркивается строго документальный характер повествования. Остаётся только пожелать и автору, Олегу Сидорову, и герою, Иннокентию Тарбахову, дальнейших успехов во всех областях их деятельности на благо Якутии и всей нашей страны.

Евгений Абдуллаев

Без посредников?

Есть ли сегодня литературная критика? Смотря по чему судить.

Если, скажем, по премии «Неистовый Виссарион», то очень даже есть. Семьдесят две персоналии в длинном списке этого года. Треть имен в нём, правда, мне совершенно неизвестны (но это, возможно, моя проблема — что-то проглядел), некоторые имена — известны, но не в качестве действующих литературных критиков. Прозаик Шамиль Идиатуллин, например; или театральный критик Павел Руднев... Впрочем, чт*о* такое сегодня действующий литературный критик — ещё один вопрос.

В любом случае, сказать, что литературных критиков сегодня мало, нельзя. И тем более, что нет — или мало — литературной критики. Есть издания, где она публикуется. Есть секции по литературной критике при союзах писателей. Есть, уже пятый год, яснополянская Школа литературной критики имени Валентина Курбатова.

Публикуются даже книги критиков — что ещё лет десять назад казалось уходящей натурой. За последние два года вышли «Цель поэзии» Алексея Алёхина, «Пружина. Статьи о поэзии» Игоря Гулина, «Кто держит небо» Анны Жучковой, «Неотрадиционализм в современной русской поэзии» Владимира Козлова, «25 писем о русской поэзии» Бориса Кутенкова, «Книга отзывов и предисловий» Льва Оборина... И это ещё не всё упомянул.

Поколенческий спектр — пожалуйста: от Ирины Роднянской (1935 года рождения) — до двадцатитрехлетнего Данила Шведа. Территориальный охват — тоже: пожалуйста. От Владимира Козлова в Ростове-на-Дону — до Василия Ширяева в поселке Вулканном на Камчатке. Жанровое разнообразие? И с этим неплохо, даже стало богаче. К «бумажной» критике добавилась сетевая: литературные подкасты, книжные блоги...

Так в чём же проблема?

Не в количестве критиков и производимых ими текстов. И даже не в качестве этих текстов — хотя, на мой вкус, критика за последние лет десять стала более водянистой; почти ушли стилистическое изящество, полемический запал, внятность эстетической позиции...

Но и это — не самое важное; это скорее следствие.

Изменилось качество *самой* критики.

Как недавно заметил Андрей Гелианов: «Невозможно избавиться от ощущения, что глобальное сближение и перепутывание потребительского отзыва и критической рецензии <...> поглотило всю книжную культуру как в России, так и за рубежом» («Горький», 8 июня 2026 г.).

Вот именно.

Критик — это *посредник* (сейчас буду говорить вроде бы очевидное). Если это литературный критик — то это посредник между автором и читателем. Он обращает внимание читателя на важные (по его мнению) книжные новинки. Он предлагает читателю свою оценку их. Он является каналом обратной связи и для автора, выступая в качестве квалифицированного читателя.

В некоторые исторические периоды и в некоторых странах критик мог выполнять еще и посреднические функции между читателем и автором — и политической властью (как это было, скажем, в Советском Союзе). Или между читателем, автором и издательским бизнесом... Или, например, между читателем, автором и церковью (например, американский католический журнал The Lamp или отечественное «Православное книжное обозрение»).

Количество и вес дополнительных звеньев менялись. Но два звена, между которыми критик выступал посредником — автор и читатель, — были постоянными.

Всегда ли этот посредник нужен?

Когда в нулевых я начинал всерьез заниматься литературной критикой, ответ был однозначным: «Да». Хотя и тогда за критические статьи платили всё меньше (но ещё платили), и читали их за пределами литературного цеха всё реже (но ещё читали).

А дальше... Дальше стал меняться читатель. Точнее, *продолжал* — но уже стремительно. Читал всё меньше художественной литературы. Но это лишь часть проблемы, лишь количественная её сторона.

Более интересны качественные трансформации.

С возраставшей атомизацией общества всё сильнее атомизировалось и читательское сообщество. Прежде критик — если он, конечно, не публиковался в каком-то специализированном издании, — обращался к относительно недифференцированной, условно-единой читательской массе. Она могла быть предельно абстрактной (читатель вообще), могла быть более определенной («советский читатель», «массовый читатель», «юный читатель»). Она могла быть и довольно ограниченной — когда критик писал для андеграундного (в позднесоветское время) или малотиражного (в доинтернетные 90-е) издания...

Всё же читательская аудитория, к которой, в качестве посредника, обращался критик, воспринималась им как относительно цельная: объединенная не только общими читательскими интересами, но и общим социально-культурным бэкграундом. Этнические, религиозные, гендерные, поколенческие и прочие различия и идентичности при этом не учитывались.

Теперь с этим сложнее. Читательская аудитория всё более распадается на множество мелких «аудиторий», между которыми порой даже нет общего «коридора». Общее поле, объединяющее их, и прежде несколько условное, исчезает на глазах. Читатель не то чтобы активно заявляет о своей читательской идентичности, сколько (как и в маркетинге) ожидает, чтобы критик её учел, а ещё лучше — выразил для него.

Важное различие. Прежде литературная критика выполняла в том числе и определенные образовательные задачи. Сегодня же...

«Иногда кажется, что задача критического освещения <...> состоит не в том, чтобы формировать вкусы аудитории, а в том, чтобы каким-то образом отражать их для неё <...> И это очень большое изменение в том, что понимается под миссией критики».

Это цитата из колонки Шарлотты Кляйн в The New York Magazine «Нужна ли вообще масс-медиа культурная критика? («Do Media Organizations Even Want Cultural Criticism?», 8 сентября 2025).

Нет, отражение читательских вкусов (и их учет) имело место в критике и раньше. Будучи посредником, критик не только был «голосом автора» (раскрывая перед читателем смыслы, заложенные в тексте), но и «голосом читателя». Оценивал этот текст в том числе и с позиции читательской аудитории, её предполагаемых настроений, ожиданий и предпочтений. Другое дело, что этот второй «голос» был прежде именно *вторым*, второстепенным, порой едва слышным. Преобладал первый, «авторский». Теперь, похоже, они по своему значению меняются местами.

Но читатель не просто всё более атомизируется. И не просто стремится быть более услышанным в «диалоге» с автором. Читатель всё более стремится сам установить этот диалог. Выступить квази-критиком.

И это, могут возразить, тоже не новость. Подобная «низовая критика» существовала и раньше. В виде «письма в редакцию», с отзывом на прочитанную книгу (статью, подборку стихов), с элементами критического разбора. Некоторые из таких писем имели шанс быть опубликованными. Но чаще отправлялись в редакционный архив, а оттуда, со свистом, в макулатуру.

Сегодня же... Нет, почему сегодня? Уже давно, лет двадцать, а то и больше; как только появилась возможность публиковать отзывы на литературные тексты в Сети. Но пока еще были достаточно сильны и влиятельны толстые литературные журналы, а в крупных газетах еще были литературно-критические колонки, эти «голоса из хора» особенно серьезно не рассматривались. Важнее было, что скажет о том или ином тексте тот же Андрей Немзер. Или Алла Латынина, Наталья Иванова, Сергей Костырко, Евгений Ермолин, Майя Кучерская, Лиза Новикова...

Но время шло. С какого-то момента читательские отзывы стало возможным размещать на сайтах крупных издательств, книжных интернет-магазинов

(вроде «Лабиринта») или цифровых сервисов (вроде «Литреса»). Разумный маркетинговый ход. Товар — рядом отзывы его потребителей (читателей)...

«Но время шло, и старилось, и глохло...» Влияние толстожурнальной критики (как и самих толстых журналов, оказавшихся на голодном пайке), убывало; влияние читательских отзывов возрастало. И эти отзывы, сопровождаемые читательским рейтингом (в виде баллов), для издателей и книгопродавцев (и что важнее — для самих читателей) служат гораздо более понятным ориентиром, чем подробнейший критический отклик на страницах «Знамени», «Звезды» или «Нового мира».

Впрочем, такие подробные разборы и в «толстяках» встречаются всё реже. Времена, когда «Континент» (2007, № 133) публиковал отклик Юрия Малецкого на «Даниэля Штайна, переводчика» Людмилы Улицкой[1], занимавший более двухсот (!) страниц, ушли безвозвратно. Согласен, такие критические полотна и тогда были исключением. И всё же. Разбор книжной новинки на шесть-семь-восемь-девять страниц было делом обычным. Скажем, в рубрике «Книга как повод» в «Знамени», где в начале того же 2007-го был напечатан подробный и едкий разбор нашумевшего тогда романа Сергея Минаева «Duxless»...

Нет, эта рубрика не исчезла. Просматриваю, что было опубликовано в ней последние два года, с осени 2024-го по осень 2026-го. Немало. Отклики на биографии Михаила Булгакова и Георгия Иванова, на посмертный сборник критики Сергея Костырко, на воспоминания Давида Самойлова, на переиздание прозы Лидии Чуковской, на сборник, посвященный Виктору Сосноре... Очень хорошо. Но всё это — нон-фикшн. А фикшн? Никаких книг, которые могли бы стать поводом для разговора, не вышло?

И это не упрек. Это констатация. Сам уже не припомню, когда в последний раз писал развернутый отклик на художественный текст, шире обычного рецензионного формата. Или проблемную статью объемом шире этих дружбинских «барометров».

Но это лишь один из симптомов. Главное — потеря востребованности самой профессии литературного критика.

«Один из классных и грустных итогов 2025 года — появление целой плеяды талантливых молодых критиков. Почему итог классный — не нужно объяснять, хотя для такой самоочевидности приходится набрать в легкие некоторого идеализма. Грустный — потому что, кажется, абсолютно не соответствует запросам литературного поля... На глазах в артистичного и умного критика, умеющего тонко соединять «далековатые» контексты, вырос Егор Евсюков; очень интересно и ярко работают Михаил Бешимов, Евгения Либерман. Есть и другие, в ком явно видишь талант и для кого нет стимула делать критику своей профессией и ставить “на долгую”» (Борис Кутенков в своём ТГ «Тонио Крёгер», 6 декабря 2025 г.).

В чём же дело?

---

[1] Внесена Минюстом РФ в список иноагентов.

В том ли, как писала Анна Жучкова еще в 2018-м, что «великанов литературной критики победили карлики книжной»[1]?

Лестно, конечно, ощущать свою принадлежность к «великанам», пусть даже побежденным... Да и книжные критики очень разные — скажем, Константин Мильчин или Наталья Ломыкина — уж точно не «карлики»; в каждом сегменте есть свои иерархии. Но смещение фокуса с литературы «вообще» и читателя «вообще» — на отдельные книги и отдельные целевые группы читателей, да, действительно, произошло.

И процесс не остановился. Следующий шаг, который мы последние лет семь-восемь и наблюдаем — это уже постепенная победа критика-читателя над книжным критиком. Точнее, даже не победа, а сращение.

Критик-читатель пишет и/или говорит о книгах порой не хуже, а то и лучше условных профессионалов. Например, Майя Ставитская: «предприниматель, мама двух взрослых детей, постоянный колумнист LiveLib, читает несколько сотен книг в год (и пишет на них рецензии!), ведет каналы “Book Addict Читаем с Майей” в telegram на Дзене» (из информации на сайте LiveLib).

Всё более активны сотрудники библиотек. Раньше на страничках библиотек в соцсетях просто копипастились аннотации из поступивших книг, сейчас библиотекари всё чаще ведут книжные подкасты, выкладывают записи «читательских конференций». Средний уровень до профессионального здесь пока не дотягивает; но тут, возможно, ключевое слово — *пока.*

Это, кстати, тоже отчасти объясняется экономическими причинами. С начала 2010-х заметно увеличилось госфинансирование библиотек (что, безусловно, хорошо). Библиотеки сегодня играют всё более заметную роль в литературных проектах: премиальных, фестивальных, образовательных, многие из которых они и инициируют...[2]

С другой стороны, есть ещё один социальный институт, где так же, по идее, следят за современным литературным процессом и анализируют его. Это филологические факультеты. Но здесь критика почти полностью поглощена литературоведением — что близко, но не одно и то же[3].

Какой же должен быть из всего этого вывод? Критик как посредник более не нужен? Постепенное исчезновение профессиональной литературной критики (в том виде, в каком она существовала в России последние лет двести) и сохранение её в виде «читательской» критики и литературоведческих штудий? Или же она всё же сохранится? Или возникнет нечто третье? Ответа у меня нет. Просто приглашаю подумать.

---

[1] *Жучкова А.* Кто держит небо? Статьи о русской литературе XXI века. — СПб.: Алетейя, 2026. С. 129.

[2] Например, ежегодные книжные фестивали «Книжная Сибирь!» (Новосибирск), «Читай, Ижевск!», «Томская книга»; уже упомянутая премия «Неистовый Виссарион» (Екатеринбург)...

[3] Процитирую из давней, 2004 года, статьи Алексея Алёхина (републикованной в его недавней книге): литературоведение занимается «уже состоявшимися явлениями культуры, осмысливая, анализируя и определяя их место в исторической перспективе постфактум», критика же оценивает тексты, «“в режиме реального времени” — как раз и пытаясь разобраться, есть ли тут явление искусства, состоялось ли оно» (Алёхин А. Цель поэзии: Статьи, рецензии, заметки, выступления. — М.: Время, 2024. С.73—74).

Борис Минаев

Бальзаминов снова женится

«14 января 1853 года стоял в Москве сильный мороз.

Освещенный вечерними огнями Большой театр с взметнувшейся над ним квадригой коней ждал зрителей на первое представление комедии “Не в свои сани не садись”, даваемой московскими императорскими артистами “в пользу актрисы г-жи Никулиной-Косицкой”.

По углам заснеженной Театральной площади сияли сквозь морозную мглу “варшавские” спиртовые лампы на чугунных столбах. Фонари эти, напоминавшие чёрную букву “Г”, были в Москве новинкой. Пустынные просторы площади имели своим единственным украшением фонтан мытищинского водопровода.

Хочу вообразить себе этот театральный вечер...

Летели с горок по Тверской и Кузнецкому мосту, ныряя на ухабах, парные сани, стояли на запятках выездные лакеи в ливреях и шляпах с позументом... Торопили “ванек” опаздывавшие к началу бритые чиновники с женами, мелькали в санях кивера и ментики военных...

И, кутаясь в шубки и шали, ныряли в ароматную теплоту ярко освещенного вестибюля дамы, легко поддерживаемые под руку своими спутниками в шубах с бобрами и гусарских пелеринах, и по двум парадным лестницам, с сиянием свечей, отражавшихся в зеркалах, поднимались в фойе.

А из университета, с Пресни, из-за Москвы-реки тянулась в театр публика попроще. Бежали студенты в шинелях, придерживая под морозным ветром треуголки, шли через Чугунный и Москворецкий мосты обитатели Замоскворечья».

Так писал Владимир Яковлевич Лакшин в своей знаменитой биографии Островского (первое издание вышло в 1976-м в серии «Жизнь в искусстве», новое переиздание — в 2024 году в серии «ЖЗЛ»).

...И вот я стою на Театральной площади перед входом в Малый театр. Всё мне здесь знакомо — и незнакомо. Кое-что поменялось, но многое осталось прежним. «Шубы с бобрами на мужчинах» — это по нынешним временам перебор, но богатых кашемировых пальто в избытке. Дамы, «кутаясь в шубки и шали» всё так же ныряют в «ароматную теплоту ярко освещенного вестибюля».

Вместо ливрейных лакеев — суровые водители лакированных лимузинов, которые причаливают к тротуару. Квадрига Большого на месте. Нависает тёмное московское небо, освещенное огнями «Метрополя», фонарями и рекламой. Вместо потока извозчиков — электробусы с усталыми людьми в ярко освещенных окнах.

Но где же «студенты в шинелях», где же «обитатели Замоскворечья» — то есть «публика попроще»?

Если присмотреться, — есть, конечно же, и она.

Собственно, именно о них, московских жителях, которые с течением времени меняются — и не меняются — написаны очень многие пьесы Островского. Москва как вечное состояние души, как океан лиц и типажей, как неуловимая атмосфера удушливой суеты, нервных страстей, восторга жизни и неутоленных желаний. И при всём этом — московский уклад, вот он остается, пожалуй, неизменным ещё с тех пор (а может, и раньше) — семейный прежде всего уклад, уклад череды праздников и буден, немного дремотный, словом, весьма консервативный.

Островский никогда, ни в какую эпоху не сходил с подмостков, но в советское время ему отводилась совершенно особая роль. Все эти бородатые купцы и пышнотелые купчихи, все эти нелепые помещики и стареющие помещицы, все эти неприятные богатеи и холодные чиновники прошлых времен с пляшущими вокруг них приживалами и слугами — были самым ярким и самым художественным воплощением главной советской идеи: *та* жизнь кончилась навсегда, она *никогда* не вернется, а сегодняшний зритель — человек другой, гармоничной и светлой, эпохи, и смотрит он на всю эту нелепую, хоть и яркую жизнь — из «светлого будущего». А говорящие на своём архаическом, с вывертами и коленцами, русском языке, экзотические люди — лишь персонажи давнего, уже «этнографического» мира. Экземпляры для изучения, для рассматривания. Как какие-нибудь индейцы Южной Америки в дельте Амазонки. И одеваются они странно, и говорят непохоже. Собственно, и сам Островский выводил их на сцену именно как людей из другого, диковинного мира — купеческой, торговой, мещанской, замоскворецкой вселенной, совсем не похожей на остальную Москву.

Словом, для советского театра это почти всегда была некая говорящая карикатура, гениальный балаган — про людей, которых больше *нет и не будет.* Про исчезнувшие навсегда (и слава богу!) отношения, классы, сословия, жизненные обстоятельства, привычки, нравы, мораль, воспитание. А то, что в этом карикатурном мире прорывались порой подлинные страсти и трагические истории, — лишь подчеркивало общее ощущение музейной мемориальности.

При этом Островский в советское время играл и другую важную роль — он выносил для зрителя на сцену «русский характер», русские типажи, подчеркивая связь времен через национальный характер. Да, мы сейчас другие и живем в другом мире — но кое-что осталось при нас: вот эта лихость, бесшабашность,

безоглядность и прочие качества, которые чётко выявляли принципиальное неприятие русским человеком любых рамок, законов и норм.

То, что «мы другие», непохожие на весь остальной мир, — это тоже была важная идея для советского миросознания.

...Важная идея — и в эпоху послереволюционную, сместившую все прежние понятия, и в эпоху послевоенную, где очень жива была память об историческом сломе, о невероятном *усилии народа*, о его жертвах, и в эпоху брежневского двоемыслия, языкового лицемерия, когда рамки, правила, законы — тоже уже мешали.

Такая однозначная трактовка Островского торжествовала на отечественной сцене вплоть до, пожалуй, начала 90-х годов. Только тогда сквозь прежде «мертвую лексику», «устаревшие слова и фразеологизмы», сквозь все эти векселя, долговые бумаги, купчие, завещания, бесконечные упоминания самых разных денежных сумм, имущественные отношения, сословные привилегии — вдруг проступила сегодняшняя, новая жизнь.

Островский вернулся как бытописатель чего-то живого и настоящего.

Но ведь и это новое — глобальная зависимость человека от его социального статуса, от его дохода и его долгов — это тоже своего рода оболочка, скорлупа, обертка. А что же под ней?

...Я пришел в Малый театр на «Женитьбу Бальзаминова», понимая, что — может быть — выбрал не совсем ту пьесу, для того чтобы получить ответы на свои вопросы. Старый (1964 года) фильм «Женитьба Бальзаминова» с блистательными Нонной Мордюковой, Георгием Вициным, Роланом Быковым, Лидией Смирновой, молодыми Людмилой Гурченко и Жанной Прохоренко — это одно из самых любимых и в то же время самых противоречивых моих детских кино-впечатлений. Да, я любил (не мог оторваться) и одновременно ненавидел этот фильм (порой в раздражении выключал). Режиссёр Константин Воинов создал фантастический фарс, яркий, цельный, избыточно карикатурный и уродливый мир, и в то же время прекрасный. Трудно сказать, как ему это удалось. Во всём этом было так много игры, так много веселья и иронии, так много цирка и «театра марионеток», что «советский Островский» (о котором я писал выше) — получил в этом фильме своё, наверное, наиболее полное воплощение. Можно вспоминать разного «советского Островского»: от классических телеверсий спектаклей Малого и МХАТа, с «великими стариками» и с глубиной интонаций и голосов — до «Жестокого романса» Эльдара Рязанова. Но именно в этом фильме «сатирическая этнография» Островского достигла своей вершины.

Я понимал, что в сегодняшней театральной «Женитьбе Бальзаминова» (режиссёр Алексей Дубровский) — тоже будет много оттуда, из старого фильма. Он слишком глубоко в нас впечатался. Стал, как сейчас говорят, частью культурного кода — ну, по крайней мере, моего.

Поначалу кажется, что всё так и есть: вот смешной Бальзаминов (Денис Корнух), вот его нелепая, хотя и добрая мама (Ирина Муравьёва), вот маниакальная идея разбогатеть через женитьбу на девице с приданым, которую Островский высмеивает, — всё вроде на месте. Немного фарс, немного водевиль.

Но когда Павла Петровна сажает на коленки своего уже довольно взрослого сына и, успокаивая его, качает (по кочкам, по кочкам, в ямку бух...), и становится понятно, что это действие — интимное, привычное, хотя и противоестественное — неслучайно, то ты поневоле вглядываешься и вслушиваешься в героев, в их речь по-другому.

Бальзаминов ведь не просто рвется в высший мир, готовый на всё, одержимый идеей легкого богатства, как расчетливый и холодный тип. Нет, он наивный до глупости... Он — тёплый. Он — странный. Он мечтатель, который хочет построить башню, которой свет не видывал, устроить красоту несказанную, изменить, одним словом, окружающий мир, чтобы заиграл в нём золотистый свет сказок и снов. Ну и, конечно же, быть в нём царём.

Он инфантилен. И инфантильность доведена в этом Бальзаминове до каких-то безумных пределов.

Во всём остальном он, наверное, мелок и жалок — но мечта-то у него есть. Есть идея. Сверхценная, как сейчас говорят. Эта одержимость русского человека идеей какого-то всемирного счастья, небесной красоты, ради которой он готов на всё что угодно, тонко подмечена и выделена театром даже на таком, казалось бы, банальном человеческом материале.

Можно упрекать постановку в том, что она качается между водевилем и фарсом, что она намеренно подчеркивает условную театральность этой пьесы Островского в деталях: костюмах, декорациях (разрисованный под «старую Москву» задник, картонные хрюшки, коты, курицы, которые тем не менее «говорят» из-за сцены своими голосами), в старомодной манере исполнителей — Клеопатры Ивановны (Людмила Полякова), Нила Борисыча (Владимир Носик), свахи (Людмила Титова), Домны Евстигнеевны (Светлана Аманова)... Тут все заслуженные и народные, других на сцене почти нет, и зритель благодарно внимает их винтажному шарму, их актёрской породистости... Да, можно упрекать. Но именно благодаря этой старомодной манере — и просвечивает в Островском что-то совсем новое.

Совсем другое.

Иначе воспринимается спектакль, который я смотрел в филиале Малого театра на Ордынке — «Расстроенная семья» (режиссёр Андрей Максимов) по пьесе императрицы Екатерины II.

Здесь историчность материала, его «архивную» основу и подчеркивать не нужно, всё налицо. У нас когда-то глава государства и с Вольтером переписывалась, обсуждая с ним в том числе и «религиозную терпимость»,

и пьесы писала, словом, пыталась улучшить нравы и обычаи подотчетного ей населения.

Но спектакль — про другое, конечно. Не про эпоху, и не про императрицу. Он — про семью, самую что ни на есть патриархальную, прекрасную, любящую, да и к тому же весьма состоятельную, то есть счастливую по всем параметрам, которую можно в мгновение ока разбить на части, натравить близких людей друг на друга, устроить кровавую (почти) вакханалию — ради собственной выгоды или забавы.

Этот домашний люцифер восемнадцатого века, будущий Петруша Верховенский из «Бесов», интриган и лицемер Двораброд (Дмитрий Зеничев), — ему просто интересно проверить этот вроде бы внешне неуязвимый мир на прочность, одним усилием расшатать его основы.

Провести эксперимент над человеческой природой.

Конечно, этот Двораброд будет выведен на чистую воду и посрамлен (как и положено в той эстетике, да ведь и пьеса «государственная»!), но вопросик остается — так, значит, любую «стабильность» можно превратить — в катастрофу? Любого человека — в зверя?

Зрителю предложено (при определенном настрое) наслаждаться каждой винтажной деталью, вплоть до имен персонажей (чего стоит одна Прелеста Панкратьевна), — но главное, конечно, игрой актеров школы Малого театра, с их невероятной, академической сценической речью, неспешной повадкой, продуманной смесью иронии и пафоса, и проверенной временем харизмой (Владимир Носик, Владимир Дубровский, Екатерина Базарова, Елена Харитонова и другие). Опять заслуженные, опять народные — всё, как мы любим.

...Или не любим. Но, может быть, стоит полюбить вновь.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДРУЖБА НАРОДОВ» ЗА 2026 ГОД

Авторы «ДН» (№№ 1–12)

АБАЗОВА Аминат II
АБДУЛЛАЕВ Евгений I, II, III, IV, VI, VIII, X, XI, XII
АВЧЕНКО Василий IX
АГИБАЛОВА Полина II
АКСЁНОВА Ксения VII
АЛБУЛ Елена XI
АЛЕКСАНДРОВ Владимир III, VII, XII
АЛЁХИН Алексей II, III, XI
АЛИКЕВИЧ Анна V
АМЕЛИН Максим II
АНТИПОВА Елена IV, VIII
АРЕТКУЛОВА Зайтуна VIII
АРИШИНА Наталья IX
АР-СЕРГИ Вячеслав IV
АФЛАТУНИ Сухбат I, X
АХМЕДОВ Бах IV
АШИРОВ Виталий VI

БАЛЛА Ольга I, III, VI, VII, VIII, IX, XI,
БЕЛОЗЁРОВ Андрей X
БЕРШИН Ефим X
БИТАНОВ Тимур VI
БИТАРОВА Марина XII
БЛИЦКО Елена VI
БОДРОВА Елена XI
БОНДАРЬ Александр XII
БРАТОВ Мурат II
БРАУН Джошуа X
БУДАЕВА Милуся XII
БУДНИКОВ Михаил VIII
БУЛДАКОВ Максим X
БУШУЕВА Екатерина XI
БУШУЕВА Мария I, IV, IX, XII

ВАЛЕВСКИЙ Анатолий IV
ВАРАКСИН Сергей X
ВЕРЁВОЧКИН Николай III
ВЕРЕТЕНОВА Татьяна V, IX
ВЕРТИНСКАЯ Стася IX
ВЕСЕЛОВА Наталья IV
ВИТАЛИС Вис III
ВОЛОДЬКО Александр VI
ВОЛОС Андрей I, VIII
ВОЛОСЮК Иван V
ВОЛОШИНА Инна I
ГАЗИЗОВА Лилия XI
ГАНДЕЛЬСМАН Владимир I, II
ГЕРТМАН Ольга VIII
ГРАТТ Георгий VIII
ГРИГОРЬЕВА Лидия X
ГРОМОВА Юлия IX
ГРЭГ Елена XII
ГУМЕРОВ Рифат XII
ГУНДАРИН Михаил V
ГУРЕЕВ Максим XII
ГУРТОВЕНКО Андрей IX
ГУСЕВ Станислав IX

ДЗЫБОВА Саният II
ДЕРЕВЯНКИН Алексей XII
ДМИТРЕНКО Сергей XI
ДОЛГАРЕВА Анна V
ДОЛГОПЯТ Елена VII
ДУБАКОВ Леонид VII, XII
ДЬЯКОНОВ Евгений VII
ДЬЯЧКОВ Алексей V

ЕВСЕЕВА Галина IV, VIII
ЕГОРОВ Иван VII
ЕРМАКОВА Ирина II
ЕРМОЛОВИЧ Елена I
ЕРШОВА Галина X

ЖДАНОВ Александр XII

ЗАРЕЦКАЯ Анастасия IX
ЗАТОНСКАЯ Мария VI
ЗЕНКЕВИЧ Михаил XII

ЗЕНКЕВИЧ Сергей XII
ЗОЛОТАРЁВ Сергей IV
ЗОЛОТАРЁВА Анна II

ИВАНОВА Наталья XI
ИЗОТОВА Наталья II
ИСАКЖАНОВ Дмитрий I, VI
ИСКАКОВА Асель II

КАБЫШ Инна XI
КАГРАМАНОВ Юрий II
КАЗАРИН Юрий I
КАЛАШНИКОВ Геннадий VIII
КАЛАШНИКОВ Михаил X
КАЛМЫКОВА Вера II, IV, V,VII, IX,X
КАМЕНСКАЯ Анастасия III, VIII
КАПУСТИНА Евфросиния VI,XI
КАРИМОВА Алёна II, VIII
КАТКЕВИЧ Владимир XII
КЕКОВА Светлана III, VIII
КИРОВ Александр VI
КИССЕЛЬ Анна X
КЛЕХ Игорь I
КОВАЛЁВ Виталий IV
КОЛЕСНИКОВ Алексей III
КОЛЧИН Денис V
КОМАРОВ Артём IX
КОМАРОВ Константин VIII, X, XI
КОНОНОВ Николай III, VI
КОРКУНОВ Владимир I
КОРНИЕНКО Игорь VI
КОРОВИН Андрей VI
КОСТИНА Маша XII
КОТКОВ Владимир IV
КРАВЦОВ Константин X
КРАВЧЕНКО Игорь IX
КРАЕВА Ирина XI
КРУПИНА Ирина II
КУЗНЕЦОВА Катерина XII
КУЛЛЭ Виктор IX
КУРНОСЕНКО Владимир XI
КУТЕНКОВ Борис I

ЛЕЖНЕВА Гюльназ VIII
ЛЕЛИ Дарали IV, XII
ЛЕОНТЬЕВ Артемий V
ЛИПКИН Михаил XII
ЛИХУН Чжао IX
ЛОГИНОВ Анатолий X
ЛУЖБИНА Анна III, XI
ЛЮСЫЙ Александр XI

МАДАЛИЕВ Сабит VII
МАЙОРОВ Геннадий V
МАКАРОВ Иван XI
МАЛЫГИНА Александра III
МАЛЫШЕВ Игорь II
МАРКОВ Александр I, V, X,
МАТВЕЕВ Йоэль XII
МАТВИЕНКО Ольга XII
МАТЕВОСЯН Степан IV
МЕСЯЦ Вадим III
МИНАЕВ Борис I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII
МИНАКОВ Александр V
МИРЗО Гулом XII
МИТРОФАНОВА Алина XI
МИХЕЕВА Светлана X
МОИСЕЕВ Александр IV
МОРГАЧЕВ Алексей XII
МОРОЗ Раиса IX
МОСКВИНА Марина IV, V
МУРАД Тагай VII

НАВОИ Алишер VII
НАДЕЕВ Сергей III
НАУМОВ Максим XI
НАЦЕНТОВ Василий XI
НЕБЫКОВ Алексей II
НЕКРАСОВ Исроэл XII
НИКОЛАЕВА Олеся VIII
НИКУЛИНА Майя II
НИЛИН Александр XI
НИЯЗОВ Алишер II
НОВИКОВ Андрей IX
НОВСКАЯ Алёна X

О.КАМОВ III
ОБУХ Арина XI
ОВЕЧКО Сергей X
ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина IX

ПАВЛОВЕЦ Михаил I, XI
ПАВЛОВСКАЯ Анна XII
ПАТАХОВ Магомед II
ПЕРЕПЛЕСНИН Михаил IV
ПЕРМЯКОВ Андрей VI, VIII, IX, X, XI
ПЛЕТНЁВ Владимир II
ПОДОСОКОРСКИЙ Николай I
ПОЛЕСНАЯ Наталья II
ПОЛЯКОВА Анастасия XI
ПОНОМАРЁВ Павел IV
ПОПОВ Сергей I, III, X
ПУСТОВАЯ Валерия I, III

ПЧЕЛИНЦЕВ Александр III
РАУФ Сирожиддин XII,
РЕЗНИКОВ Владислав IX
РЕЙФ Игорь V
РУБАШКИН Дмитрий XI
РЯШЕНЦЕВ Юрий IV

САГОВА Малика II
САИДГАСАНОВ Сажидин II
САЙЙИД Сирожиддин XII
САЛАМАТОВ Урмат IV
САЛИМОН Владимир I
САМОЙЛОВА Ольга II
САМСОНОВ Сергей III
САФАРОВ Мехти V
САФРОНОВА Елена IX, XII
СЕВАК Рубен IV
СЕВРЮГИНА Елена IV, VII, XI
СЕМЕНЧИК Владимир IX
СЕНЧИН Роман XI
СЕРГЕЕВА Екатерина X
СТЕПАНОВ Евгений VI
СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга IX
СУХОВА Элина III
СУХОРЕБРЫЙ Владимир VII

ТАДТАЕВ Тамерлан V
ТАТАРЕНКО Юрий II, X
ТАТЕВОСЯН Анаит IV
ТИХАНОВ Сергей VI
ТОЛСТОГУЗОВ Павел X
ТОПЧИЕВ Евгений IV
ТОРК Алексей II
ТРЕНИН Владимир III, XII
ТРУНОВА Галина IV
ТУКАЙ Габдулла VIII

УНЖЕНИН Владимтр VIII
УСАЧЁВА Елена XI

ФАЛИКОВ Илья I, IX
ФЁДОРОВ Олег X
ФЕТ Эгвина VII
ФИЛАР Яна V
ФИТИСОВА Лидия VII

ХАИРОВ Адель II, VIII
ХАЙМОВИЧ Феликс XII
ХВЕДЕЛИДЗЕ Бесо III
ХУГАЕВ Тимур II

ЧАНЦЕВ Александр I, III, VI, IX, XII
ЧЕРЕМНЫХ Владислав V
ЧУДНОВА Ирина IX, XI

ШАВГАРОВА Анна IX
ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ Нина III
ШАКАРЯН Константин II
ШАОВ Ибрагим IV, XII
ШАРГУНОВ Сергей I, XI
ШВАРЁВА Алёна I
ШМИДТ Наталья XII
ШЕВЧЕНКО Ганна VII
ШУЛЬГИН Николай X

ЯМЩИКОВ Кирилл V, VII, VIII, X, XII

№ стр.

ПРОЗА

(романы, повести, рассказы, сказки)

АВЧЕНКО Василий. Стремление к красоте грозит уголовной ответственностью. *Таможенная поэма* ..... IX, 167
АГИБАЛОВА Полина. Откуда берутся тётки. *Рассказ* ..... II, 189
АЛБУЛ Елена. Рассказы ..... XI, 100
АЛЁХИН Алексей. Невыдуманное ..... III, 192
АНТИПОВА Елена. Писатель и пустота. *Рассказ* ..... IV, 107
АНТИПОВА Елена. Родинка. *Рассказ* ..... VIII, 165
АР-СЕРГИ Вячеслав. Гондыр и Балян. *Рассказ* ..... IV, 228
АФЛАТУНИ Сухбат. Меня зовут Солнце. *Рассказ* ..... X, 72
АШИРОВ Виталий. Ваня и Пыыткин. *Рассказ* ..... VI, 154
БЕЛОЗЁРОВ Андрей. Платон мне друг, но истина в вине. *Рассказ* ..... X, 136
БИТАРОВА Марина. Тайна, унесённая в могилу. *Рассказ. С иронского. Перевод автора* ..... XII, 103
БЛИЦКО Елена. Вот тебе и зисте па. *Рассказы* ..... VI, 171
БОДРОВА Елена. Тот самый пакет с грёзами. *Повесть* ..... XI, 28
БОНДАРЬ Александр. Купите себе ошейник со скидкой. *Рассказ* ..... XII, 91
БУДАЕВА Милуся. Цыганочка. *Рассказ. С дигорского. Перевод автора* ..... XII, 152
БУШУЕВА Мария. Через парк. *Из романа* ..... IX, 6
ВАЛЕВСКИЙ Анатолий. Старики Нового Мира. *Рассказы* ..... IV, 119
ВЕСЕЛОВА Наталья. Побег. *Рассказ* ..... IV, 138
ВАРАКСИН Сергей. Крейслерова шибата. *Рассказ* ..... X, 124
ВАРАКСИН Сергей. Крейслерова шибата. *Рассказ* ..... X, 124
ВЕРЁВОЧКИН Николай. Шоколадный Пушкин. *Поэма о ненаписанной Книге* ..... III, 6
ВЕРТИНСКАЯ Стася. Серебряное зеркало. *Сказка. По мотивам верований коренных народов Приамурья* ..... IX, 177
ВИТАЛИС Вис. Белый аист, оранжевый апельсин. *Рассказ* ..... III, 187
ВОЛОС Андрей. Правдивые сказки ..... I, 91
ВОЛОС Андрей. Бирнамский лес. *Повесть* ..... VIII, 7
ВОЛОШИНА Инна. А дальше — Воскресенье. *Рассказ* ..... I, 168
ГРАТТ Георгий. Суета вокруг Чимгана. *Фантастическая повесть* ..... VIII, 86
ГРЭГ Елена. Беги осенними полями. *Рассказ* ..... XII, 146
ГУРТОВЕНКО Андрей. Эффект Вериго. *Рассказ* ..... IX, 71
ДОЛГОПЯТ Елена. Дымное лето. *Рассказ* ..... VII, 112
ЕВСЕЕВА Галина. Математика. *Рассказ* ..... IV, 237
ЕВСЕЕВА Галина. Бессовестная. *Рассказ. С удмуртского. Перевод автора* ..... VIII, 158
ЕГОРОВ Иван. Поминальная. *Рассказ* ..... VII, 126
ЕРМОЛОВИЧ Елена. Девять лунок. *Повесть* ..... I, 7
ЕРШОВА Галина. Жить лучше, чем не. *Рассказы* ..... X, 111
ЖДАНОВ Александр. Я никому не дам умереть. *Рассказ* ..... XII, 134
ЗАРЕЦКАЯ Анастасия. *Рассказы* ..... IX, 140
ИСАКЖАНОВ Дмитрий. Два рассказа ..... I, 158
ИСАКЖАНОВ Дмитрий. Проскинитарий. *Роман. Окончание* ..... VI, 5

№ стр.
ИСКАКОВА Асель. Спасибо, доктор! Дальше — сами. *Роман* ..... II, 7
КАБЫШ Инна. Замыслил он побег. *Рассказы* ..... XI, 135
КАЛАШНИКОВ Михаил. Аргентина — Ямайка. *Рассказ* ..... X, 85
КАТКЕВИЧ Владимир. Тахикардия. *Рассказ* ..... XII, 43
КИРОВ Александр. Шумел пылающий камыш. *Рассказы* ..... VI, 77
КИССЕЛЬ Анна. Шуба-дуба-дубай. *Рассказ* ..... X, 119
КОВАЛЁВ ВИТАЛИЙ. В ЗЕНИТЕ ДОЛГИЙДОЛГИЙ ДЕНЬ. *РАССКАЗ* ..... IV, 206
КОЛЕСНИКОВ Алексей. Из воды на сушу. *Два рассказа* ..... III, 133
КОРНИЕНКО Игорь. Воскресшая. (Анастасис: работа над ошибками). *Повесть* VI, 129
КОСТИНА Маша. Конец лета. *Рассказ* ..... XII, 140
КОТКОВ Владимир. Хворь. *Рассказ. С удмуртского. Перевод Г.Евсеевой* ..... IV, 247
КРАЕВА Ирина. Сказка ..... XI, 169
КРУПИНА Ирина. Иногда прошлое пишет берёзовые письма. *Рассказ* ..... II, 79
ЛЕЖНЕВА Гюльназ. Мой отец почти дракон. *Исторический рассказ* ..... VIII, 142
ЛЕЛИ Дарали. Удмуртский колобок. *Рассказ. С удмуртского. Перевод автора* . IV, 241
ЛЕЛИ Дарали. Зӧк Микол. *Рассказ. С удмуртского. Перевод автора* ..... XII, 60
ЛЕОНТЬЕВ Артемий. Так выглядит наш дом. *Повесть* ..... V, 7
ЛОГИНОВ Анатолий. Сквозняков. *Повесть* ..... X, 6
ЛУЖБИНА Анна. Случайный человек с улицы. *Рассказ* ..... III, 169
МАЙОРОВ Геннадий. Четвёртая рота. *Из цикла «Мне о войне рассказывал отец»* ..... V, 108
МАТЕВОСЯН Степан. Рубен Севак. Страницы, вырванные из дневника врача. *Перевод и послесловие* ..... IV, 173
МИНАКОВ Александр. Почти в прозе. *Миниатюры* ..... V, 35
МОРГАЧЕВ Алексей. Между вдохами. *Рассказы* ..... XII, 68
МОСКВИНА Марина. Память дерева. *Рассказ* ..... IV, 97
МУРАД Тагай. Звёзды горят вечно. Повесть. *С узбекского. Перевод Вадима Муратханова* ..... VII, 7
НЕБЫКОВ Алексей. Рассказы ..... II, 169
НОВСКАЯ Алёна. Куда бежать. *Рассказы* ..... X, 58
О.КАМОВ. Пор. *Рассказ* ..... III, 125
ОБУХ Арина. Петербуженка по имени Ленинград, или «Рай — это безопасное место. На Земле я такого не знаю». *Рассказ* ..... XI, 187
ОВЕЧКО Сергей. Чужие жизни. *Рассказ* ..... X, 102
ПОЛЕСНАЯ Наталья. Напиши обо мне в местной газете. *Рассказ* ..... II, 196
ПОЛЯКОВА Анастасия. Лилии в инее. *Рассказ* ..... XI, 177
ПОНОМАРЁВ Павел. Саша. *Рассказ* ..... IV, 150
ПОПОВ Сергей. Дом Клигмана. *Опыт общения с призраками* ..... III, 155
РЕЗНИКОВ Владислав. Два рассказа ..... IX, 96
САЛАМАТОВ Урмат. Исповедь. *Рассказы* ..... IV, 68
САМСОНОВ Сергей. Страсти по Немухину. *Глава из романа* ..... III, 77
САФАРОВ Мехти. Хуррамит. *Рассказ* ..... V, 151
СЕВАК Рубен. Страницы, вырванные из дневника врача. *С западноармянского. Предисловие Магды Джанполадян. Перевод и послесловие Степана Матевосяна* ..... IV, 173

№ стр.
СЕМЕНЧИК Владимир. Человек с маленькой буквы. *Рассказ* ..... IX, 123
СЕНЧИН Роман. На родину. *Рассказ* ..... XI, 94
СУХОРЕБРЫЙ Владимир. Garnison. Мирная жизнь в период СВО, описанная Серафимой Петровой. *Рассказ* ..... VII, 81
ТАДТАЕВ Тамерлан. Дезертир. *Рассказ* ..... V, 117
ТИХАНОВ Сергей. Из разного. *Рассказы* ..... VI, 163
ТОПЧИЕВ Евгений. Бурштин. *Главы из романа* ..... IV, 7
ТОРК Алексей. «Будь прост, Лёха!..» *Повесть и рассказы* ..... II, 122
ТРЕНИН Владимир. Гришина зима. *Рассказ* ..... III, 104
ТРЕНИН Владимир. Хорошие дни Саши Александрова. *Рассказы* ..... XII, 116
ТРУНОВА Галина. Два рассказа ..... IV, 219
УСАЧЁВА Елена. На площади стоял памятник. *Рассказы* ..... XI, 150
ФИЛАР Яна. Три рассказа ..... V, 142
ФИТИСОВА Лидия. Подорожник. *Рассказы* ..... VII, 144
ХАИРОВ Адель. На краю Казани — райский сад. *Элегическая поэма* ..... II, 85
ХАИРОВ Адель. Дребезги. *Из записных книжек* ..... VIII, 182
ХВЕДЕЛИДЗЕ Бесо. Морской суп. *Рассказ. С грузинского. Перевод Нины Шадури-Зардалишвили* ..... III, 177
ХУГАЕВ Тимур. Светлячки. *Повесть* ..... II, 145
ЧЕРЕМНЫХ Владислав. Июль. *Повесть* ..... V, 63
ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ Нина. *Перевод с грузинского рассказа Бесо Хведелидзе «Морской суп»* ..... III, 177
ШАОВ Ибрагим. Монстр. *Рассказ* ..... IV, 160
ШАОВ Ибрагим. Почтарь. *Повесть* ..... XII, 7
ШВАРЁВА Алёна. Лето. Рассказ ..... I, 174
ШМИДТ Наталья. Принцип вереска. *Рассказ* ..... XII, 163
ШУЛЬГИН Николай. Так и живём. *Рассказы* ..... X, 36
ШУМИЛОВА Анастасия. Удмуртскому журналу «Кенеш» («Совет») — 100. *Вступительная статья* ..... IV, 228

дружба на вырост

АГИБАЛОВА Полина. Откуда берутся тётки. *Рассказ* ..... II, 189
БЛИЦКО Елена. Вот тебе и зисте па. *Рассказы* ..... VI, 171
ВИТАЛИС Вис. Белый аист, оранжевый апельсин. *Рассказ* ..... III, 187
КОВАЛЁВ Виталий. В зените долгий-долгий день. *Рассказ* ..... IV, 206
ШМИДТ Наталья. Принцип вереска. *Рассказ* ..... XII, 163

маленьким карандашом

АЛЁХИН Алексей. Невыдуманное ..... III, 192
ВАРАКСИН Сергей. Крейслерова шибата. *Рассказ* ..... X, 124
ПОЛЕСНАЯ Наталья. Напиши обо мне в местной газете. *Рассказ* ..... II, 196
ТИХАНОВ Сергей. Из разного. *Рассказы* ..... VI, 163
ТРУНОВА Галина. Два рассказа ..... IV, 219

метафоры времени

ХАИРОВ Адель. Дребезги. *Из записных книжек* ..... VIII, 182

№ стр.

ПРОЗА. DOC

КАПУСТИНА Евфросиния. (не) благоприятные дни. *Очерк поморской жизни* ....VI, 186
КЛЕХ Игорь. Планета одноклассников. *Главы из книги* ..... I, 189
КОЛЧИН Денис. Улица Петровского. *Повесть* ..... V, 183
ОРЛОВА-МАРКГРАФ Нина. На всхожем солнце. *Этнографический роман в историях и лицах* .....IX, 190
ПЕРМЯКОВ Андрей. Сибирский тракт и другие крупные реки. Бесконечная книга. *Фрагменты* .....X, 159

ПОЭЗИЯ

(стихи и переводы)

АБАЗОВА Аминат. *Стихи. С абазинского. Перевод Ирины Ермаковой* ..... II, 202
АКСЁНОВА Ксения. Была я водее воды и огнее огня. *Стихи*..... VII, 156
АЛЕКСАНДРОВ Владимир. Как и во всех других вселенных. *Стихи*..... VII, 77
АЛИКЕВИЧ Анна. Мой сад — подсолнух с жёлтой головой. *Стихи*..... V, 180
АМЕЛИН Максим. Магомед Патахов. *Стихи. Перевод с аварского*..... II, 200
АМЕЛИН Максим. Магомед Патахов. *Стихи. Перевод с лезгинского* ..... II, 205
АМЕЛИН Максим. Сажидин Саидгасанов. *Стихи . Перевод с лезгинского* ..... II, 205
АРИШИНА Наталья. И ветер выводит восточный мотив. *Стихи* .....IX, 114
АФЛАТУНИ Сухбат. Январские святые. *Из «Нового Тропариона». Стихи* ..... I, 86
БЕРШИН Ефим. Там, где я родился. *Стихи*..... X, 3
БИТАНОВ Тимур. Чужое дежавю. *Стихи*..... VI, 126
БРАТОВ Мурат. Стихи. *С черкессеого. Перевод Юрия Татаренко* ..... II, 206
БУДНИКОВ Михаил. Синдбад Курмышского уезда. *Стихи. Представление Олеси Николаевой*..... VIII, 169
БУЛДАКОВ Максим. Бег прощаний. *Стихи*..... X, 152
ВОЛОДЬКО Александр. Можно звуки пить и петь. *Стихи. Вступительная заметка Николая Кононова* .....VI, 167
ВОЛОСЮК Иван. Участь птицы в горящем лесу. *Стихи* ..... V, 149
ГАЗИЗОВА Лилия. И я стала облаком. *Детские верлибры для взрослых. Вступительная заметка Алексея Алёхина* .....XI, 89
ГАНДЕЛЬСМАН Владимир. Из будущей книги «Таблица элементов». *Стихи*..... II, 80
ГУМЕРОВ Рифат. Мы пройдём по рифат кучаси. *Стихи* XII,111
ГУМЕРОВ Рифат. САЙЙИД Сирожиддин. *Стихи. С узбекского* .....XII, 113
ГУМЕРОВ Рифат. РАУФ Сирожиддин. *Стихи. С узбекского* .....XII, 114,
ГУМЕРОВ Рифат. МИРЗО Гулом. *Стихи. С узбекского*.....XII, 115
ГУНДАРИН Михаил. Скользя во временной петле. *Стихи*..... V, 114
ГУСЕВ Станислав. Край Света — впереди. *Стихи* .....IX, 116
ДЕРЕВЯНКИН Алексей. Через пространство и координаты. *Стихи*..... XII, 3
ДЗЫБОВА Саният. Стихи. *С адыгейского. Перевод Анны Золотарёвой*..... II, 203
ДОЛГАРЕВА Анна. Только дух проступает кириллицей. *Стихи*..... V, 59
ДЬЯКОНОВ Евгений. Пытаясь объяснить глагол to be. *Стихи* ..... VIII, 3
ДЬЯЧКОВ Алексей. Сквер с поэтом на отшибе мира. *Стихи* ..... V, 3
ЕРМАКОВА Ирина. Аминат Абазова. Стихи. П*еревод с абазинского* ..... II, 202

№ стр.

ЗАТОНСКАЯ Мария. Полоска пути. *Стихи* ..... VI, 74
ЗЕНКЕВИЧ Михаил. «Вавилон». *Стихи* ..... XII, 173
ЗОЛОТАРЁВ Сергей. Не живаго ещё не имаго. *Стихи* ..... IV, 3
ЗОЛОТАРЁВА Анна. Саният Дзыбова. Стихи. *Перевод с адыгейского* ..... II, 203
ИЗОТОВА Наталья. Героиня истории. *Стихи* ..... II, 186
КАЗАРИН Юрий. Гора во сне. *Стихи* ..... I, 3
КАМЕНСКАЯ Анастасия. Как в настоящем лесу. *Стихи* ..... III, 3
КАМЕНСКАЯ Анастасия. Всё в мире встанет по местам. *Стихи* ..... VIII, 154
КАРИМОВВА Алёна. Малика Сагова. Стихи. *Перевод с ингушского* ..... II, 204
КАРИМОВА Алёна. Предвосхищая радостный полёт. *Стихи* ..... VIII, 202
КАРИМОВА Алёна. Габдулла Тукай. Шурале. *Перевод с татарского* ..... VIII, 204
КЕКОВА Светлана. Стихи ..... III, 204
КЕКОВА Светлана. Голубое небо, золотые храмы. *Стихи* ..... VIII, 82
КОМАРОВ Константин. Из цикла «Стихи о русских поэтах» ..... XI, 129
КОНОНОВ Николай. Стихи ..... III, 209
КОРОВИН Андрей. Пока внизу ревёт безумная вода. *Стихи* ..... VI, 160
КРАВЦОВ Константин. Дорога на Старый Надым. *Стихи* ..... X, 133
КРАВЧЕНКО Игорь. Штормит Великий океан. *Стихи* ..... IX, 120
КУЗНЕЦОВА Катерина. Стихи. *С идиша. Перевели Ольга Матвиенко, Йоэль Матвеев* ..... XII, 160
ЛИХУН Чжао. Перед громадой времени. *Стихи. С китайского. Перевод И.Чудновой* ..... IX, 108
МАКАРОВ Иван. Не пройдёт и не забудется. *Стихи* ..... XI, 192
МАЛЫГИНА Александра. С облаками чувствуя родство. *Стихи* ..... III, 184
МАЛЫШЕВ Игорь. О нас, варящих варенье. *Стихи* ..... II, 118
МАТВЕЕВ Йоэль. Исроэл Некрасов. Стихи . *Перевод с идиша* ..... XII, 157
МАТВЕЕВ Йоэль. Стихи . *С идиша. Перевод автора* ..... XII, 158
МАТВЕЕВ Йоэль. Катерина Кузнецова. Стихи . *Перевод с идиша* ..... XII, 160
МАТВИЕНКО Ольга. Катерина Кузнецова. Стихи. *Перевод с идиша* ..... XII, 152
МЕСЯЦ Вадим. В полях, где валялся конь. *Стихи* ..... III, 73
МИРЗО Гулом. Стихи. *С узбекского. Перевёл Рифат Гумеров* ..... XII, 115
МИТРОФАНОВА Алина. Время падения снега. *Стихи* ..... XI, 23
МИХЕЕВА Светлана. Внутри пернатых книг. *Стихи* ..... X, 128
МОИСЕЕВ Александр. На поиски нового Гранта. *Стихи* ..... IV, 115
МОРОЗ Раиса. Как голос улетевшей птицы. *Стихи* ..... IX, 118
НАДЕЕВ Сергей. Стихи ..... III, 218
НЕКРАСОВ Исроэл . Стихи . *С идиш. Перевёл Йоэль Матвеев* ..... XII, 159
НИКУЛИНА Майя. Истина проста. *Стихи* ..... II, 3
НОВИКОВ Андрей. Роман со столетьем. *Стихи* ..... IX, 3
ПАВЛОВСКАЯ Анна. Крылья из Китая. *Стихи* ..... XII, 65
ПАТАХОВ Магомед. *Стихи. С аварского. Перевод Максима Амелина* ..... II, 200
ПЕРМЯКОВ Андрей. Так и живу, так и живёшь. *Стихи* ..... VIII, 137
ПОПОВ Сергей. Детский вопрос. *Стихи* ..... I, 185
ПОПОВ Сергей. Одно из двух. *Стихи* ..... X, 67
ПЧЕЛИНЦЕВ Александр. Стихи ..... III, 212

№ стр.

РАУФ Сирожиддин. Стихи. *С узбекского. Перевёл Рифат Гумеров* ..... XII, 114
РЯШЕНЦЕВ Юрий. В станице Нежинке в те дни. *Стихи* ..... IV, 63
САГОВА Малика. Стихи. *С ингушского. Перевод Алёны Каримовой* ..... II, 204
САИДГАСАНОВ Сажидин. Стихи. *С лезгинского. Перевод Максима Амелина* ..... II, 205
САЙЙИД Сирожиддин. Стихи. *С узбекского. Перевёл Рифат Гумеров* ..... XII, 113
САЛИМОН Владимир. В щёлку между занавесок. *Стихи* ..... I, 152
СЕВРЮГИНА Елена. Ребёнок в тебе рассмеётся. *Стихи* ..... XI, 166
СЕРГЕЕВА Екатерина. По дедову бубну по красному рокоту. *Стихи* ..... X, 156
СТЕПАНОВ Евгений. Белка заводная в колесе. *Стихи* ..... VI, 3
СУЛЬЧИНСКАЯ Ольга. На середине разговора. *Стихи* ..... IX, 68
СУХОВА Элина. Веди подсчёт чудес. *Стихи* ..... III, 130
ТАТАРЕНКО Юрий. Мурат Братов. Стихи. *Перевод с лезгинского* ..... II, 206
ТАТЕВОСЯН Анаит. И слёзный жар, и ожиданье счастья. *Стихи* ..... IV, 171
ТУКАЙ Габдулла. Шурале. *С татарского. Перевод Алёны Каримовой* ..... VIII, 204
ФАЛИКОВ Илья. Живую жизнь блюсти как жанр. *Стихи* ..... I, 180
ФАЛИКОВ Илья. Куст багульника не увял. *Стихи* ..... IX, 111
ФЕТ Эгвина. Это сердце стучит под дождём. *Стихи* ..... VII, 109
ЧУДНОВА Ирина. Сердечная кастаньета. *Стихи* ..... IX, 105
ЧУДНОВА Ирина. Чжао Лихун. Перед громадой времени. *Стихи. Перевод с китайского* ..... IX, 108
ШЕВЧЕНКО Ганна. Опыт приручения предметов. *Стихи* ..... VII, 3

двойной портрет

ГУМЕРОВ Рифат. *Стихи* ..... XII, 111
МИРЗО Гулом. Стихи. *С узбекского. Перевёл Рифат Гумеров* ..... XII, 115
РАУФ Сирожиддин. Стихи. *С узбекского. Перевёл Рифат Гумеров* ..... XII, 114
САЙЙИД Сирожиддин. Стихи. *С узбекского. Перевёл Рифат Гумеров* ..... XII, 113
КАРИМОВА Алёна. Предвосхищая радостный полёт. *Стихи* ..... VIII, 202
ТУКАЙ Габдулла. Шурале. *С татарского. Перевод Алёны Каримовой* ..... VIII, 204
ЧУДНОВА Ирина. Сердечная кастаньета. *Стихи* ..... IX, 105
ЛИХУН Чжао. Перед громадой времени. *С китайского. Перевод И.Чудновой* ..... IX, 108

переводы с языков народов россии

АБАЗОВА Аминат. Стихи. *Перевод Ирины Ермаковой* ..... II, 202
БРАТОВ Мурат. Стихи. *Перевод Юрия Татаренко* ..... II, 206
ДЗЫБОВА Саният. Стихи. *Перевод Анны Золотарёвой* ..... II, 203
ПАТАХОВ Магомед. Стихи. *Перевод Максима Амелина* ..... II, 200
САГОВА Малика. Стихи. *Перевод Алёны Каримовой* ..... II, 204
САИДГАСАНОВ Сажидин. Стихи. *Перевод Максима Амелина* ..... II, 205

BOTTEGA / МОЯ МАСТЕРСКАЯ

БУДНИКОВ Михаил. Синдбад Курмышского уезда. *Стихи. Представление Олеси Николаевой* ..... VIII, 169

№ стр.

ПОЭТ О ПОЭТЕ

НИКОЛАЕВА Олеся. «Орфея собрат». *О Викторе Гофмане (1950—2015)* .....VIII, 61

ДРУГАЯ ОПТИКА

ВОЛОДЬКО Александр. Можно звуки пить и петь. *Стихи.*
Вступительная заметка Николая Кононова .....VI, 167

ПУБЛИЦИСТИКА

КАГРАМАНОВ Юрий. Ветры вер над Евразией ..... II, 232

просто жизнь

АРЕТКУЛОВА Зайтуна. Памяти Наркизы. *Семейная история* ..... VIII, 173
БУШУЕВА Екатерина. *В моей памяти навечно...* .....XI, 195

память

РЕЙФ Игорь. В ста двадцати километрах от Сталинграда.
Самочинная похоронка ..... V, 224

архив

ЗЕНКЕВИЧ Михаил. Башня Вавилона. Железный спрут. Казнь.
Вступительная статья, подготовка и републикация текстов С.Зенкевича...XII, 167
ЗЕНКУВИЧ Сергей. Михаил Зенкевич. Башня Вавилона. Железный спрут. Казнь.
Вступительная статья, подготовка и републикация текстов .....XII, 167
ТОЛСТОГУЗОВ Павел. Пересечение меридиана. *Эссе* .....X, 193
ШАВГАРОВА Анна. Особенности развития театральной культуры
Дальнего Востока. *1860—1920-е годы* .....IX, 180

другие берега

БРАУН Джошуа. Вода старше культуры. *Эссе*..... X, 189

дорожная карта

Дмитрий РУБАШКИН. Алёша Почемучка и Алёша Зачемка.
Размышления пожилого человека о детях, детских книжках
и детских вопросах XI,208

НАЦИЯ И МИР

НИЯЗОВ Алишер. Петербург-на-Тянь-Шане ..... II, 227

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

МАДАЛИЕВ Сабит. «Была сокрыта скорбь моя».
Трактат о святости Мир Алишера Навои .....VII, 171
ШАРГУНОВ Сергей. Юрий Казаков: главы из жизни..... I, 212

№ стр.

ЮБИЛЕИ

сергей баруздин 100+
Собиратель открытого пространства.
Сюжеты из общей истории Баруздина и «ДН» .....VII, 159

«кенеш» на страницах «дн» .....IV, 228—248
ШУМИЛОВА Анастасия. Удмуртскому журналу «Кенеш» («Совет») — 100.
Вступительная статья 228
АР-СЕРГИ Вячеслав. Гондыр и Балян. *Рассказ*.....228
ЕВСЕЕВА Галина. Математика. *Рассказ*..... 237
ЛЕЛИ Дарали. Удмуртский колобок. *Рассказ. С удмуртского. Перевод автора* 241
КОТКОВ Владимир. Хворь. *Рассказ. С удмуртского. Перевод Г.Евсеевой*..... 247

золотые страницы «дн»
БЕРШИН Ефим. Там, где я родился. *Стихи* .....X, 3

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

АЛЕКСАНДРОВ Владимир. Дети доломедеса. *«Кокон» и его обитатели (Борис Борухов, Светлана Кекова, Николай Кононов, Сергей Надеев, Александр Пчелинцев*) .....III, 196
АЛЁХИН Алексей. Молчание как часть речи. *Записные книжечки* ..... II, 207
ГАНДЕЛЬСМАН Владимир. Выемки и выкладки .....I, 202
ГРИГОРЬЕВА Лидия. Равиль, Лидия, Лондон. *Монолог* .....X, 180

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА

КУЛЛЭ Виктор. Смиренное искусство перевода..... IX, 202

КРИТИКА

(статьи, обзоры, обсуждения)

АБДУЛЛАЕВ Евгений. Закон сохранения.
Шесть поэтических сборников 2025 года .....III, 225
АБДУЛЛАЕВ Евгений. «Призывы — не моя специализация».
Разговор ведёт Юрий Татаренко .....X, 219
БАЛЛА Ольга. На пути к универсальности.
Русскоязычная словесность современного Казахстана ..... VIII, 210
МАРКОВ Александр. Картография внутреннего.
Культурная география как практика себя в современной русской литературе (О.Балла. «Дома и Бездомья: Пространство как повод быть человеком»; Е.Стрелков. «Формула Волги: очерки художника»; К.Голубович. «Русская дочь английского писателя. Сербские притчи»; И-Фу Туан «Топофилия: Исследование окружающей среды. Восприятие, отношение и ценности») ..... V, 245

№ стр.

МАРКОВ Александр. Система, среда, миф и метод.
Четыре взгляда на русскую поэзию (М.Павловец. Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX —начало XXI века) ..... X, 205
ТАТАРЕНКО Юрий. «Призывы — не моя специализация».
Разговор с Евгением Абдуллаевым .....X, 219

заочный круглый стол «Платформа искусства»
Литература первой четверти XXI века: мысли вразброс.....I, 236—264
АБДУЛЛАЕВ Евгений. «Остались люди. Значит, есть надежда» 237
БАЛЛА Ольга. «Большие разломы не только катастрофичны, но и плодотворны» 239
БУШУЕВА Мария. «Зеркальность истории — не миф» 244
КОРКУНОВ Владимир. «В чём-то все поколения — от античных поэтов до нас — схожи» 246
КУТЕНКОВ Борис. «Приходит пора отвечать за себя поодиночке» 249
МАРКОВ Александр. «Модернистский сюжет “поиска себя” сменяется сюжетом “сборки себя”» 254
ПАВЛОВЕЦ Михаил. «И те же выписки из книг, и тех же эр сопоставленье…» 257
ПОДОСОКОРСКИЙ Николай. «Можно говорить о людях-манифестах и писателях-проектах» 259
ПУСТОВАЯ Валерия. «В литературе всё ново, но узнаваемо» 261
ЧАНЦЕВ Александр. Зал высшей прозы 264

заочный круглый стол «Только детские книги читать...».....XI, 3—22
ИВАНОВА Наталья. Первые, любимые..... 3
КАПУСТИНА Евфросиния. «Кто знает, на какой именно странице они встретят себя» 5
ЛУЖБИНА Анна. Обида на Александра Волкова 7
ЛЮСЫЙ Александр. Много ли молодому человеку книг надо? 9
НАЦЕНТОВ Василий. На простой деревянной качели… 11
НИЛИН Александр. Первая — и навсегда 13
ПАВЛОВЕЦ Михаил. Самые свои книжки..... 15
ПЕРМЯКОВ Андрей. «Четырнадцать лет — тоже детство» 17
ЧУДНОВА Ирина. «Разве медведи ангелы?» 19
ШАРГУНОВ Сергей. «…А папа говорит: нельзя, это человек» 22

подробное чтение
ПЕРМЯКОВ Андрей. С новосельем! Или о бесконечной деревне (*«Новосёлы»: сборник рассказов*) ..... VI, 234
ПУСТОВАЯ Валерия. Не искази (*А.Снегирёв. «По линии матери»*) ..... III, 236

книжный развал
АЛЕКСАНДРОВ Владимир. Способ избежать конца света (*С.Васильев. «Обратная перспектива»*).....XII,218
АХМЕДОВ Бах. «Тоска по мировой культуре» (*Л.Шахназарова. «...По пути мне вышло с фраерами»*) .....IV, 259

№ стр.

БАЛЛА Ольга. Поместить себя в пространство подлинного бытия
(*Н.Азарова. «Большой перевод»*) ..... X, 243
БУШУЕВА Мария. За то, что я пою... (*А.Горенко. «Королевская шкура шмеля»*) ..... IV, 253
БУШУЕВА Мария. Тангец восьми границ
(*Н.Илишкина. «Мирэ: Дальневосточный роман»*) ..... XII, 207
ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. «Достоверность высшего порядка»
(*Е.Водолазкин. «Последнее дело майора Чистова»*) ..... IX, 238
ВЕРЕТЕНОВА Татьяна. Техосмотр «Войны и мира»
(*В.Курицын. «Главная русская книга: О "Войне и мире" Л.Н.Толстого»*) ..... V, 263
ГЕРТМАН Ольга. Вселенная Чанцева
(*А.Чанцев. «В какой-то детской стране»*) ..... VIII, 241
ДУБАКОВ Леонид, Взгляд с берега (*Е.Коновалов. «Затмение»*) ..... XII, 210
ДУБАКОВ Леонид. Колобок на пути воина (*П.Крусанов. «Совиная тропа»*) ..... VII, 254
КАЛАШНИКОВ Геннадий. «Увидеть Божий мир с обратной стороны»
(*Г.Русаков. «От вас невдалеке (Мелекесс): Стихи»*) ..... VIII, 229
КАЛМЫКОВА Вера. ...То, что можно прожить сегодня
(*А.Нилин. «Неокончательный диагноз: роман отложенной жизни»*) ..... VII, 258
КАЛМЫКОВА Вера. «Нежность, жалость, восхищение, любовь»
(*Б.Минаев. «Оды и некрологи: Книга, которая постоянно дополняется и уточняется»*) ..... IV, 249
КАЛМЫКОВА Вера. Язык-творец и языкотворцы
(*Шесть русских поэтов: Антология «Русского Гулливера» / Лера Манович, Вадим Месяц, Алексей Остудин, Катерина Перченкова, Андрей Тавров, Дарья Христовская*) ..... II, 253
КОМАРОВ Артём. Человек, не успевший договорить самое важное
(*В.Авченко, А.Коровашко. «Александр Вампилов: Иркутская история»*) ..... IX, 246
КОМАРОВ Константин. «Мне жадно до всего живого...»
(*Е.Джен Баранова. «Невинно и неотвратимо: Стихотворения»*) ..... VIII, 238
КОМАРОВ Константин. Любить нельзя убить
(*А.Трушкина. «Девушка пишет на бересте»*) ..... X, 239
ЛИПКИН Михаил. Шеф из страны Саха
(*И.Тарбахов. «Маэстро якутской кухни / Олег Сидоров»*) ..... XII, 225
МИНАЕВ Борис. Москва и загадка жизни ..... II, 257
МОСКВИНА Марина. «О Дауре — навсегда»
(*М.Гуреев. «Даур Зантария. Книга, найденная в Сухуме»*) ..... V, 260
ПЕРМЯКОВ Андрей. Плавунца искать на дне копытца
(*И.Кадочникова. «птичка пела время смотрело»*) ..... IX, 242
САФРОНОВА Елена. Сборник остановленных мгновений
(*А.Ливенцов. «День поперёк недели: [роман]»*) ..... XII, 221
САФРОНОВА Елена. Цветы для неизвестного друга
(*А.Кушнер. «Книга стихов. Неизвестному другу»*) ..... IX, 233
СЕВРЮГИНА Елена. Достучаться до тишины
(*С.Овакимян. «Смерть и другие семейные праздники»*) ..... IV, 256
СЕВРЮГИНА Елена. Сплести высокое и низкое
(*А.Васецкий. «Пользовательский опыт: Стихотворения»*) ..... VII, 256

№ стр.

ШАКАРЯН Константин. Земное — небесное — детское
(*Е.Евстигнеева. Всемирная паутинка: Книга стихов*)..... II, 261
ЯМЩИКОВ Кирилл. Большие надежды, или Тоби Даммит спешит на саммит
(*С.Самсонов. «Страсти по Немухину»*) ..... X, 234
ЯМЩИКОВ Кирилл. Дым без огня (*М.Привезенцев. «Маяки Сахалина: Роман»*) .XII, 213
ЯМЩИКОВ Кирилл. Заблуждения и пересуды
(*В.Пелевин. «Возвращение Синей Бороды»*) ..... VII, 251
ЯМЩИКОВ Кирилл. Крупица тайны — частица сна
(*Д.Петров. «Книга царя Саула. Расследования Петра Карловича:
Библейские исследования в стиле шансон»*) ..... V, 257
ЯМЩИКОВ Кирилл. Под Дитмаром, в семь! (*В.Березин. «Небудущее»*) ..... VIII, 234

БИБЛИОНАВТИКА

Рубрику ведёт Ольга БАЛЛА

Любовь между землёй и небом (*П.Надаш. «О любви земной и небесной»*)..... I, 265
Корабль другого в океане чувств
(*А.Першин. «Войти в реку дважды: Контрапункты»*) ..... III, 260
Когда слово падает в бездну (*Niemand. «Подношение Паулю Целану»*) ..... VI, 259
Поэт в броне (*М.Амелин. «***»: Стихотворения и поэмы*) ..... VII, 263
Возможность исчезнуть (*Ш.Абдуллаев. «Очевидность юга»*) ..... IX, 248
Какая нам разлука предстоит (*Д.Бавильский. «Лето нашей осени»*)..... XI, 242

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Рубрику ведёт Евгений АБДУЛЛАЕВ

Роман или сценарий? ..... II, 264
Приключения свободы ..... IV, 263
Кто сегодня знаменитый: серия вторая ..... VI, 264
«В добрые руки»? ..... VIII, 248
«Попёнок зовёт его тятей» ..... XI, 247
Без посредников?..... XII, 228

NON-FICTION PRO

Рубрику ведёт Александр ЧАНЦЕВ

Новая аристократия (*Шарль ПЕГИ. Клио. Диалог истории и языческой души /
Пер. с фр. О.Акимовой; Александр Михайловский. Маятник модерна:
дискуссии о технике в Германии; Герберт МАРКУЗЕ. Когда умрет капитализм?
Контрреволюция и бунт / Пер. с англ. Э.Китайцевой, М.Нигматулина, А.Юдина;
Герд-Клаус Кальтенбруннер. Элита. Воспитание на случай чрезвычайной
ситуации / Пер. с нем. А.Черного, научная редакция и примечания
Ф.Фомичева, под общей редакцией Д.Житенева и А.Цыганковой*) ..... III, 241
Карта Птолемея (*И.Чудинова. «Православная аскетика и звукотворчество»;
А.Резниченко. «От символа к событию: русская философия в поисках
имени и лица»; Я.Друскин. «Сочинения в 2-х томах. Том 1. Трактаты
и наброски»; С.Фудель. «“Весенний воздух вечности”: Письма 1923—1977»*) ..... VI, 242

№ стр.

Прочь из космической клетки (*Вадим Рабинович. Алхимия как феномен средневековой культуры; Герхард Терстеген. Путь истины / Пер. с нем. игумена Петра (Мещеринова); Andrea Scarabelli. Julius Evola: An Adventurous Life / Translated by Sergio Knipe*) ..... IX, 207
Культура тепла и смертного хлада (*Теодор Лессинг. Проклятая культура / Пер. с нем. И.Мажаева, А.Ноготкова; под общей редакцией А.Цыганковой, А.Михайловского; Томас Махо. Метафоры смерти. О логике трансцендентного опыта / Пер. с нем. А.Белобратова; Зигмунд Квалой Зетренг, Петер Вессель Цапффе, Арне Декке Эйде Несс. Норвежская экофилософия / Пер. с англ. И.Паштова*) ..... XII, 188

ПРАВИЛА ИГРЫ

Рубрику ведёт Борис МИНАЕВ

Легенда об острове ..... I, 269
Осиротевший театр ..... II, 268
Путь к отцу ..... III, 268
Другой человек ..... IV, 267
Окоп жизни ..... V, 269
Разделить нельзя сохранить ..... VI, 268
Вернуться домой ..... VII, 269
Театр в маленьком городе ..... VIII, 252
Театр во дворе и на бульваре ..... IX, 253
Памятник Мандельштаму ..... X, 251
Мойры и мы ..... XI, 252
Бальзаминов снова женится ..... XII, 233

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

ГУРЕЕВ Максим. Хождение за три горизонта. *Маленьким карандашом* ..... XII, 176
КАЛМЫКОВА Вера. Слесарь, шофёр, лесоруб... самородок. *О творчестве Владимира Ивановича Плетнёва* ..... II, 241
КАЛМЫКОВА Вера. Искусство и жизнь Нины Ватолиной ..... V, 237
КАЛМЫКОВА Вера. Золотая середина Юлии Громовой ..... IX, 188
КАЛМЫКОВА Вера. «Живопись — это жажда...» *О творчестве О. Фёдорова* ..... X, 177
ПЕРЕПЛЕСНИН Михаил. Последние сказочники эпохи. *Феномен марыйской живописной школы в туркменском изобразительном искусстве* ..... IV, 221
САМОЙЛОВА Ольга. Обратное движение ..... II, 245

НА НАШЕЙ ВКЛЕЙКЕ

Культурное пространство Владимира Плетнёва II
«Кокон» и его обитатели (*Борис Борухов, Светлана Кекова, Николай Кононов, Сергей Надеев, Александр Пчелинцев*) III
Последние сказочники эпохи. *Живописная школа Мары* IV
Искусство и жизнь Нины Ватолиной V

№ стр.

Моя Лопшеньга. *Фото Евфросинии Капустиной* VI
Алишер НАВОИ. К 585-летию великого поэта VII
Мелодии пижанской земли: Владимир Унженин VIII
Художник Юлия Громова IX
Олег Фёдоров. Живопись X
Максим Наумов. «Салтыкиада». *Иллюстрации* XI
Знакомьтесь: Монголия XII

СПЕЦБЛОКИ

ПОВОЛЖСКАЯ ТЕТРАДЬ.....VIII,82—209

проза и поэзия
КЕКОВА Светлана. Голубое небо, золотые храмы. *Стихи* 82
ГРАТТ Георгий. Суета вокруг Чимгана. *Фантастическая повесть*..... 86
ПЕРМЯКОВ Андрей. Так и живу, так и живёшь. *Стихи* 137
ЛЕЖНЕВА Гюльназ. Мой отец почти дракон. *Исторический рассказ* 142
КАМЕНСКАЯ Анастасия. Всё в мире встанет по местам. *Стихи* 154
ЕВСЕЕВА Галина. Бессовестная. Рассказ. *С удмуртского. Перевод автора* 158
АНТИПОВА Елена. Родинка. *Рассказ*..... 165

bottega / моя мастерская
БУДНИКОВ Михаил. Синдбад Курмышского уезда. *Стихи. Представление Олеси Николаевой* 169

просто жизнь
АРЕТКУЛОВА Зайтуна. Памяти Наркизы. *Семейная история*..... 173

метафоры времени
ХАИРОВ Адель. Дребезги. *Из записных книжек*..... 182

двойной портрет
КАРИМОВА Алёна. Предвосхищая радостный полёт. *Стихи*..... 202
ТУКАЙ Габдулла. Шурале. *С татарского. Перевод Алёны Каримовой* 204

на нашей вклейке
Мелодии пижанской земли: Владимтр Унженин

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ТЕТРАДЬ.....IX,111—189

проза и поэзия
Край Света — впереди. Стихи о Дальнем Востоке:
ФАЛИКОВ Илья. Куст багульника не увял 111
АРИШИНА Наталья. И ветер выводит восточный мотив..... 114
ГУСЕВ Станислав. Край Света — впереди..... 116
МОРОЗ Раиса. Как голос улетевшей птицы 118
КРАВЧЕНКО Игорь. Штормит Великий океан..... 120
СЕМЕНЧИК Владимир. Человек с маленькой буквы. *Рассказ*..... 123

№ стр.

ЗАРЕЦКАЯ Анастасия. Рассказы 140
АВЧЕНКО Василий. Стремление к красоте грозит уголовной ответственностью. *Таможенная поэма* 167
ВЕРТИНСКАЯ Стася. Серебряное зеркало. *Сказка. По мотивам верований коренных народов Приамурья* 177

архив
ШАВГАРОВА Анна. Особенности развития театральной культуры Дальнего Востока. *1860—1920-е годы* 180

культурная хроника
КАЛМЫКОВА Вера. Золотая середина Юлии Громовой 188

на нашей вклейке
Художник Юлия Громова

СИБИРСКАЯ ТЕТРАДЬ ..... X,111—189

проза и поэзия
МИХЕЕВА Светлана. Внутри пернатых книг. *Стихи* 128
КРАВЦОВ Константин. Дорога на Старый Надым. *Стихи* 133
БЕЛОЗЁРОВ Андрей. Платон мне друг, но истина в вине. *Рассказ* 136
БУЛДАКОВ Максим. Бег прощаний. *Стихи* 152
СЕРГЕЕВА Екатерина. По дедову бубну по красному рокоту. *Стихи* 156

проза.doc
ПЕРМЯКОВ Андрей. Сибирский тракт и другие крупные реки. Бесконечная книга. *Фрагменты* 159

культурная хроника
КАЛМЫКОВА Вера. «Живопись — это жажда...» *О творчестве О.Фёдорова* 177

на нашей вклейке
ФЁДОРОВ Олег. Живопись

СПЕЦНОМЕР «ДРУЖБА НА ВЫРОСТ» (№ 11)

заочный круглый стол «Только детские книги читать...» ..... XI, 3—22
ИВАНОВА Наталья. Первые, любимые 3
КАПУСТИНА Евфросиния. «Кто знает, на какой именно странице они встретят себя» 5
ЛУЖБИНА Анна. Обида на Александра Волкова 7
ЛЮСЫЙ Александр. Много ли молодому человеку книг надо? 9
НАЦЕНТОВ Василий. На простой деревянной качели… 11
НИЛИН Александр. Первая — и навсегда 13
ПАВЛОВЕЦ Михаил. Самые свои книжки 15
ПЕРМЯКОВ Андрей. «Четырнадцать лет — тоже детство» 17

стр.

ЧУДНОВА Ирина. «Разве медведи ангелы?» 19
ШАРГУНОВ Сергей. «…А папа говорит: нельзя, это человек» 22

проза и поэзия

Алина МИТРОФАНОВА. Время падения снега. *Стихи* 23
Елена БОДРОВА. Тот самый пакет с грёзами. *Повесть* 28
Лилия ГАЗИЗОВА. И я стала облаком. *Детские верлибры для взрослых. Вступительная заметка Алексея Алёхина* 89
Роман СЕНЧИН. На родину. *Рассказ* 94
Елена АЛБУЛ. Рассказы 100
Константин КОМАРОВ. Из цикла «Стихи о русских поэтах» 129
Инна КАБЫШ. Замыслил он побег. *Рассказы* 135
Елена УСАЧЁВА. На площади стоял памятник. *Рассказы*. 150
Елена СЕВРЮГИНА. Ребёнок в тебе рассмеётся. *Стихи* 166
Ирина КРАЕВА. Сказка 169
Анастасия ПОЛЯКОВА. Лилии в инее. *Рассказ* 177
Арина ОБУХ. Петербуженка по имени Ленинград, или «Рай — это безопасное место. На Земле я такого не знаю». *Рассказ* 187
Иван МАКАРОВ. Не пройдёт и не забудется. *Стихи* 192

просто жизнь. XX век

Екатерина БУШУЕВА. В моей памяти навечно... 195

дорожная карта

Дмитрий РУБАШКИН. Алёша Почемучка и Алёша Зачемка. *Размышления пожилого человека о детях, детских книжках и детских вопросах* 208

культурная хроника

Сергей ДМИТРЕНКО. «Салтыкиада. Вятские картинки» Максима Наумова. *К 200-летию со дня рождения М.Е.Салтыкова (Щедрина)* 222

культурный слой

Владимир КУРНОСЕНКО. Письма внуку Роману 225

библионавтика

Ольга БАЛЛА. Какая нам разлука предстоит (*Д.Бавильский. «Лето нашей осени»*). 242

литературный барометр

Евгений АБДУЛЛАЕВ. «Попёнок зовёт его тятей...» 247

правила игры

Борис МИНАЕВ. Мойры и мы 252

на нашей вклейке

Максим НАУМОВ. «Салтыкиада». *Иллюстрации*

Summary

Ibrahim Shaov. The Postman

The protagonist of this novel is the postman in a small village where the letters come less and less often to. "It occurred to him that everybody in the village is waiting for something – not one after another, but all at once: letter, son, doctor, spring..." And once he decides that some letters are better not to be delivered or sent and begins to put them in the bottom drawer. Years later, after the death of the postman the new postwoman Vera finds these dead letters. It's impossible to predict what will be in them.

Vladimir Trenin. The Good Days of Sasha Alexandrov

These are sad short stories about male loneliness, illusions and the price of human warmth. And still the author gives hope: maybe the best days of his characters are still ahead.

Poetry

"Through Space and Coordinates" – the poems of Alexej Derevyankin, a debutant of "DN", are characterized by heartfelt, confiding tone, without pretense, without posturing, but they capture the atmosphere of today's anxious everyday life. In the lyrics of Anna Pavlovskaya there are unhurried reflections about God, personal life experience, about the ups and downs of love. Under the heading "The Double Portrait" Rifat Gumerov – poet and translator of Uzbek poetry presents with love his native Uzbekistan. A selection of Russian translations of contemporary Yiddish poetry.

Madina Hakuasheva. Bilingualism is not a random phenomenon.

In her polemical notes Doctor of Philology from Kabardino-Balkaria wonders: what is the state of the national literatures of the peoples whose native languages are endangered: "When the oral tradition weakens the written word takes on the function of preserving memory, History and people's worldview".

Non-fiction Pro

In this issue the section of Alexander Chantsev is dedicated to the contemplation of the finitude of human existence, the "final" questions. His protagonists are: Theodor Lessing with his philosophy of life, Thomas Macho with his "Metaphors of Death" and a group representing radical Norwegian eco-philosophy. The company seems to be unexpected, but as the thought process unfolds, it turns out that "there are surprisingly many crossings across the boundaries of time and space" and that ultimately this is also a philosophy of resistance.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**
https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044

Подписной индекс в каталоге **Почты России** — **ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте
http://дружбанародов.com

Журнал продаётся в магазине **«Фаланстер»**
Москва, ул. Тверская, 17
(вход с Малого Гнездниковского переулка)

Главный редактор: Амелин М.А.
Корректура: Елена Лапшина
Дизайн обложки: Степан Лукьянов
Учредитель — ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М.Горького»
Министерства культуры Российской Федерации
Издатель — АНО Редакция журнала «Дружба народов»
Юридический адрес: 115172, г.Москва, ул.Гвоздева, д.7/4, стр.1, кв.88.
Почтовый адрес: 117218, г.Москва, ул.Кржижановского, д.13, корп.2, оф. 110.
Электронная почта: dn52@mail.ru. Телефон редакции (499)5190212.
Сайт журнала: дружбанародов.com
Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-51026 от 03.10.1912.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ